

9(C) 1

М 34

63.3 (2-2М) 47

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

ВЫПУСКЪ 1-й,

ИЗДАНЫЙ КО ДНЮ СТОЛЕТНЯГО ЮБИЛЕЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

1 СЕНТЯБРЯ 1863 г.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ СЕМЕНА.

1863.

63.3(2-2M)	+
9(c)1	673477 P.P.
M 34	Матер. гус
	уст. Уин. Моск.
	кошм. гонд.
1863	430-00

проберено

X 8

673477

Тиробер, 1982, -

ОМЛ. КРАЕВЕД. 1

пробер. 03

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

ВЫПУСКЪ 1-й,

ИЗДАННЫЙ КО ДНЮ СТОЛЪТНЯГО ЮБИЛЕЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА.

1 СЕНТЯВРЯ 1863 г.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ СЕМЕНА.

1863.

9(с)1 -1
M 34

63.3 (2-2 м) 47

10 л.

ИМПЕРАТОРСКОГО

МОСКОВСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

МОСКОВСКОГО

УНИВЕРСИТЕТА

Дозволено цензурой. Москва, Августа 21 дня 1863 года.

ИМПЕРАТОРСКОМУ МОСКОВСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ

193509

МОСКВА

ОТДЕЛ
КРАЕВЕДЕНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. А. НЕКРАСОВА

63.3(2-2 м)47-7

91

673477

пр. 292

СОДЕРЖАНІЕ I-ГО ВЫПУСКА.

	Стр.
Вступленіе.	I—IV
I. СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ:	
1) Объ искусственомъ кормленіи грудныхъ младенцевъ.	1—16
2) Историческій очеркъ оспопрививанія въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.	17—40
3) О болъзняхъ и смертности грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.	41—64
Таблица смертности младенцевъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, съ 1764 по 1863 годъ.	
4) О Секретно-Родильномъ Госпиталѣ.	65—85
5) О Законно-Родильномъ Госпиталѣ.	86—89
Приложеніе: Уставъ Родильныхъ Госпиталей и Повивальнаго Института.	90—96
II. РАСПОРЯЖЕНІЯ О ПИТОМЦАХЪ.	
1) Историческій очеркъ воспитанія питомцевъ въ деревняхъ.	1—39
2) Передача питомцевъ на попеченіе родственниковъ.	40—52
3) Усыновленіе деревенскихъ питомцевъ.	53—58
III. РАЗНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ:	
1) О привилегіяхъ Воспитательнаго Дома.	1—14
2) О карточной привилегіи Воспитательнаго Дома.	14—26
3) Аптека Московскаго Воспитательнаго Дома.	26—33
4) О приношеніяхъ въ пользу Воспитательнаго Дома и нѣкоторыхъ другихъ его доходахъ.	33—41
5) Благотворители Воспитательнаго Дома.	42—69
6) Благотворитель Дома Демидовъ.	69—77
7) Угодья, оброчныя статьи и вещи, жалованныя Воспитательному Дому.	78—92
8) Воспитательный Домъ въ 1812 году.	93—113

ЧЕРТЕЖИ:

- 1) Генеральный планъ Воспитательнаго Дома въ концѣ XVIII столѣтія.
- 2) Генеральный планъ Воспитательнаго Дома въ 1863 году.
- Планы большаго зданія—Корделожи и Квадрата:
- 3) 1-го этажа.
- 4) 2-го этажа.
- 5) 3-го этажа.
- 6) 4-го этажа.
- 7) 5-го этажа.
- Планы Окружнаго Строенія:
- 8) 1-го этажа.
- 9) 2-го и 3-го этажей.

По мысли Бецкаго, Манифестомъ Императрицы Екатерины II, подписаннымъ 1-го сентября 1763-го года, учрежденъ въ Москвѣ Воспитательный Домъ съ Госпиталемъ для бѣдныхъ родильницъ. Манифестомъ симъ объявлено, что узаконенію о Воспитательномъ Домѣ определено быть учрежденіемъ Государственнымъ; Императрица обнадежила за Себя и за Ея Пресмнковъ Россійской Императорской Короны, что сіе богоугодное и благочестивое общее государственное учрежденіе будетъ навѣки подъ особливымъ Монаршимъ покровительствомъ и призрѣніемъ. По особенному довѣрію Императрицы къ учредителю Воспитательнаго Дома, управленіе новымъ заведеніемъ ввѣрено было Бецкому, съ весьма обширною властію, которую онъ сохранилъ до самой глубокой старости. Императоръ Павелъ I передалъ главное управленіе Воспитательными Домами Супругъ Своей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. По кончинѣ Императрицы, 14 октября 1828-го года, Императоръ Николай I, указомъ отъ 26 октября, принялъ Воспитательные Дома подъ непосредственное и особенное Свое покровительство и повелѣлъ представлять на Свое усмотрѣніе всѣ дѣла, кои восходили на разрѣшеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны; указомъ же отъ 6-го декабря, по завѣщанію Своей Августѣйшей Матери, велѣлъ Воспитательнымъ Домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ Супруги Своей Императрицы Александры Ѳеодоровны. И нынѣ Воспитательные

Дома остаются подъ непосредственнымъ покровительствомъ благополучно Царствующихъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Основной капиталъ Учрежденія составили щедроты Императрицы Екатерины II и Ея Наслѣдника, Всемилостивѣйше пожаловавшихъ и въ ежегодное подаваніе значительныя суммы. Впрочемъ при самомъ учрежденіи Дома имѣлось въ виду основать его „общимъ подаваніемъ“.

Почему въ то время обнародовано было и воззваніе Святѣйшаго Сипода къ сынамъ Православной Церкви. Списокъ благотворителей Воспитательнаго Дома весьма длиненъ и продолжается непрерывно, выражая общее сочувствіе къ Учрежденію. Въ главѣ этого списка стоятъ: самъ основатель Ив. Ив. Бецкой, принцесса Гессенъ-Гомбургская, рожденная княжна Трубецкая, княгиня Голицына, Прокфій Демидовъ; за ними слѣдуютъ люди всѣхъ состояній:—князья Кантеміръ, Куракинъ, Шаховской, Долгорукій; архіепископъ Амвросій, епископъ Дамаскинъ, архимандритъ Барановичъ, протоіерей Тимковскій; дворяне—Шубскій, Бородинъ, Собакинъ, Шереметева, Кашкадова, Спечинская; купцы—Щуровъ, Телъгинъ, Квасникова, откупщикъ Логиновъ; мѣщанки—Критская, Бочина, служитель Дроздовъ, поселянинъ Сеземовъ; греки—Бубы, Хаджи-Конста и другіе иностранцы также находятся въ числѣ жертвователей.

Съ цѣлью расширить средства Воспитательнаго Дома предоставлены ему были разныя при-

вилегіи и оброчныя статьи. Впослѣдствіи съ учрежденіемъ въ вѣдомствѣ Московскаго Воспитательнаго Дома Сохранной и Ссудной Казны, получаемая отъ нихъ прибыль составила главный источникъ содержанія не только Воспитательнаго Дома, но и многихъ другихъ благотвори- тельныхъ учреждений.

Кругъ дѣйствій Московскаго Воспитательнаго Дома съ самаго начала былъ весьма обширенъ. Разумѣется, что главнѣйшимъ предметомъ было призрѣніе несчастнорожденныхъ дѣтей и не въ одной Москвѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. До учрежденія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія многіе благотворители, называвшіеся попечителями, подъ руководствомъ Воспитательнаго Дома, оказывали призрѣніе подкидышамъ въ С. Петербургѣ, Архангельскѣ, Пензѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ, Осташковѣ, Черниговѣ и проч. Изъ этихъ мѣстъ младенцы препровождались для дальнѣйшаго воспитанія въ Московскій Домъ. По учрежденіи же Приказовъ, многіе изъ нихъ, за скудостію собственныхъ средствъ, получали вспомошествованіе отъ Московскаго Воспитательнаго Дома. Даже и въ настоящее время, въ силу Высочайшихъ повелѣній, несчастнорожденные младенцы пересылаются въ Москву Орловскимъ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія и Комитетомъ, управляющимъ Коломенскою Городскою Больницею.

Воспитательный Домъ не прерывалъ своего благотворительнаго дѣла ни въ моровую язву 1771 года, ни во время занятія Москвы непріателемъ въ 1812 году, ни въ 1830 году, въ холерную эпидемію. Послѣ этихъ бѣдствій поручено было Воспитательному Дому попеченіе о многихъ изъ оставшихся сиротъ: такъ послѣ 1830 года образовался Александринскій Сиротскій Институтъ, а послѣ холеры 1848 г. учрежденъ былъ временный для сиротъ пріютъ въ самомъ Домѣ.

Собственно несчастнорожденныхъ или покинутыхъ младенцевъ съ основанія Дома по 22 августа 1863 года призрѣно 464.614, въ томъ числѣ 75.726 младенцевъ, родившихся въ Госпиталь Дома.

Кромѣ младенцевъ незаконнорожденныхъ,

Воспитательный Домъ вскармливалъ младенцевъ законныхъ, которые нуждались въ призрѣніи, по сиротству, или крайней бѣдности родителей.

Отсюда возникло Малолѣтное Отдѣленіе для штабъ и оберъ-офицерскихъ сиротъ, нынѣ существующее въ видѣ особаго заведенія, и состоящее при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Отдѣленіе офицерскихъ малолѣтковъ. Солдатскихъ дочерей, сиротъ и полусиротъ, Воспитательный Домъ призрѣваетъ по установленнымъ правиламъ, впрочемъ по особому о каждой сиротѣ ходатайству военнаго начальства.

Послѣ призрѣнія несчастнорожденныхъ младенцевъ важнѣйшимъ дѣломъ Воспитательнаго Дома было призрѣніе бѣдныхъ родильницъ не только неизвѣстнаго званія, но и законныхъ. Число такихъ родильницъ всегда было значительно; съ 1832 года въ одинъ Секретный Госпиталь поступило беременныхъ по 1 января сего года 53.036.

Отдѣленіе законныхъ родильницъ первоначально учреждено было въ 1805 году собственнымъ иждивеніемъ Императрицы Маріи Θεодоровны.

При столь обширныхъ Родильныхъ Госпиталяхъ, каковы родильныя палаты Московскаго Воспитательнаго Дома, естественно долженъ былъ возникнуть Повивальный Институтъ. Нынѣ этотъ Институтъ имѣетъ два Отдѣленія: одно для воспитанницъ, содержимыхъ на счетъ казны и назначаемыхъ въ государственную службу, а другое для приходящихъ слушательницъ. Въ разные города Имперіи Московскій Воспитательный Домъ отправилъ въ должности повивальныхъ бабокъ болѣе 800 своихъ воспитанницъ.

Призрѣнные Воспитательнымъ Домомъ несчастнорожденные дѣти носятъ названіе питомцевъ и питомокъ, пока не будутъ причислены въ какое либо изъ существующихъ въ Государствѣ сословій.

При воспитаніи питомцевъ, Правительство имѣло въ различное время различныя цѣли, и сообразно этому измѣнялись и способы призрѣнія питомцевъ. Полное изложеніе этого предмета требуетъ весьма многихъ подробностей. Излагая, вмѣсто предисловія, самый сжатый очеркъ исторіи Воспитательнаго Дома, укажемъ

теперь лишь на то, что по первой мысли Бецкаго питомцы назначались къ умноженію въ Государствѣ средняго состоянія людей. Воспитывать изъ питомцевъ будущихъ художниковъ, ремесленниковъ и проч. предполагалось въ самомъ Домѣ, въ обширныхъ его зданіяхъ, гдѣ были устроены различныя фабрики и мастерскія. Впослѣдствіи, при измѣнившемся взглядѣ на этотъ предметъ, отъ Воспитательнаго Дома учреждены были для питомцевъ свои земледѣльческія колоніи. Эта мысль потомъ оставлена и самыя колоніи уничтожены и наконецъ въ 1837 году, Именнымъ указомъ 25-го іюня, питомцевъ вообще предназначено обращать въ сельское сословіе. Такого воззрѣнія Управление Воспитательнаго Дома держится и нынѣ, послѣ указанія 25-ти лѣтняго опыта со дня означеннаго постановленія: почти всѣ питомцы воспитываются въ деревняхъ и употребляется стараніе, для водворенія ихъ тамъ же, въ возможно большемъ числѣ.

При такихъ различныхъ въ разное время взглядахъ на дѣло воспитанія питомцевъ, соответственно онымъ, возникали разныя учрежденія, какъ-то: мужскіе и женскіе учебные классы Воспитательнаго Дома, Ремесленное Учебное Заведеніе, Фельдшерская Школа и Отдѣленія для образованія приготовительной прислуги и т. п.

Съ приведеніемъ въ исполненіе указа 1837-го года, учебные классы Воспитательнаго Дома, для питомцевъ и питомокъ были уничтожены; въ замѣнъ этого въ составъ управленія Воспитательнаго Дома поступили совершенно особыя заведенія, а именно Институты для оберъ-офицерскихъ сиротъ: мужской и женскій; изъ нихъ мужской соединенъ съ бывшимъ Александринскимъ Институтомъ, который въ свою очередь преобразованъ въ Кадетскій Корпусъ. Нынѣ въ вѣдѣніи Управленія Воспитательнаго Дома состоитъ Николаевскій Сиротскій Институтъ для штабъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей.

Изъ всего предыдущаго ясно, что въ настоящее время подъ именемъ Московскаго Воспитательнаго Дома разумѣется совокупность нѣсколькихъ обширныхъ учреждений, а именно: 1. Грудныя Отдѣленія для приносныхъ младенцевъ. 2. Сущестующія при этихъ Отдѣленіяхъ

палаты для вскормленія законныхъ дѣтей и офицерскихъ малолѣтковъ. 3. Управление питомцами, воспитывающимися въ деревняхъ; сюда должно отнести и сущестующія при Домѣ больницы для питомцевъ. 4. Отдѣленіе для приготовленія изъ питомокъ женской прислуги. 5. Родильные Госпитали: Секретный и Законный. 6. Повивальный Институтъ; и наконецъ — 7. Николаевскій Сиротскій Институтъ, составляющій специальное учебное заведеніе, съ цѣлью призрѣть бѣдныхъ офицерскихъ дѣтей, образованіемъ изъ нихъ гувернантокъ.

Общее число призрѣваемыхъ Воспитательнымъ Домомъ простирается свыше 35 тысячъ человекъ. Въ самомъ зданіи Воспитательнаго Дома младенцевъ, кормилицъ, питомокъ, воспитанницъ и другихъ призрѣваемыхъ отъ 3 до 4 тысячъ.

При такихъ размѣрахъ Московскій Воспитательный Домъ есть обширнѣйшее благотворительное заведеніе не только изъ всѣхъ Московскихъ, но и вообще изъ сущестующихъ въ Имперіи.

Манифестъ объ основаніи Дома состоялся 1-го сентября 1763 года; но открытіе Дома и пріемъ младенцевъ послѣдовали 21-го апрѣля 1764 года. Въ декабрѣ 1862 года Государь Императоръ повелѣлъ столѣтній юбилей Дома праздновать 1-го сентября 1863 года, а въ прошедшемъ мартѣ утверждена программа празднованія и ассигнованы деньги, между прочимъ и на расходы по изданію матеріаловъ для исторіи Заведенія, на заготовленіе чертежей и рисунковъ. Послѣ этого безотлагательно приступлено было къ приведенію въ порядокъ собранныхъ историческихъ свѣдѣній и дополненію оныхъ тѣми указаніями, которыя заключались въ старыхъ, времени Бецкаго, дѣлахъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта.

Въ Петербургѣ, куда я былъ командированъ по дѣламъ лишь на двѣ недѣли, въ мартѣ текущаго года, не только прочесть, но и ознакомиться съ кипами этихъ дѣлъ, мнѣ было невозможно.

По просьбѣ моей, Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургъ-

Всѣмъ чинамъ Императорскаго
Университетскаго Лѣкарскаго
Института

ПРОГРАММА

I.

СВѢДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ВОСПИТАНІЯ ПИТОМЦЕВЪ ВЪ ДЕРЕВНЯХЪ.

I.

(1764—1797).

При учрежденіи Московскаго Воспитательнаго Дома, первоначально имѣлось въ виду приносимымъ дѣтямъ давать воспитаніе въ самомъ Домѣ, до того возраста, когда они, получивъ образованіе, сообразное своимъ наклонностямъ и способностямъ, наконецъ достигнуть возможности своими трудами снискивать себѣ пропитаніе.

Такое воспитаніе представлялось, съ перваго взгляда, соотвѣтственнымъ предположенной цѣли, ибо въ намѣреніяхъ Бецкаго было—обратить питомцевъ на усиленіе средняго сословія.

Бецкой высказалъ эту цѣль и въ Генеральномъ Учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества, конфирмованномъ Императрицей 12-го марта 1764-го года, и въ *Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома*.

Мысль Бецкаго еще яснѣе выражена въ предисловіи къ *Генеральному Плану Воспитательнаго Дома*, названному имъ: *предъувѣдомленіе къ читателямъ*. Здѣсь Бецкой прямо говоритъ, что Воспитательный Домъ долженъ образовывать изъ дѣтей, которыя будутъ ввѣрены его попеченію, хорошихъ мастеровъ, художниковъ и ученыхъ.

Въ этихъ видахъ Генеральнымъ Планомъ постановлено, чтобы каждый питомецъ, по изученіи своего мастерства, оставался въ Домѣ и послѣ совершеннолѣтія. Тогда, вступивъ въ бракъ съ воспитанницею Воспитательнаго Дома, онъ обязанъ былъ три или четыре года работать въ мастерскихъ при Домѣ, впрочемъ получая за труды свои нѣкоторое вознагражденіе.

Однако воспитаніе дѣтей въ самомъ Домѣ скоро оказалось неудобнымъ. Скопленіе дѣтей въ палатахъ и недостатокъ въ кормилицахъ имѣли послѣдствіемъ чрезвычайную смертность между дѣтьми.

Въ 1764-мъ году, въ которомъ открытъ Воспитательнымъ Домомъ пріемъ дѣтей, изъ числа принесенныхъ 523-хъ младенцевъ, въ томъ же году умерло 424, то есть 81 изъ 100.

Въ 1765-мъ году всѣхъ младенцевъ было въ Воспитательномъ Домѣ 892; умерло въ этомъ году 598, т. е. 67 изъ 100.

Въ 1766-мъ году число находившихся въ Домѣ младенцевъ простиралось до 1036-ти; изъ нихъ умерло въ теченіе года 494, т. е. 47 изъ 100.

Наконецъ, въ 1767-мъ году число принесенныхъ въ Домъ младенцевъ, съ поступившими въ него изъ Родильнаго Госпиталя и оставшимися отъ 1766-го года, простиралось до 1631; изъ нихъ къ концу года осталось въ живыхъ 557, умерло 1074, т. е. 65 изъ 100.

Такимъ образомъ отъ 3147-ми младенцевъ, ввѣренныхъ попеченію Воспитательнаго Дома, по истеченіи 4-хъ лѣтъ, осталось въ живыхъ только 557, а 2590 умерло; слѣдовательно число умершихъ составляло 82 процента.

Такіе неудовлетворительные результаты заставили обратить вниманіе на причины смертности.

Опекунскій Совѣтъ, въ собраніи 10-го мая 1768 года, призналъ самою лучшею мѣрою, для

предупрежденія значительной смертности дѣтей, раздавать ихъ на воспитаніе по деревнямъ.

Впрочемъ мысль о сельскомъ воспитаніи явилась еще прежде: въ іюнь 1764 года, по письму Бецкаго, сдѣлано было распоряженіе о помѣщеніи 10-ти младенцевъ, въ видѣ опыта, къ деревенскимъ кормилицамъ, съ платою за воспитаніе каждаго по 1-му руб. 25 коп. въ мѣсяць. Результатовъ этой попытки мы не знаемъ; но только извѣстно, что впоследствии самъ Бецкой былъ противъ деревенскаго воспитанія.

Въ ноябрѣ 1764-го года, крестьяне, сосѣдніе съ тѣми деревнями, по которымъ розданы были питомцы, изъявили желаніе брать на воспитаніе дѣтей, съ условіемъ получать за каждое дитя по 2 руб. въ мѣсяць вознагражденія.

Впрочемъ раздача дѣтей для воспитанія въ деревняхъ установилась не ранѣе 1768-го года. Въ теченіе менѣе чѣмъ осьми мѣсяцевъ (съ мая 1768 года по январь 1769-го), 432 младенца изъ числа 1671, бывшихъ въ Домѣ, вывезены кормилицами въ деревни. Въ дѣлахъ Комиссіи, учрежденной въ 1796-мъ году, для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, есть записка главнаго надзирателя Гаврилова, изъ которой видно, что съ 6-го мая 1768-го по іюнь 1769-го года младенцы раздавались по деревнямъ для вскормленія только на девять мѣсяцевъ. Впоследствии они возвращались въ Домъ, для окончательнаго воспитанія и образованія, по достиженіи 3-хъ, 4-хъ и даже 5-лѣтняго возраста. По 2-му же или 3-му году ихъ привозили въ Воспитательный Домъ для привитія предохранительной оспы.

При первоначальной раздачѣ дѣтей по деревнямъ, въ 1768-мъ году, отъ приходящихъ кормилицъ требовались письменныя свидѣтельства, удостоверяющія ихъ личность. Гавриловъ въ запискѣ своей говоритъ, что когда кормилицы были крѣпостныя, то въ пріемъ ими младенцевъ требовалась росписка грамотныхъ людей, уполномоченныхъ отъ помѣщиковъ вѣрующими письмами. Они удостоверяли личность кормилицы и получали, для передачи ей, жалованье, слѣдующее за вывезеннаго младенца. За воспитаніе каждаго изъ нихъ въ томъ году положено было

выдавать по 2 руб. въ мѣсяць, и, сверхъ того, по 2 рубля награжденія, при возвращеніи младенца въ Домъ, по истеченіи 9-ти мѣсяцевъ. Съ іюня 1769-го года награжденія выдавали по 1-му рублю; а съ 21-го мая 1771-го года изъ 2-хъ рублей ежемѣсячнаго жалованья удерживалось по 50-ти копѣекъ. Сумма, собранная такимъ вычетомъ, выдавалась кормилицѣ, по вскормленіи ребенка и возвращеніи его въ Воспитательный Домъ.

Въ 1770-мъ году постановлено было: всѣмъ кормилицамъ, которыя брали дѣтей, отпускать на каждаго: 2 рубашки, 3 пеленки—одну байчатую и двѣ холстинныхъ—и по одной шапочкѣ. Приходя ежемѣсячно въ Воспитательный Домъ за жалованьемъ, кормилицы обязаны были приносить и всѣ эти вещи для освидѣтствованія. За утраченныя у нихъ вычиталось изъ жалованья.

Въ 1777-мъ году 8-го іюня подтверждено назначеніе платы, опредѣленной деревенскимъ кормилицамъ за воспитаніе дѣтей, по 1 рублю 50 коп. въ мѣсяць, и назначено выдавать по прежнему 1 рубль серебромъ награжденія, при возвращеніи ребенка въ Воспитательный Домъ.

Но выдача кормилицѣ 50 коп. прибавочныхъ за каждый мѣсяць, по окончаніи деревенскаго воспитанія ребенка, отмѣнена. Въ журналѣ Опекунскаго Совѣта сказано, что такая прибавочная плата назначалась для поощренія крестьянскихъ женщинъ вывозить младенцевъ изъ Воспитательнаго Дома. А какъ въ деревенскихъ кормилицахъ уже недостатка не было, то и въ поощрительной прибавочной платѣ надобности болѣе не представлялось. При этомъ Совѣтъ принялъ во вниманіе, что изъ-за прибавочныхъ денегъ кормилицы иногда питомцевъ возвращали въ Домъ „безвремени.“

Тѣмъ же журналомъ Опекунскаго Совѣта вновь опредѣленъ былъ возрастъ, до котораго дѣти должны были оставаться у деревенскихъ воспитателей: положено оставлять ихъ въ деревняхъ до 2-хъ и 3-хъ лѣтъ, смотря по обстоятельствамъ и по усмотрѣнію главной надзирательницы и доктора.

Въ запискѣ Гаврилова сказано, что съ 1779 года выдача кормилицамъ награжденій отмѣне-

на.—И жалованье кормилицы получали не одинаковое: такъ главный надзиратель Ковалинскій иногда уговаривалъ ихъ брать младенцевъ за меньшую плату, и многія изъ нихъ, какъ видно изъ росписокъ въ книгахъ, безъ всякаго награжденія получали только по 1 рублю въ мѣсяць.

Въ 1779-мъ году утверждено новое положеніе: за воспитаніе младенцевъ въ деревняхъ назначено платить по 1 руб. 25. коп. въ мѣсяць.

Въ 1797-мъ году Опекунскій Совѣтъ призналъ полезнымъ, въ видахъ улучшенія содержанія дѣтей въ деревняхъ, увеличить, какъ количество отпускаемыхъ на нихъ вещей, такъ и вознагражденіе кормилицамъ:

Во 1-хъ, назначено было на каждаго ребенка, отправляемаго съ кормилицею въ деревню, выдавать 6 рубашекъ, 6 холстинныхъ пеленокъ и 3 пеленки каразейныя.

Во 2-хъ, на второй годъ воспитанія выдавать на каждаго ребенка по 13-ти аршинъ полотна и по 2½ аршина каразей; а на слѣдующіе годы— по 13-ти же аршинъ полотна и по 3 аршина каразей.

Во 3-хъ, жалованье назначалось по 1-му руб. 50 коп. въ мѣсяць, и сверхъ того положено выдавать каждой кормилицѣ по 50 коп., при приѣмѣ ею младенца.

Во 4-хъ, кормилицамъ, у которыхъ дѣти, при осмотрѣ ихъ объѣздными надзирателями и лекаремъ, окажутся здоровыми, выдавать сверхъ жалованья, по одному рублю награды за 3-й и 6-й мѣсяцы воспитанія, а потомъ ежегодно по 2 рубля, при полученіи жалованья за послѣдній мѣсяць года. При возвращеніи же ребенка въ Воспитательный Домъ на 6-мъ году—выдавать воспитательницѣ 6 руб. награжденія.

Еще въ 1768-мъ году, спустя нѣсколько дней послѣ первой раздачи младенцевъ для воспитанія деревенскимъ кормилицамъ, определенъ Опекунскимъ Совѣтомъ особый чиновникъ, который долженъ былъ каждую недѣлю объѣзжать тѣ селенія, гдѣ находились питомцы. Онъ обязанъ былъ лично удостовѣряться, какъ они содержатся, нѣтъ-ли между ними больныхъ и вести наблюденія своимъ журналъ. О всемъ

замѣченнымъ во время объѣздовъ на обязанности его лежало рапортовать каждую субботу главному надзирателю. Въ должность эту определенъ былъ отставной конюшенный ясельничій Михаилъ Евреиновъ съ жалованьемъ по сту тридцати рублей въ годъ и по пятидесяти руб. на разъѣзды. Въ это время въ деревняхъ находилось всего только тридцать питомцевъ.

Не далѣе какъ черезъ мѣсяць, Опекунскій Совѣтъ снова обратилъ вниманіе на это дѣло, потому что число дѣтей въ деревняхъ возросло,—и объѣзжать ихъ одному лицу было трудно. Тогда еженедѣльные объѣзды замѣнены были ежемѣсячными, и Евреинову увеличено жалованье 20-ю рублями.

Между тѣмъ, значительные расходы на раздачу дѣтей по деревнямъ, и усилившаяся между ними смертность въ 1779-мъ году навели Бецкаго на мысль воспитывать дѣтей въ лѣтнее время на Загородномъ Дворѣ, а на зиму перевозить ихъ въ палаты Дома. Когда же до Бецкаго дошло, что деревенскіе питомцы нерѣдко обращаются въ крѣпостное состояніе, тогда, какъ видно изъ переписки его съ оберъ-директоромъ Воспитательнаго Дома Гогелемъ, онъ намѣревался не только прекратить раздачу дѣтей по деревнямъ, но и возвратить въ Домъ находившихся уже у деревенскихъ воспитателей. Гогель представилъ ему новые *распорядки*, по предмету воспитанія питомцевъ въ деревняхъ; вслѣдствіе чего намѣреніе Бецкаго и не было приведено въ исполненіе. Но въ чемъ именно заключались эти *распорядки* Гогеля,—изъ переписки не видно. Видно только настояніе Бецкаго, чтобы плата кормилицамъ производилась ежемѣсячно и чтобы онѣ при этомъ для осмотровъ привозили питомцевъ въ Домъ.

Взглядъ Бецкаго на надзоръ за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ изложенъ въ его *предварительномъ объясненіи*, присланномъ имъ въ Опекунскій Совѣтъ, въ декабрѣ 1788-го года. “Какъ въ разсужденіи великаго множества приносныхъ дѣтей здѣсь (въ С. Петербургѣ) и въ Москвѣ,—сказано въ *объясненіи*,— оныя всѣ не могутъ быть помѣщены въ Домъ, а изъ нихъ самага крѣпкаго сложенія отдаются по деревнямъ на вскормленіе до трехъ и четырехъ

лѣтъ, и для того, сверхъ предписанныхъ въ Планѣ, учрежденъ новый чиновникъ, по исправленію своему весьма важный, подъ названіемъ *Разъѣздый надзиратель*. Должность его, о которой, въ данной ему особой инструкціи подробно изъяснено, въ томъ состоитъ, чтобы по деревнямъ разъѣзжать, и съ крайнимъ попеченіемъ стараться о сохраненіи здоровья дѣтей, подавая крестьянамъ наставленіе, какимъ образомъ поступать; тѣхъ же, которыя больны, брать въ Домъ и, по выздоровленіи, отвозить назадъ, а послѣ всякаго разъѣзда объявлять письменно Совѣтамъ о состояніи каждаго младенца подробно. Такого человѣка, который, хотя не лекаръ, но былъ бы искусенъ опытами въ части физическаго воспитанія, а наипаче совѣстенъ, честенъ и человѣколюбивъ, выборъ, зависящій отъ Опекунскихъ Совѣтовъ, долженъ быть безпристрастенъ и безошибоченъ; ибо они ему ввѣряютъ свое собственное попеченіе о жизни человѣческой. А потому, для большей твердости, оберъ-директоръ-ли, или кто изъ господъ опекуновъ обязаны нѣсколько разъ въ годъ ѣздить не въ извѣстное время, для надзиранія объ успѣхахъ физическаго воспитанія по деревнямъ.⁶

Въ слѣдующемъ году, на вновь учрежденную должность чиновника для разъѣздовъ по деревнямъ, опредѣленъ былъ *одобренный въ способностяхъ и честности Докторомъ Янишемъ*, какъ сказано въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 1-го мая 1789-го года, уволенный изъ морской службы флотскій штабъ-лекаръ Ремизовъ. 26-го мая Ремизову дана инструкція, которой онъ долженъ былъ руководствоваться при осмотрѣ дѣтей.

Инструкція эта помѣщена въ приложеніи къ настоящему очерку.

Принятую на себя обязанность Ремизовъ исполнялъ только до декабря того же 1789-го года. Съ тѣхъ поръ должность эта оставалась никѣмъ незамѣщенной, за неотысканіемъ, какъ сказано въ совѣтскомъ опредѣленіи, 2-го апрѣля 1791-го года, *человѣка соответственныхъ таковой должности качествъ и способностей*.

Наблюденіе за воспитаніемъ дѣтей до 1791-го года ограничивалось осмотромъ ихъ въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, куда ихъ нарочно для того привозили.

Изъ бумагъ Коммисіи, учрежденной въ 1796-мъ году, для разсмотрѣнія дѣлъ и происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, видно, что нѣсколько времени чиновники не посылались по деревнямъ для осмотра питомцевъ, изъ опасенія притѣсненій кормилицамъ и во избѣжаніе разныхъ неблаговидныхъ послѣдствій. Въмѣсто того три раза въ годъ привозили питомцевъ въ Домъ, для осмотра ихъ медиками. Такъ, по крайней мѣрѣ, отозвался оберъ-директоръ Гогель на замѣчанія по этому предмету графа Миниха.

При этомъ нельзя не замѣтить, что осмотръ въ самомъ Домѣ могъ удостовѣрить только въ состояніи здоровья привозимаго ребенка; но никакъ не въ томъ, что воспитательница содержать его хорошо.

Далѣе—въ 1791-мъ году, назначенъ былъ для надзора за деревенскими питомцами коллежскій ассесоръ Владычинъ, съ званіемъ *разъѣзднаго надзирателя за воспитаніемъ дѣтей въ деревняхъ*. Однако постояннаго надзора за ихъ воспитаніемъ и съ опредѣленіемъ Владычина все-таки установлено не было. Въ положеніи Опекунскаго Совѣта, 2-го апрѣля 1791-го года, сказано, что Владычинъ опредѣляется для командировокъ, по случающимся въ томъ надобностямъ; прочее же время онъ долженъ заниматься при Совѣтѣ, по усмотрѣнію контролера, по письменнымъ дѣламъ вмѣстѣ съ экспедиторомъ, и исполнять другія порученія. Опредѣленнаго количества разъѣздныхъ денегъ Владычину также не положено, а выдавались ему прогоны, въслучаѣ командировокъ. Изъ записки Гаврилова видно, что до 1795 года питомцевъ, какъ и прежде, привозили для осмотра въ Воспитательный Домъ.

Главный Попечитель графъ Сиверсъ, первый призналъ необходимымъ усилить надзоръ за содержаніемъ дѣтей въ деревняхъ. Поэтому въ 1797 году, въ пособіе объѣзжему надзирателю Отяеву опредѣленъ былъ для исполненія тѣхъ

же обязанностей подпоручикъ Средній-Комашевъ, съ жалованьемъ и на лошадей для объздовъ по 500 рублей въ годъ. Объезды между Отяевымъ и Среднимъ-Комашевымъ предоставлено главному надзирателю распределить поровну.

Въ томъ же году объездному надзирателю дана была для руководства особая инструкция, состоявшая изъ шести пунктовъ наставлений.

Эта инструкция помѣщена въ приложеніи.

Для оказанія пособія больнымъ питомцамъ графъ Сиверсъ полагалъ полезнымъ, чтобы при надзирателяхъ, во время ихъ объздовъ, находился надежный подъя-декаръ, который въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовался бы наставленіями главнаго доктора Воспитательнаго Дома.

Въ спискахъ, представленныхъ въ 1796-мъ году главнымъ надзирателемъ въ Комиссію для разсмотрѣнія происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, мы находимъ свидѣтельство, что питомцы воспитывались тогда въ 11-ти уѣздахъ Московской губерніи, а именно:

УѢЗДЫ:

	Во сколько селеніяхъ	Сколько было питомцевъ.			у сколькихъ кормилицъ.
		муж.	жен.	итого	
Звенигородскій	89	260	383	643	543
Воскресенскій	61	199	254	453	377
Верейскій	24	114	175	289	221
Дмитровскій	30	89	153	242	203
Рузскій	8	49	69	118	84
Богородскій	21	55	58	113	102
Подольскій	22	41	35	76	68
Московскій	5	26	30	56	39
Никитскій	6	13	23	36	30
Бронницкій	2	3	4	7	7
Клинскій	1	1	5	6	6
Всего	269	850	1189	2039	1680

Изъ этихъ 269-ти селеній только 5 было экономическихъ, а остальные 264 — помѣщичьи.

Слѣдующая таблица показываетъ прибыль и убыль питомцевъ въ деревняхъ съ 1768 по 1698 годъ.

	Въ теченіе года поступило изъ Воспитательнаго Дома въ деревни.		Всего съ остаткомъ отъ предъидущаго года было въ деревняхъ.		Изъ нихъ убыло				Оставалось къ слѣдующему году.	
					Умерло		Возвращено въ Воспитательный Домъ.			
	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.
Въ 1768-мъ году	157	275	157	275	54	171	»	»	103	104
» 1769 «	806		1013		459		»	»	554	
» 1770 «	934		1488		577		»	»	911	
» 1771 «	663		1574		607		287		680	
» 1772 «	405		1085		196		272		617	
» 1773 «	1092		1709		715		331		663	
» 1774 «	1108		1771		862		107		802	
» 1775 «	1329		2131		839		240		1052	
» 1776 «	1078		2130		785		218		1127	
» 1777 «	1258		2385		982		139		1264	
» 1778 «	1190		2454		974		60		1420	
» 1779 «	1011		2431		792		285		1354	
» 1780 «	998		2352		767		274		566	745

	Въ теченіе года поступило изъ Воспитательнаго Дома въ деревни.		Всего съ остат- комъ отъ предъ- идущаго года бы- ло въ деревняхъ.		Изъ нихъ убыло.				Оставалось къ слѣдующему году.	
					Умерло.		Возвращено въ Воспитательный Домъ.			
					мальч.	дѣвоч.	мальч.	дѣвоч.		
• 1781	498	546	1064	1291	316	363	53	95	695	833
• 1782	527	537	1222	1370	321	350	108	143	793	877
• 1783	504	609	1297	1486	347	332	56	87	894	1067
• 1784	439	573	1333	1640	277	334	80	98	976	1208
• 1785	452	574	1428	1782	278	346	149	204	1001	1232
• 1786	599	738	1600	1970	388	448	35	46	1177	1476
• 1787	592	738	1769	2214	305	408	81	116	1383	1690
• 1788	438	604	1821	2294	291	378	97	173	1433	1743
• 1789	526	645	1959	2388	351	375	99	135	1509	1878
• 1790	531	738	2040	2616	681	908	18	15	1344	1693
• 1791	582	722	1923	2415	509	575	145	224	1269	1616
• 1792	567	737	1836	2353	596	739	83	145	1157	1469
• 1793	448	547	1605	2016	303	371	71	126	1231	1519
• 1794	507	635	1738	2154	471	594	22	33	1245	1527
• 1795	668	789	1913	2316	890	931	40	6	1013	1379
• 1796	757	904	1770	2283	817	986	87	113	866	1184
• 1797	526	722	1392	1906	754	942	85	166	553	1798
Итого	32823		—		26055		5417		1351	

Цифры, приводимыя нами, взяты изъ книгъ Крестоваго отдѣленія Воспитательнаго Дома. Въ этихъ книгахъ обыкновенно отмѣчается время

отправленія питомцевъ для воспитанія по деревнямъ, официальные извѣстія о смерти ихъ и другія происходящія съ ними перемены.

II.

(1797—1837 г.)

Въ 1797 году Императоръ Павелъ 1-й ввѣрилъ высшее управленіе Воспитательными Домами, со всѣми принадлежавшими къ нимъ заведеніями, Супругъ своей, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ именномъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, 2-го мая 1797 года, сказано, что Императрица принимаетъ на себя главное начальство надъ Воспитательными Домами изъ сроднаго ей челоувѣколюбія и желанія споспѣшествовать общему добру.

Съ этого времени начинается для Московскаго Воспитательнаго Дома новый періодъ существованія. Подъ управленіемъ Императрицы Маріи по Воспитательнымъ Домамъ измѣнено назначеніе питомцевъ и, сообразно тому, самый характеръ ихъ воспитанія.

До сихъ поръ всѣ мѣры, которыя принимаемы были въ отношеніи ихъ, клонились къ достиженію цѣли, указанной Бецкимъ—образовать изъ нихъ городское сословіе. Самая задача (съ 1768 года) питомцевъ, для первоначальнаго воспитанія, по деревнямъ, въ сущности не измѣнила ихъ назначенія. Изъ деревень дѣти возвращались по шестому году въ Воспитательный Домъ, для образованія изъ нихъ мастеровыхъ, фабричныхъ и разнаго рода ремесленниковъ.

Число приносимыхъ дѣтей, между тѣмъ, годъ отъ году возрастало: вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и затрудненія въ приисканіи для нихъ приличныхъ помѣщеній на фабрикахъ, заводахъ и у частныхъ ремесленниковъ. Быть можетъ, что самое образованіе изъ питомцевъ городского сословія не соответствовало болѣе ви-

дамъ Правительства. Поэтому Высочайше учрежденной, 28-го октября 1796-го года, Коммисіи поручено было опредѣлить число питомцевъ, назначаемыхъ для обученія ремесламъ въ Домѣ. Предполагалось отдавать ихъ въ ученіе къ частнымъ мастерамъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ, съ осьмилѣтняго возраста, мальчиковъ на 16, а дѣвочекъ на 12 лѣтъ, и, по выучкѣ ихъ мастерствамъ, выдавать имъ на обзаведеніе: первымъ— по 300, а послѣднимъ— по 150 рублей. Прочихъ же питомцевъ Правительство находило болѣе полезнымъ изъ деревень не брать въ Домъ, а поселять способныхъ изъ нихъ въ многоземельныхъ губерніяхъ.

Въ 1797 году 24-го декабря, С. Петербургскому и Московскому Воспитательнымъ Домамъ дано было Установленіе, существенныя черты котораго заключались въ слѣдующемъ:

Въ каждомъ Воспитательномъ Домѣ назначено было воспитывать пятьсотъ питомцевъ обоего пола. Прочихъ младенцевъ, приносимыхъ въ Воспитательные Дома, разсылать по деревнямъ, оставляя ихъ у деревенскихъ воспитательницъ до трехлѣтняго возраста. За тѣмъ брать ихъ въ Домъ и, по привитіи имъ предохранительной оспы, вновь размѣщать по деревнямъ, по назначенію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. Экспедиція обязана была приискивать для питомцевъ воспитателей изъ крестьянъ благонадежныхъ и добраго поведенія,—и имѣть надлежащій надзоръ за воспитаніемъ этихъ питомцевъ.

Воспитательные Дома отпускали въ Экспедицію Государственнаго Хозяйства по 18 руб.

въ годъ на содержаніе каждаго питомца отъ 3-хъ до 17-лѣтняго возраста, а питомки отъ 3-хъ до 15-лѣтняго, кромѣ того по 2 р. въ годъ награжденія воспитателямъ какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ отъ 3-хъ до 7 ми лѣтъ. При выходѣ питомки за-мужъ положено выдавать ей 25 руб. на приданое; а питомцу, при водвореніи его на особый участокъ земли—18 рублей, т. е. годовое его содержаніе, на покупку земледѣльческихъ орудій.

По достиженіи питомцемъ 17-лѣтняго возраста, назначено было отводить ему, для обработыванія, участокъ земли и луговъ, и перечислять его въ казенные крестьяне того селенія, гдѣ онъ водворенъ.—При этомъ водвореннаго питомца на первый разъ снабжали сѣмьями изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ, по указанію Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Съ цѣлью постепеннаго приспособленія 3-лѣтнихъ дѣтей къ сельскому быту и за тѣмъ къ окончательному обращенію въ сельское сословіе, первоначально полагалось размѣщать ихъ только по казеннымъ селеніямъ. 13-го сентября 1798-го года, послѣдовало разрѣшеніе, въ случаѣ невозможности поселить всѣхъ питомцевъ въ казенныхъ деревняхъ, отправлять ихъ въ имѣнія удѣльныя, въ окрестностяхъ Москвы. 17-го января 1799 года, указано было дѣлать это размѣщеніе чрезъ сношеніе Опекунскаго Совѣта съ гражданскимъ правительствомъ и Департаментомъ Удѣловъ, причемъ велѣно отправлять дѣтей подъ надежнымъ надзоромъ.

Такимъ образомъ, согласно установленному вновь порядку, въ 1799-мъ году съ Высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 9-го мая того года, размѣщено изъ Московскаго Воспитательнаго Дома по казеннымъ селеніямъ 169 питомцевъ; не лишнее замѣтить, что имъ пририта была предохранительная оспа.

Однако это распоряженіе вскорѣ найдено неудобнымъ,—и Высочайшимъ повелѣніемъ, 8-го іюня 1799-го года, указано—назначаемыхъ къ размѣщенію по казеннымъ селеніямъ воспитанниковъ, въ Москву не привозить, а оставлять въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ они воспитывались, увѣдомляя о каждомъ гражданскаго губернатора, для распредѣленія по казеннымъ деревнямъ.

Въ 1800 году послѣдовало распоряженіе размѣщать по казеннымъ селеніямъ преимущественно мальчиковъ, которые, какъ сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи 7-го февраля 1800 года, и для себя собственно, и для государства могутъ быть полезнѣе дѣвочекъ.

Существенное измѣненіе въ назначеніи питомцевъ, по законоположенію 24 декабря 1797 года, вызвало многія мѣры, какъ въ отношеніи устройства надзора за воспитаніемъ ихъ въ деревняхъ и управленія этою частію, такъ касающіяся и самого воспитанія и обезпеченія участи деревенскихъ питомцевъ.

Высочайшимъ рескриптомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 24 декабря 1797-го года, на имя Главнаго Попечителя графа Сиверса, назначены были въ Москвѣ и въ С.Петербургѣ особые члены Опекунскихъ Совѣтовъ, для надзора за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ.

Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ управленіе ими и надзоръ за ихъ воспитаніемъ возложенъ былъ на почетнаго члена и опекуна дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Васильевича Салтыкова. Онъ не замедлил признать полезнымъ назначеніе особыхъ медицинскихъ чиновниковъ, для ближайшаго надзора на мѣстахъ воспитанія за деревенскими питомцами.

Мнѣніе Салтыкова удостоилось Высочайшаго утвержденія Императрицы,—и 19-го марта 1798 года Опекунскій Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ, чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ, желающихъ занять должности объѣзжихъ лекарей. Вслѣдъ за тѣмъ оба Опекунскіе Совѣта получили Высочайшій рескриптъ Императрицы, данный въ С.Петербургѣ, 23-го марта 1798-го года, на основаніи котораго объѣзжіе лекаря замѣняли объѣзжихъ надзирателей. Въ рескриптѣ, между прочимъ, поручалось Опекунскимъ Совѣтамъ объяснить объѣзжимъ надзирателямъ, что должности ихъ упраздняются не по недовольствію на нихъ, а вслѣдствіе одной необходимости. До принсканія же другихъ мѣстъ за объѣзжими надзирателями сохранено было присвоенное должностямъ ихъ жалованье.

Слѣдственная Коммисія, учрежденная для разсмотрѣнія дѣлъ и происшествій по Воспитательнымъ Домамъ, между прочимъ, открыла,

что изъ 40.600 принесенныхъ дѣтей, въ началѣ 1797 года, состояло всего навсего 4711 человекъ. Остальные умерли, или были утаиваны, или наконецъ—пропали безъ вѣсти (*). Императрица Марія, въ отвращеніе разныхъ злоупотребленій, по воспитанію питомцевъ въ деревняхъ, въ докладѣ (5 октября 1797 г.) Своему Августѣйшему Супругу, просила Высочайше указать «Преосвященнымъ Митрополитамъ и начальствующимъ по гражданской части, какъ въ С. Петербургѣ такъ и въ Москвѣ, дабы первые предписали находящимся въ деревняхъ священникамъ въ окружности сихъ столицъ, а послѣдніе Нижнимъ Земскимъ Судамъ—о доставленіи вѣрныхъ о приносимыхъ и изъ нихъ умирающихъ младенцахъ вѣдомостей для отмѣтки по книгамъ Воспитательнаго Дома и о присмотрѣ за содержаніемъ ихъ.» Государыня полагала, что, получая о питомцахъ свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, можно будетъ сличать ихъ между собой и черезъ то обнаружить причины великой смертности между дѣтьми.

Согласно желанію Императрицы, Императоръ Павелъ I послалъ указы митрополитамъ петербургскому и московскому, отъ 9-го октября 1797 года. Митрополиты, сообразуясь съ Высочайшей волей, предписали священникамъ тѣхъ селеній, въ которыхъ воспитывались питомцы Дома, *пастырскими наставленіями убѣждать воспитателей должность свою исполнять рачительно.* Кроме того, священники обязаны были надзирать за содержаніемъ дѣтей, доставляя въ тоже время въ Воспитательный Домъ полугодовыя или третныя вѣдомости объ нихъ, съ показаніемъ умирающихъ. Въстѣ съ этими повелѣніями посланъ указъ московскому военному губернатору князю Долгорукову, которымъ предписывалось, чтобы Нижніе Земскіе Суды также въ своихъ уѣздахъ имѣли наблюденіе надъ образомъ содержанія и призрѣнія питомцевъ и доставляли бы о нихъ въ Воспитательный Домъ, какъ и сельскіе священники, третныя или полугодовыя вѣдомости, съ показаніемъ умирающихъ.

Мѣра эта въ скоромъ времени оказалась

(*) Предложеніе Главнаго Попечителя графа Сиверса, записанное въ журналѣ Моск. Опек. Совѣта 20 апрѣля 1797 г.

неудобною. Деревенскія воспитательницы находили весьма затруднительнымъ ѣздить въ уѣздные города, для объявленія о смерти питомцевъ, какъ того требовали Земскіе Суды. Почему, 27-го сентября 1798 г., Московскій Опекунскій Совѣтъ просилъ устранить капитанъ-исправниковъ и Нижніе Земскіе Суды отъ вмѣшательства въ воспитаніе деревенскихъ питомцевъ. Наблюденіе же за тѣмъ, чтобы деревенскимъ воспитателямъ не платили за умершихъ, Совѣтъ полагалъ оставить на отвѣтственности объѣздныхъ надзирателей и мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. На этотъ конецъ онъ просилъ вмѣнить въ обязанность священникамъ отмѣчать о смерти питомцевъ на билетахъ, выдаваемыхъ деревенскимъ кормилицамъ, для полученія изъ Воспитательнаго Дома за воспитаніе ихъ платы. Кроме того они записывали о смерти питомцевъ въ метрическихъ книгахъ и доносили Духовной Консисторіи, которая отъ себя уже пересылала эти донесенія въ Совѣтъ.

5-го октября 1798-го года Императрица одобрила такое предположеніе Московскаго Опекунскаго Совѣта—и съ того времени земская полиція не вмѣшивалась болѣе въ надзоръ за воспитаніемъ деревенскихъ питомцевъ.

По публикаціи въ газетахъ, сдѣланной Опекунскимъ Совѣтомъ, о замѣщеніи вновь учрежденныхъ должностей объѣзжихъ лекарей явились, оставшіеся въ баталіонахъ гарнизоннаго Генералъ-Лейтенанта Архарова полка за комплектомъ, лекаря Данилевскій и Ястребцовъ.

Въ журналѣ Опекунскаго Совѣта, 17 мая 1798 года, записано, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ Совѣта, объ опредѣленіи Данилевскаго и Ястребцова, Государыня написала: „Принять ихъ, а старыхъ объѣзжихъ надзирателей оставить до опредѣленія къ другой должности; чинить имъ вмѣстѣ объѣзды по деревнямъ.“

Съ назначеніемъ особаго члена Совѣта, для надзора за воспитаніемъ въ деревняхъ, вѣдомство деревенскихъ питомцевъ еще не получило отдѣльнаго управленія. Полное раздѣленіе деревенскаго управленія и управленія Домомъ послѣдовало лишь девять мѣсяцевъ спустя послѣ назначенія Салтыкова. 23-го сентября 1798-го года Императрица повелѣла: “отъ вѣдомства

Экономіи въ Домѣ отдѣлить въ вѣдомство Почетнаго Опекуна Салтыкова все относящееся до воспитанія въ деревняхъ младенцевъ, и слѣдовательно приходъ и расходъ денегъ, на нихъ употребляемыхъ, за исключеніемъ отправления ихъ по деревнямъ и зависящей по прежнему отъ Экономской Конторы при отпускѣ ихъ выдачи по 50-ти копѣекъ на каждаго младенца, на основаніи положенія по сей части, въ С.Петербургскомъ Домѣ учипеннаго.

Такое отдѣленіе управленія деревенскими питомцами отъ управленія Домовъ признано было Императрицею необходимымъ, во первыхъ потому, что главный надзиратель Воспитательнаго Дома не имѣлъ никакой возможности смотрѣть за воспитаніемъ дѣтей въ деревняхъ; во вторыхъ—вслѣдствіе необходимости имѣть, для раздачи платы крестьянамъ за воспитаніе деревенскихъ питомцевъ, особую Экспедицію.

Почетный опекунъ Александръ Яковлевичъ Протасовъ привезъ изъ С. Петербурга бумаги, относившіяся до отдѣленія управленія деревенскою частію отъ управленія Домомъ, и представилъ ихъ 18-го октября въ Совѣтъ. Изъ этихъ бумагъ видно, что все, касающееся воспитанія дѣтей въ деревняхъ, поручалось, подъ главнымъ смотрѣніемъ почетнаго опекуна Салтыкова, одному изъ двухъ объѣзжихъ надзирателей, должность которыхъ велѣно сохранивъ; для письменныхъ же занятій при объѣзжихъ надзирателяхъ назначенъ былъ одинъ писарь.

Въ слѣдующемъ 1799 году, 7-го октября, Салтыковъ получилъ отъ Императрицы Высочайшій рескриптъ, которымъ учреждалась особая должность директора Экспедиціи о воспитаніи дѣтей по деревнямъ. Тѣмъ же рескриптомъ въ должность эту назначался коллежскій ассесоръ Вангерсхеймъ, которому и поручалось устроить Московскую Деревенскую Экспедицію, по примѣру С. Петербургской.

Вослѣдствіи всѣхъ предписаній и распоряженій, по предмету воспитанія дѣтей въ деревняхъ, членами Опекунскихъ Совѣтовъ, Московскаго—Луишинымъ и С. Петербургскаго—Тепловымъ, собраны были въ одно цѣлое, изъ котораго и составлено наставленіе, по Высо-

чайшему повелѣнію Императрицы, 24 мая 1804 года, принятое Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ въ руководство.

Наставленіе это заключало въ себѣ:

1) Штатъ Московской Деревенской Экспедиціи, по которому положены въ ней: почетный опекунъ, директоръ, объѣзжій надзиратель, экспедиторъ, канцеляристъ, два писаря, присяжный, два сторожа и десять врачей.

2) Наставленіе объѣзжему надзирателю, или эскутору, и

3)—наставленіе объѣзжнымъ врачамъ.

Всѣ селенія, въ которыхъ воспитывались питомцы, раздѣлены на десять частей, или округовъ, соотвѣтственно числу объѣзжихъ врачей. Части эти были: Можайская, Боровская, Калужская, Каширская, Коломенская, Троицкая, Дмитровская, Рогачевская, Пятицкая и Воскресенская. Названія этихъ частей заимствованы отъ названій дорогъ, около которыхъ расположены отнесенныя къ каждой части селенія; но всѣ они заключались въ предѣлахъ Московской губерніи.

Между тѣмъ ощущался постоянный недостатокъ въ деревенскихъ кормилицахъ. Въ видахъ устраненія этого недостатка, дозволено было, съ 19-го октября 1798 года, отдавать младенцевъ, кромѣ Московской, и въ сосѣднія губерніи; а 29-го ноября того же года разрѣшено даже давать дѣтей на вскармленіе въ самой Москвѣ и ея предмѣстяхъ,—по въ случаяхъ только крайней необходимости. 9-го же декабря, Совѣтъ, основываясь на этомъ разрѣшеніи, дозволилъ отдавать младенцевъ солдатскимъ женамъ, съ платою по 3 рубля въ мѣсяць. Въроятно, по ходатайству начальства Воспитательнаго Дома, московскій гражданскій губернаторъ Аршеневскій и русскій уѣздный предводитель дворянства князь Грузинскій въ тоже время склоняли помѣщиковъ дозволить своимъ крестьянкамъ брать на воспитаніе младенцевъ изъ Воспитательнаго Дома. Аршеневскому и князю Грузинскому за такую ревность объявлена благодарность.

Не смотря на приведенныя мѣры, дѣло, какъ видно, не двигалось: Воспитательный Домъ, для привлеченія кормилицъ, долженъ былъ, въ ви-

дахъ обезпеченія деревенскихъ воспитателей въ средствахъ къ содержанію вывозимыхъ дѣтей дать разнаго рода удобства и выгоды.

Такимъ образомъ, чтобы избавить кормилицъ отъ необходимости ходить въ Воспитательный Домъ для полученія платы за питомцевъ, 14-го января 1799-го года вновь подтверждено дозволеніе присылать за полученіемъ денегъ постоянныхъ грамотныхъ людей.

Для покрытія издержекъ на погребеніе умирающихъ питомцевъ, 3 марта 1799-го года положено выдавать деревенскимъ воспитателямъ по десяти копѣекъ на покупку гроба.

Намъ уже извѣстно постановленіе, что за здоровыхъ дѣтей, съ 14-го ноября 1797 года, выдавалось, по особымъ билетамъ объѣздныхъ надзирателей и лекаря, сверхъ положеннаго по 18 руб. въ годъ жалованья, по одному рублю въ награду, по окончаніи 3-хъ и 6-мѣсячнаго воспитанія, а по окончаніи каждаго года по 2 руб., и 6 руб., при возвращеніи ребенка въ Воспитательный Домъ на 6-мъ году. По отдѣленіи же Деревенской Экспедиціи отъ управленія Домомъ, съ 9-го мая 1799-го года, эта награда увеличена: выдавали по 4 руб. за первый годъ воспитанія и по 2 руб. за слѣдующіе годы до 7-лѣтняго возраста.

Съ 24-го января 1801-го года размѣръ обыкновенныхъ наградныхъ денегъ еще болѣе увеличенъ: сверхъ жалованья, кормилицамъ назначено выдавать, за особенно рачительное содержаніе младенцевъ, по особымъ свидѣтельствамъ, за первый годъ шестнадцать рублей, а именно: за январскую и сентябрьскую трети по 4 руб., а за майскую, какъ рабочую пору, 8 руб., за второй и третій годы воспитанія наградныхъ полагалось по четыре рубля, а за тѣмъ, до семи лѣтъ по 2 руб., за каждый годъ.

Вскорѣ оказалось, что наградными деньгами стали пользоваться всѣ кормилицы, у которыхъ питомцы были живы. Такая безразсчетность вызвала распоряженіе, послѣдовавшее 11 апрѣля 1803 года, чтобы награды деревенскимъ воспитателямъ выдавались по свидѣтельствамъ лекаря и объѣзднаго надзирателя, утвержденнымъ докторомъ и почетнымъ опекуномъ Деревенской Экспедиціи. Съ 1-го іюня того же года замѣчается

еще болѣшая осторожность въ раздачѣ наградъ. — Предписано было: 1) Выдавать награжденіе кормилицамъ, у которыхъ дѣти здоровы и, что главное—хорошо содержатся. 2) Выдавать тѣмъ, у которыхъ дѣти хотя и нездоровы, но содержатся хорошо; потому что при хорошемъ содержаніи, болѣзнь скорѣе зависить отъ случая, нежели отъ недостатка ухода. 3) Тѣ кормилицы, которыя не неклись о ввѣренныхъ имъ дѣтяхъ и только впоследствии перемѣнили за ними уходъ, также получали награжденіе, но не иначе, какъ по удостовѣреніи въ хорошемъ содержаніи ребенка, и только со времени улучшенія его содержанія.

Небрежность кормилицъ въ воспитаніи ввѣренныхъ имъ питомцевъ заставила Правительство дать имъ новыя выгоды. 16 февраля 1809-го года, по докладу Опекунскаго Совѣта, Императрица приказала увеличить размѣръ наградныхъ, выдаваемыхъ деревенскимъ кормилицамъ за хорошее содержаніе дѣтей: за 4-й и 5-й годы воспитанія назначено давать въ награду по четыре рубля, за 6-й, 7-й, 8-й и 9-й—по два.

Въ томъ же году, 29 ноября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы денежное награжденіе Московскаго Воспитательнаго Дома сравнивать съ награжденіемъ, производившимся по С.Петербургскому Воспитательному Дому. Положено награждать рачительныхъ кормилицъ, сверхъ жалованья, за второй, третій, четвертый, пятый, шестой и седьмой года воспитанія по шести рублей, производя выдачу одной трети награды, то есть двухъ рублей, за время съ 1-го октября по 1-е апрѣля, а остальные двѣ трети, то есть четырехъ рублей—за время съ 1-го апрѣля по 1-е октября, по тому уваженію, что “въ лѣтнее время хорошо содержать дѣтей затруднительнѣе.”

Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ дозволено отдавать 4-хъ и 5-мѣсячныхъ дѣтей въ лѣтнее время на рожковое вскармленіе, по усмотрѣнію объѣзжаго лекаря. Но при этомъ платили за хорошій уходъ только двѣ трети того денежнаго награжденія, какое назначено за хорошее содержаніе младенца при кормленіи грудью.

Съ цѣлю обезпеченія кормилицъ въ сред-ствахъ къ хорошему содержанію вывозимыхъ изъ Дома дѣтей, почетные опекуны Лунинъ и Тепловъ написали наставленіе, въ которомъ обращено особенное вниманіе на снабженіе младенцевъ бѣльемъ, какъ при отпускѣ ихъ изъ Воспитательнаго Дома, такъ и въ первые годы деревенскаго ихъ воспитанія. Положено было выдавать каждой кормилицѣ, при вывозѣ ею изъ Дома младенца, на первый годъ по 6-ти рубашечекъ, 6-ти бѣлыхъ холстинныхъ и 3 каразейныхъ пеленки, а потомъ, до шестаго года воспитанія, ежегодно по 13-ти аршинъ холста и по 2 аршина каразей. Это наставленіе, въ 24-й день мая 1804-го года, удостоено Высочайшаго утвержденія Императрицы и предложено Московскому Опекунскому Совѣту къ руководству.

Не смотря на всѣ воощрительныя мѣры, Воспитательный Домъ часто терпѣлъ недостатокъ въ кормилицахъ. Къ такимъ мѣрамъ привлеченія кормилицъ, для вывоза изъ Дома младенцевъ, слѣдуетъ отнести, послѣдовавшія 15-го января 1801-го года и 16-го февраля 1809 года, Высочайшія дозволенія: оставлять дѣтей у кормилицъ до шести, семи и даже осмилѣтняго возраста и не отнимать ихъ безъ достаточныхъ къ тому причинъ.

Въ тѣхъ же видахъ, 24-го января 1801 года, сдѣлано распоряженіе, чтобы каждая кормилица, приходящая для вывоза питомца въ деревню, послѣ двухъ, трехъ, или четырехъ-недѣльнаго пребыванія въ Домѣ, отправлялась въ свою деревню съ тѣмъ ребенкомъ, котораго кормила этимъ временемъ.

Собственно съ одною гигиеническою цѣлю съ 1797 по 1810 годъ мѣръ принято было немного.

Не касаясь оспопрививанія, описаніе и исторія котораго изложено особо въ этомъ же изданіи, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о распоряженіи, сдѣланномъ 29-го ноября 1809-го года—чтобы всѣхъ младенцевъ съ наследственными болѣзнями отдавать на рожковое вскармленіе.

Скажемъ нѣсколько словъ о увѣчныхъ питомцахъ, которые болѣе другихъ имѣли нужду въ призрѣніи. — Между тѣмъ какъ начальство

Воспитательнаго Дома принимало всѣ мѣры къ водворенію питомцевъ въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ, съ цѣлю обратить ихъ въ сельское сословіе, и воспитывало нѣкоторыхъ въ самомъ Домѣ, чтобы сдѣлать, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, полезными себѣ и обществу,—одни увѣчные требовали милосердія. Представлялось возможнымъ имъ дать пожизненное призрѣніе, или въ деревенскихъ семействахъ, въ которыхъ они первоначально воспитывались, или въ богадѣльнѣ. Первое было дешевле, и конечно удобнѣе для Дома, но никакъ не для деревенскихъ воспитателей. Они не имѣли возможности содержать взрослыхъ увѣчныхъ, которые не могли имъ приносить никакой пользы въ хозяйствѣ, за ту плату, которую они получали за содержаніе ихъ до 7-ми и 8-лѣтняго возраста. Поэтому, 11-го февраля 1800 года, установлено, чтобы кормилицамъ, которыя пожелаютъ оставить у себя увѣчныхъ и слѣпыхъ питомцевъ, производить плату по 2 руб. въ мѣсяцъ, вмѣсто 1 руб. 50 коп., назначенныхъ за содержаніе дѣтей до 7-ми и 8-лѣтняго возраста; въ противномъ случаѣ помѣщать ихъ въ богадѣльню.

Надзоръ за воспитаніемъ дѣтей, съ водвореніемъ ихъ на *вѣчное* житіе въ казенныхъ имѣніяхъ, 24 декабря 1797-го года, возложенъ былъ на Экспедицію Государственнаго хозяйства. На дѣлѣ этого не было. Въ сентябрѣ 1798 года, какъ выше замѣчено, земская полиція также устранена отъ всякаго вмѣшательства въ надзоръ за воспитаніемъ деревенскихъ питомцевъ. Въ томъ же году, 22-го ноября, и въ такомъ же родѣ былъ отказъ Императрицы бывшему московскому гражданскому губернатору Аршеневскому, который бралъ на себя раздачу денегъ деревенскимъ воспитателямъ.

Болѣе дѣйствительный надзоръ за воспитаніемъ начинается съ 1799 года. Въ этомъ году, 5-го ноября, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ, почетному опекуну Деревенской Экспедиціи вмѣнялось въ обязанность объѣзжать питомцевъ, помѣщенныхъ въ казенныхъ селеніяхъ, и тѣхъ дѣтей, которыя находились на вскармленіи грудью у деревенскихъ кормилицъ. Первое распоряженіе зависѣло главнымъ образомъ

отъ того, что питомцы, по привитіи оспы, хотя и перемѣщались въ казенныя селенія на вѣчное житье, но все еще содержались на счетъ Воспитательнаго Дома. Въ слѣдующемъ году, питомцы, водворенные въ казенныхъ деревняхъ сравнены были съ находившимися на вскормленіи, какъ въ отношеніи подчиненія ихъ Деревенской Экспедиціи, такъ и выгодъ, какія предоставлены были деревенскимъ кормилицамъ. 11 го февраля 1800 года, водвореннымъ питомцамъ положено было точно также, какъ и дѣтямъ, находившимся на временномъ вскормленіи, отпускать изъ Воспитательнаго Дома бѣлье до 6-лѣтняго возраста. А воспитателямъ выдавать, до 7-ми лѣтъ, наградныя деньги, и въ случаѣ смерти питомца,—10 коп. на гробъ и 5 коп. на погребеніе. Изъ книгъ и отчетовъ Крестоваго отдѣленія видно, что младенцевъ вывезено было деревенскими кормилицами изъ Воспитательнаго Дома:

	мальчиковъ:	дѣвочекъ:	итого:
Въ 1798 году	605	761	1366
— 1799 —	829	982	1911
— 1800 —	805	954	1759
— 1801 —	682	803	1485
— 1802 —	631	827	1458
— 1803 —	636	843	1479

За послѣдующіе годы, по 1809-й годъ включительно, подобныхъ свѣдѣній въ Крестовомъ отдѣленіи, къ сожалѣнію, не сохранилось, точно также какъ и свѣдѣній о смертности питомцевъ въ деревняхъ съ 1798-го по 1810-й годъ. Отчеты, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть эти свѣдѣнія, по всей вѣроятности, утрачены въ смутное время 1812 года.

Мы знаемъ только, что приносъ младенцевъ возрасталъ,—потому что начальство Воспитательнаго Дома заботилось о раздачѣ младенцевъ на воспитаніе въ тѣ селенія, гдѣ ихъ не было. Почетный опекунъ Луинъ подалъ въ Опекунскій Совѣтъ записку, въ которой изложилъ свои соображенія по этому предмету. Совѣтъ представилъ записку Императрицѣ,—и въ 16-й день февраля 1809-го года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: 1) присоединить къ десяти частямъ, въ которыя отпускались на воспитаніе питомцы, новую часть въ Волоколамскомъ окру-

гѣ; 2) образовать изъ нѣкоторыхъ деревень, принадлежавшихъ къ частямъ Коломенской и Троицкой, новую часть Каширскую; 3) части Боровскую и Калужскую распространить за предѣлы Московской губерніи, въ уѣзды Малоярославскій и Боровскій.

Распространеніе частей требовало и усиленія надзора за первоначальнымъ воспитаніемъ приносныхъ дѣтей. Высочайшимъ повелѣніемъ, 16-го февраля, указано, для надзора за воспитаніемъ въ новыхъ частяхъ, опредѣлить еще двухъ лекарей, сверхъ назначенныхъ по штату десяти, съ жалованьемъ каждому по семисотъ рублей; а для наблюденія за дѣйствіями лекарей—еще одного объ ѣзжаго надзирателя, съ тѣмъ же содержаніемъ, какое получалъ объѣзжій надзиратель Ватулинъ.

Отдѣльное управленіе деревенскими питомцами отъ управленія Домомъ существовало до 1810-го года. Десятилѣтній опытъ доказалъ все неудобство такого распорядка. Безпрестанная переписка, которая, по тѣсной связи между Экспедиціями внутренняго хозяйства и о воспитаніи дѣтей въ деревняхъ, должна была между ними возникнуть, замедляла ихъ дѣйствія, а между тѣмъ была совершенно необходима для единообразія мѣръ, по снабженію Дома кормилицами и распредѣленію по деревнямъ дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что между двумя частями управленія, во многомъ соприкасавшимися, легко возникали и столкновенія. 4-го февраля 1810-го года, Императрица подписала Высочайшее повелѣніе обоимъ Опекунскимъ Совѣтамъ соединить Экспедиціи внутренняго хозяйства и о воспитаніи дѣтей въ деревняхъ въ одну Экспедицію о воспитанникахъ обоюга пола. Соединеніе это указано было произвести на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Экспедиція о воспитанникахъ обоюга пола подчинялась почетному опекуну, управляющему Воспитательнымъ Домомъ; и, подъ начальствомъ главнаго надзирателя, должна была завѣдывать всѣми питомцами, безъ изъятія, какъ воспитывавшимися въ Домѣ, такъ и находившимися въ деревняхъ, въ разныхъ заведеніяхъ и мѣстахъ.

2) По случаю расширенія черезъ это занятій главнаго надзирателя, назначенъ ему помощ-

пикъ, который долженъ былъ раздѣлять съ нимъ труды его, по обстоятельствамъ, удобства и благоусмотрѣнію главнаго надзирателя. Въ случаѣ отсутствія, или болѣзни главнаго надзирателя, помощникъ его обязанъ былъ завѣдывать всѣми дѣлами, заступать во всемъ управленіи его мѣсто и присутствовать въ Опекуномъ Совѣтѣ.

3) Въ Экспедиціи положены экономъ съ помощниками. Сверхъ обязанностей по Дому, онъ долженъ былъ заботиться о снабженіи питомцевъ въ деревняхъ бѣльемъ и одеждой, о наймѣ лошадей для развоза изъ Дома дѣтей по деревнямъ, о содержаніи для этого повозокъ и проч.

4) Веденіе книгъ и вѣдомостей о всѣхъ вообще питомцахъ, повѣрка вѣдомостей о дѣтяхъ, воспитывающихся въ деревняхъ и находящихся въ разныхъ мѣстахъ, и составленіе генеральной вѣдомости о числѣ ежемѣсячно приносимыхъ дѣтей—возложено было на комиссара, которому назначено два помощника.

5) Бухгалтеру съ его помощникомъ указано было вѣдать всѣ денежные счета, какъ по хозяйственной части Дома, такъ и по содержанію питомцевъ въ деревняхъ, а также счета расходовъ на кормилицъ—и вообще всѣхъ доходовъ и расходовъ по Экспедиціи.

6) Для денежныхъ выдачъ назначены казначей съ двумя присяжными. Вѣдѣнію казначея поручалась денежная казна, которую указано было хранить за печатями его и главнаго надзирателя, или его помощника.

7) Медицинскіе чиновники Экспедиціи о воспитаніи дѣтей по деревнямъ, могли осматривать дѣтей никакъ не болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Поэтому, въ случаѣ болѣзней, они не имѣли возможности всякій разъ пользоваться ихъ, такъ какъ это дѣлалось по С.Петербургскому Воспитательному Дому, гдѣ лекаря жили среди округовъ и, по мѣрѣ надобности, отправляли дѣтей въ госпитали; кормилицы же, высылаемыя въ Москву, свидѣтельствовались въ самомъ Домѣ.

Вслѣдствіе этого, для осмотра дѣтей въ деревняхъ, высылки изъ деревень кормилицъ и исполненія другихъ обязанностей, лежавшихъ на лекаряхъ Деревенской Экспедиціи, неприз-

нано болѣе нужнымъ имѣть медицинскихъ чиновниковъ. Разрѣшено было, по мѣрѣ открытія вакансій, замѣщать эти вакансіи надежными не медицинскими чиновниками, которые могли довольствоваться мѣньшимъ жалованьемъ. Чиновникамъ этимъ присвоено названіе надзирателей округовъ.

8) Имъ вмѣнено въ обязанность дѣтей, заболѣвающихъ въ деревняхъ, отправлять въ больницу Воспитательнаго Дома.

9) Въ случаѣ появленія въ деревняхъ повальныхъ, прилипчивыхъ и заразительныхъ болѣзней, больныхъ неудобно было отправлять въ Воспитательный Домъ; поэтому усилены штаты медицинскихъ чиновниковъ Воспитательнаго Дома тремя врачами. По распоряженію управляющаго Экспедиціей, они командировались, для пользованія больныхъ питомцевъ, на мѣстахъ ихъ воспитанія.

10) Хотя повѣрка дѣйствій надзирателей округовъ главнымъ образомъ лежала на объѣзжихъ надзирателяхъ, тѣмъ не менѣе управляющему Экспедиціей предоставлено право отряжать для этой цѣли и другихъ чиновниковъ Экспедиціи, даже изъ врачей и надзирателей за питомцами, находившимися въ Домѣ,—съ возложеніемъ должности командированнаго чиновника на объѣзжаго надзирателя.

11) „Помощникъ Главнаго Надзирателя“,—сказано было въ Высочайшемъ повелѣніи,—а иногда и самъ Главный Надзиратель также осматривать имѣютъ дѣтей, въ деревняхъ воспитывающихся, и того же ожидаю я отъ усердія Почетнаго Опекуна, Экспедицію управляющаго, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ.“

12) На всѣ такіе разъѣзды, а также на расходы экстраординарные, назначена одна общая сумма. Начальники Экспедиціи обязаны опредѣлить способъ расходованія денегъ, потребныхъ на покрытіе издержекъ по объѣздамъ округовъ деревенскихъ питомцевъ.

13) На обязанности акушера и главнаго доктора Воспитательнаго Дома съ подчиненными ему медицинскими чиновниками лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы не вывозили изъ Дому дѣтей слабыхъ.

Тѣмъ же Высочайшимъ повелѣніемъ въ должность помощника главнаго надзирателя назначенъ былъ статскій совѣтникъ Янишъ, бывшій директоромъ Экспедиціи о воспитаніи дѣтей въ деревняхъ.

По соединеніи обѣихъ Экспедицій въ одну, управленіе деревенскою частію возложено на помощника главнаго надзирателя. Обязанности его опредѣлились сами собою, изъ сущности самого дѣла. Кромѣ ревизій, отъ времени до времени, дѣйствій объѣзжихъ и окружныхъ надзирателей, онъ долженъ былъ присутствовать при раздачѣ деревенскимъ воспитателямъ ежемѣсячной платы, разбирать разнаго рода жалобы, какъ питомцевъ, такъ и ихъ воспитателей; принимать отъ послѣднихъ просьбы и вообще давать направленіе дѣлопроизводству по воспитанію дѣтей въ деревняхъ.

Всѣ сношенія по дѣламъ, относившимся до деревенскихъ питомцевъ, производились отъ лица помощника главнаго надзирателя, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно было войти съ представленіемъ въ Опекунскій Совѣтъ. О такихъ дѣлахъ онъ докладывалъ главному надзирателю.

Два объѣзжихъ надзирателя обязаны были непрерывно наблюдать за дѣйствіями подчиненныхъ имъ окружныхъ надзирателей и за пресѣченіемъ беспорядковъ, упущеній, или злоупотребленій, какія могли по ихъ вѣдомству оказаться. На нихъ, кромѣ того, возлагалась обязанность вступать во временное исправленіе должностей подчиненныхъ имъ лицъ, въ случаяхъ ихъ отсутствія, или болѣзни; исполнять особыя порученія по дѣламъ слѣдственнымъ и отыскивать для Дома кормилицъ, когда въ нихъ оказывался недостатокъ.

Кромѣ этихъ существенныхъ обязанностей, объѣзжіе надзиратели, по недостаточному числу чиновниковъ, должны были находиться при раздачѣ платы воспитателямъ деревенскихъ питомцевъ. На ихъ обязанности лежало повѣрять при этомъ сдѣланныя окружными надзирателями надписи на платежныхъ билетахъ о времени осмотра питомцевъ. Они должны повѣрять расчеты слѣдующихъ воспитателямъ денегъ; выдавать имъ на полученіе денегъ особые ярлыки и накопецъ, — повѣрять денежныя выдачи.

При новомъ устройствѣ управленія деревенскою частію, число питомцевъ, находившихся въ деревняхъ, было уже весьма значительно. Къ 1-му января 1810-го года ихъ числилось 6202; въ 1810-мъ году вывезено въ деревни еще 1975 младенцевъ; такимъ образомъ въ теченіе 1810-года считалось въ деревняхъ 8177 питомцевъ. Для такихъ значительныхъ отпусковъ дѣтей изъ Дома требовалось и соответственное число кормилицъ, въ которыхъ по прежнему встрѣчался недостатокъ. Поэтому начальство Воспитательнаго Дома прежде всего озабочено было ихъ привлеченіемъ, для вывоза изъ Дома дѣтей. Оно обратилось, въ этомъ случаѣ, къ содѣйствію сельскихъ священниковъ, которымъ назначило по одному рублю за каждую кормилицу, явившуюся въ Домъ, по ихъ убѣжденіямъ, — по изъ такого селенія, куда дѣтей еще не вывозили. Особенный недостатокъ въ кормилицахъ былъ ощутителенъ въ рабочую пору, лѣтомъ, — и каждой кормилицѣ, которая являлась въ лѣтнюю пору положено было выдавать по одному рублю награжденія.

Этими мѣрами Воспитательный Домъ надѣялся пополнить недостатокъ въ кормилицахъ. Когда, въ 1810-мъ году, по Петербургскому Воспитательному Дому плата кормилицамъ, по случаю дороговизны съѣстныхъ припасовъ, была увеличена, и по Высочайшему повелѣнію предложенъ былъ на разсмотрѣніе Московскаго Опекунскаго Совѣта вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли принять ту же мѣру и по Московскому Воспитательному Дому? — Опекунскій Совѣтъ представилъ Императрицѣ, что не находитъ нужнымъ дѣлать какую либо прибавку къ положенному кормилицамъ жалованью, пока не окажется, какими послѣдствіями будутъ сопровождаться означенныя двѣ мѣры (*).

Дороговизна припасовъ въ Москвѣ и въ С.Петербургѣ, а вслѣдствіе того и недостатокъ приходящихъ кормилицъ, понудили Опекунскій Совѣтъ къ увеличенію платы кормилицамъ. 20-го декабря 1810-го года Императрица утвердила докладъ Совѣта, которымъ назначалось

(*) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Совѣта 13 окт. 1810 года.

1) Плату за первый годъ воспитанія вывезеннаго изъ Дома въ деревню ребенка оставить безъ измѣненія, то есть платить за первый годъ воспитанія по 18 рублей въ годъ.

2) Со 2-го и по 7-й года воспитанія плату кормилицамъ увеличить шестью рублями въ годъ и выдавать по 2 рубля въ мѣсяць, вмѣсто 1 рубля 50 копѣекъ.

3) Награжденіе за хорошее содержаніе дѣтей оставить въ прежнемъ размѣрѣ, т. е. за первый годъ воспитанія 18 рублей, а со 2-го и по 7-й года—по 6-ти рублей.

4) Бѣлье для дѣтей выдавать деревенскимъ кормилицамъ по прежнему.

Въ слѣдующемъ 1811-мъ году количество бѣлья, назначеннаго на каждого младенца, при отпускѣ его изъ Дома, измѣнено. 6-го марта Императрица приказала на каждого ребенка, вмѣсто положенныхъ трехъ каразейныхъ и шести холщевыхъ пеленокъ, отпускать по двѣ пеленки изъ сѣраго сукна и по четыре холщевыхъ, не требуя уже отъ деревенскихъ воспитателей возврата этихъ вещей, въ случаѣ смерти питомцевъ. Годъ спустя признано болѣе удобнымъ, вмѣсто холста и каразей на дѣтей свыше годоваго возраста, давать деньгами по три рубля. Отпускъ пеленокъ сохраненъ былъ тотъ же при отправленіи младенцевъ изъ Дома (*).

Вскорѣ встрѣтилась необходимость увеличить плату деревенскимъ воспитателямъ и за содержаніе дѣтей старѣе семилѣтняго возраста. 11-го января 1812 года, по докладу Опекунскаго Совѣта, Императрица разрѣшила платить за воспитаніе дѣтей 8-ми, 9-ти и 10-ти лѣтнихъ тоже самое, что платилось за дѣтей до 7-ми лѣтъ, то есть по два рубля въ мѣсяць. Награда за хорошее содержаніе оставлена по прежнему, т. е. выдавалось по 2 рубля въ годъ.

Наступило тяжкое время для Россіи—1812 годъ. Шествіе непріятеля на Москву и занятіе ее сопровождалось повсемѣстнымъ раззореніемъ. Многіе изъ жителей селеній, сосѣднихъ съ нашей столицей, остались не только безъ хлѣба, но и безъ крова. Общее бѣдствіе вызвало и со стороны Воспитательнаго Дома раз-

ныя мѣры; одною изъ нихъ было Высочайшее повелѣніе, 12-го ноября 1812-го года, вновь принимать въ Домъ дѣтей отъ тѣхъ сельскихъ воспитателей, которые, вслѣдствіе раззоренія, не найдутъ средствъ ихъ воспитывать. Разрѣшено было впрочемъ, уговаривать ихъ, чтобы они оставляли дѣтей у себя, за особое вознагражденіе. Другимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, 16-го декабря того же года, назначено оказывать пособіе пострадавшимъ отъ непріятельскаго нашествія крестьянамъ, которые рѣшались оставить у себя питомцевъ, вывезенныхъ ими изъ Воспитательнаго Дома питомцевъ: погорѣвшимъ на каждого питомца выдавали по пяти рублей, ограбленнымъ—по три, а тѣмъ, которые, во время нашествія, укрывались въ лѣсахъ—по одному рублю.

Жители Москвы и окрестныхъ селеній болѣею частію бѣжали отъ непріятеля и уже, по отступленіи его, возвращались къ своимъ раззореннымъ жилищамъ. Для Воспитательнаго Дома результатомъ такого событія было уменьшеніе приноса младенцевъ и числа вывозимыхъ изъ Дома дѣтей деревенскими кормилицами.

За время съ 1810-го по 1818 и годъ включительно приносъ младенцевъ въ Воспитательный Домъ, вывозъ ихъ въ деревни, общее количество деревенскихъ питомцевъ и смертность ихъ представляются въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Годъ.	Принесено въ Воспитательный Домъ.	Вывезено изъ Дома въ деревни.	Всего въ теченіе года было въ деревняхъ.	Умерло изъ нихъ.	Процентъ смертности въ Домъ.
1810	3740	1975	8177	1471	почти 18% болѣе
1811	3605	2004	8443	1642	19% болѣе
1812	2612	1396	7967	1647	20% болѣе
1813	1674	764	6974	1259	18% болѣе
1814	2387	1035	6674	815	12% болѣе
1815	3082	1341	7145	1057	14% болѣе
1816	3518	1610	7569	1130	14% болѣе
1817	3784	1552	7857	1222	15% болѣе
1818	4340	2088	8547	1506	17% болѣе

(*) Высочайше утвержденный докладъ Опекунскаго Совѣта 8-го мая 1812 года.

Изъ этихъ цифръ видно, что приносъ дѣтей въ 1912 году былъ почти на 1000 младенцевъ менѣе противъ предшествовавшаго года; въ слѣдующемъ 1813-мъ году 1000-ю младенцами припесено менѣе 1812-го года; но съ 1814-го цифра ежегодно возрастала—и въ 1818 году уже превысила приносъ 1811-го года.

Соотвѣтственно сему, вывезено было изъ Дома младенцевъ деревенскими кормилицами въ 1812-мъ году менѣе, чѣмъ въ 1811-мъ, на 608; въ 1813-мъ менѣе, чѣмъ въ 1812 мѣ, на 632; но съ 1814-го число вывозимыхъ младенцевъ увеличивалось—и въ 1818-мъ году превысило цифру вывоза 1811-го года.

Смертность между деревенскими питомцами въ 1812-мъ году возвысилась и составляла болѣе 20%, что легко можетъ быть объяснено тѣми матеріальными лишеніями и неудобствами, какія должны были испытывать деревенскіе воспитатели, а вмѣстѣ съ ними питомцы, подвергаясь со стороны непріятеля грабежу и нерѣдко скрываясь отъ него въ лѣсахъ.

Общее число питомцевъ въ деревняхъ съ 1812-го года значительно уменьшалось, и это уменьшеніе продолжалось до 1815-го года, т. е. до того времени, когда отпускъ младенцевъ изъ Дома въ деревни превысилъ цифру процента смертности изъ общаго числа питомцевъ, находившихся въ деревняхъ.

По оставленіи непріателемъ Москвы, большаго недостатка въ кормилицахъ, какъ кажется, не было.

Во избѣжаніе же такого недостатка, въ сентябрѣ 1814-го года, Опекунскій Совѣтъ вновь испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе о раздачѣ питомцевъ на воспитаніе по деревнямъ, сосѣднимъ съ Московской губерніей. Разрѣшеніе по этому предмету было Императрицею на время приостановлено.

Вскорѣ представилась необходимость увеличить плату деревенскимъ кормилицамъ. 5-го мая 1814-го года, по ходатайству Опекунскаго Совѣта, назначено платить за содержаніе питомцевъ, со втораго года до десятилѣтняго воз-

раста, шестью рублями въ годъ болѣе прежняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ выдача наградныхъ денегъ за осьми и девятилѣтнихъ питомцевъ, по 2 рубля въ годъ, была прекращена. За прочіе годы воспитанія плата оставлена прежняя.

Въ 1817-мъ году плата за содержаніе деревенскихъ питомцевъ вновь увеличена. 3-го декабря Императрица, по докладу Московскаго Опекунскаго Совѣта, назначила производить плату въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Вмѣсто прежняго положенія, по которому выдавалось жалованья за первый годъ кормленія 18 рублей, а потомъ до 10-ти лѣтъ—по 30-ти рублей въ годъ, назначено до десятилѣтняго возраста ежегодно платить кормилицамъ по 36 рублей. За содержаніе питомцевъ съ 10-ти до 17-ти, а питомокъ до 15-лѣтняго возраста сохранено прежнее положеніе, по 18-ти рублей въ годъ.

Сверхъ жалованья выдавать кормилицамъ: въ награду за хорошій уходъ 15 рублей, вмѣсто 18-ти, какъ было прежде, и, сверхъ того, по прежнему давать по 2 рубля за приходъ въ Домъ и платокъ въ 2 рубля 75 копѣекъ, а за двадцатидневное пребываніе въ Домъ (по 70-ти копѣекъ въ день) 14 рублей. Начиная со втораго и по пятый годъ воспитанія назначено по 9-ти рублей, вмѣсто 6-ти, которые уже выдавались въ награду, и 3-хъ рублей—на бѣлье: за шестой и седьмой года—по 6-ти рублей, какъ было и прежде.

При отправленіи младенца изъ Дома, положено выдавать бѣлье въ томъ размѣрѣ, какой полагался и прежде.

Въ случаѣ смерти кормилицы, слѣдующія ей по расчету деньги, велѣно отдавать ей семейству; а за тѣмъ дальнѣйшую плату производить той кормилицѣ, которая возьметъ оставшагося послѣ умершей ребенка и докормитъ его до году.

Въ случаѣ смерти младенца до годоваго возраста, кормилица теряла право на полученіе награжденія.

Награды выдавать, наконецъ, велѣно было

не иначе, какъ въ Экспедиціи, по представленіи кормилицею ребенка.

Каждая деревенская кормилица, при такомъ усиленіи окладовъ, получала болѣе противъ прежняго въ первый годъ кормленія 15-ю рублями, а со втораго года и по одиннадцатый—6-ю рублями.

Но скоро и это увеличеніе окладовъ оказалось недостаточнымъ. Опекунскій Совѣтъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, 20-го октября 1820-го года, опредѣлилъ платить деревенскимъ воспитателямъ до 10-лѣтняго возраста ребенка по 5-ти рублей въ мѣсяць, а награду отмѣнить; сохранена была одна выдача каждой кормилицѣ за приходъ въ Домъ по 1-му и по 2 рубля, и по платку. Впрочемъ положили по 3 рубля тѣмъ деревенскимъ кормилицамъ, которыя не пожелаютъ остаться въ Домѣ, а возьмутъ только младенца на вскормленіе. Плата за содержаніе питомцевъ отъ 10-ти до 17-ти и питомокъ до 15-лѣтняго возраста оставлена прежняя—18 рублей въ годъ.

Въ такомъ размѣрѣ шло жалованье деревенскимъ воспитательницамъ до 1834-го года. Въ этомъ году Совѣтъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе, по случаю общаго неурожая, впредь до возстановленія прежнихъ цѣнъ на съѣстные припасы, выдавать за воспитаніе дѣтей до 10-лѣтняго возраста по 7-ми рублей 50 копѣекъ, вмѣсто 5-ти рублей въ мѣсяць; а свыше 10-лѣтняго—по 5-ти рублей, вмѣсто 1-го рубля 50 копѣекъ (*).

Однако, въ ноябрѣ тогоже года, плата за воспитаніе питомцевъ съ 10-лѣтняго возраста понижена. Журналомъ 8-го ноября, Совѣтъ назначилъ за такихъ питомцевъ платить по 4 рубля въ мѣсяць, до 1-го января 1835-го года, полагая, что къ тому времени цѣны на хлѣбъ понизятся.

Съ января 1835-го года по 1-е сентября, по необходимости, эта плата оставлена безъ измѣненія (**).

(*) Высочайше утверждени. докладъ Моск. Оpek. Сов. 3 марта 1834 года.

(**) Журналъ Совѣта, 24 января 1835 года

Въ теченіе тридцати семи лѣтъ цѣны на хлѣбъ и всѣ жизненные припасы постепенно возвышались. Поэтому, къ концу 1835-го года, Опекунскій Совѣтъ вошелъ въ разсмотрѣніе, до какой степени вознагражденіе за содержаніе питомцевъ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ расходамъ.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, 7-го декабря 1835 года Опекунскимъ Совѣтомъ признано было необходимымъ платить за каждаго питомца, отъ 10-ти до 17-ти, а за питомку до 15-лѣтняго возраста по 3 рубля въ мѣсяць.

Какъ о мѣрѣ привлеченія изъ деревень кормилицъ, для вывоза изъ Дома младенцевъ, слѣдуетъ упомянуть о дозволеніи съ 1831 года обоимъ Воспитательнымъ Домамъ, Московскому и С.Петербургскому, принимать кормилицъ (кромѣ полугодовыхъ) безъ письменныхъ видовъ, не записывая ихъ въ обывательскую книгу (*).

Плата за увѣчныхъ питомцевъ въ промежутокъ времени—отъ 1798-го по 1837 годъ—не подвергалась такимъ измѣненіямъ, какъ за содержаніе здоровыхъ питомцевъ.

20-го декабря 1811-го года назначено платить за содержаніе увѣчныхъ, малоумныхъ, слѣпыхъ, глухихъ, пѣмыхъ и калекъ по 2 рубля 50 копѣекъ въ мѣсяць, вмѣсто 2-хъ рублей, какъ опредѣлено 11-го февраля 1800 года. Замѣчательно, что при усиленіи платы (5-го мая 1814 года) за здоровыхъ питомцевъ, плата за увѣчныхъ сохранена была въ томъ же размѣрѣ.

Въ слѣдующемъ году, 29-го декабря, по ходатайству Совѣта, Императрица разрѣшила за увѣчнаго питомца, *послѣ урочныхъ лѣтъ*, какъ сказано въ журналѣ Совѣта, т. е. вѣроятно, послѣ достиженія питомцемъ возраста, въ которомъ плата прекращается, платить воспитателямъ его по 36-ти рублей въ годъ.

Такую же плату Совѣтъ испрашивалъ за со-

(*) Высочайшее повелѣніе, внесенное въ журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта 31 января 1831 г.

держаніе достигшей урочныхъ лѣтъ, увѣчной и малоумной воспитанницы (въ 1819 мѣ году), принимая во вниманіе , что содержаніе такой питомицы въ богадѣльнѣ обойдется дороже. 14-го мая сообщена была Совѣту Высочайшая резолюція такого содержанія: „ апробовано , если воспитанница сама того желаетъ и не предпочтетъ богадѣльню.“

Въ 1822-мъ году, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія Императрицы помѣстить трехъ увѣчныхъ воспитанниковъ въ деревню и назначить за содержаніе ихъ по 5 рублей въ мѣсяць. А такъ какъ въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ за содержаніе увѣчныхъ питомцевъ мѣсячная плата доходила даже до 10-ти рублей, то вмѣстѣ съ тѣмъ Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе за содержаніе всѣхъ увѣчныхъ питомцевъ установить единообразную плату по 60-ти рублей въ годъ.

Помѣщеніе въ деревню трехъ увѣчныхъ воспитанниковъ, съ платою по 5 рублей въ мѣсяць, Императрица разрѣшила. Что же касается до назначенія за содержаніе въ деревняхъ вообще всѣхъ увѣчныхъ питомцевъ по 5-ти рублей въ мѣсяць , то Императрица на это не изъявила своего согласія. Въ письмѣ къ почетному опекуну Саблину Она объяснила, что такая плата можетъ быть назначаема только за тѣхъ увѣчныхъ, которые хотя и были прежде въ деревняхъ, но потомъ взяты въ Домъ, или помѣщены были въ богадѣльню. Назначеніе единообразной платы по 5-ти рублей въ мѣсяць за всѣхъ безъ исключенія увѣчныхъ питомцевъ, находившихся въ деревняхъ, могло, по мнѣнію Императрицы, вести къ злоупотребленіямъ. Къ тому же въ возвышеніи платы не предвидѣлось никакой надобности , потому что сами воспитатели не выражали неудовольствія на недостаточность ея. „ Если же когда либо случится , — писала Императрица , — что воспитатель не захочетъ держать у себя увѣчнаго питомца , то такое особенное обстоятельство можетъ быть тогда предметомъ и особеннаго договора съ воспитателемъ, который, можетъ быть, согласится взять и менѣе полагаемой теперь платы (5 рублей въ мѣсяць) , имѣя уже питомца у себя и

привыкши къ нему.“ Обо всякомъ такомъ случаѣ Императрица приказала себѣ докладывать.

Такимъ образомъ плата за увѣчныхъ питомцевъ полагалась различная. Такъ, по докладу Совѣта 2 го августа 1822 года, назначено за содержаніе осмнадцати увѣчныхъ питомцевъ платить по 5-ти и по 4 рубля въ мѣсяць. По другому докладу 18 февраля 1828-го года , плата за содержаніе пяти увѣчныхъ питомцевъ положена по 5-ти рублей, даже послѣ достиженія ими совершенныхъ лѣтъ. При утвержденіи этого распоряженія, Императрица однако приказала, при испрашиваніи впередъ платы за увѣчныхъ питомцевъ, представлять ихъ списки за подписомъ медицинскихъ чиновниковъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о распространеніи грамотности между деревенскими питомцами. Еще въ 1804-мъ году почетный опекунъ Лунинъ представилъ Императрицѣ планъ обученія питомцевъ на мѣстѣ ихъ воспитанія. Къ плану своему Лунинъ приложилъ проэктъ наставленія сельскимъ учителямъ , списокъ питомцевъ , избранныхъ имъ для обученія , присканцыхъ учителей и свое соображеніе о расходахъ на ученіе. Планъ Лунина переданъ былъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, которому Императрица поручила изыскать способы къ обученію питомцевъ закону божію, чтенію и письму, и дать имъ черезъ это нѣкоторое нравственное образованіе. Докладъ Совѣта утвержденъ Императрицею 22-го ноября 1804 года. Согласно плану Лунина, питомцевъ предположено было учить закону божію, чтенію церковной и гражданской печати, начиная съ послѣдней , какъ болѣе легкой, и письму. Учебныя книги, для руководства, назначено выдавать изъ Воспитательнаго Дома. Отъ обученныхъ питомцевъ указано было требовать знанія наизусть нѣкоторыхъ молитвъ. Учителямъ обѣщано платить за выучку питомца чтенію 2 рубля, письму—2 рубля, катихизису и молитвамъ—1 рубль. За особые успѣхи питомца прибавлялось 1 рубль 50 копѣекъ. На учебныя пособія назначено 98 копѣекъ. Въ случаѣ смерти питомца, до окончанія обученія, учителямъ платы не полагалось; а за недоученныхъ и отобранныхъ отъ

учителя назначено было выдавать плату, соразмерно успѣхамъ учениковъ. Расходъ этотъ Императрица указала отнести на общіе доходы Воспитательнаго Дома, а съ 1805-го года включить въ штатъ Московской Деревенской Экспедиціи.

Въ представленномъ Луинымъ спискѣ, о избранныхъ имъ для обученія питомцахъ и приглашенныхъ для того учителяхъ, назначено было 24 мальчика и 58 дѣвочекъ, всего 82 питомца, въ возрастѣ отъ 5-ти до 12 лѣтъ; всѣ учителя были изъ церковнослужителей, кромѣ одного конторщика.

Почетному опекуну Деревенской Экспедиціи, директору и объѣзжимъ надзирателямъ вмѣнено въ обязанность, при объѣздахъ селеній, въ которыхъ воспитывались питомцы, дѣлать грамотнымъ изъ нихъ испытаніе въ успѣхахъ. 26 го января 1806 года вновь послѣдовало Высочайшее повелѣніе о принятіи мѣръ къ большому распространенію грамотности между деревенскими питомцами. А въ 1807-мъ году, по докладу Опекунскаго Совѣта, Императрица разрѣшила увеличить плату за обученіе дѣтей въ деревняхъ, „дабы болѣе пріохотить обучающихъ, — какъ сказано въ Высочайше утвержденномъ 29-го ноября 1807 года, докладѣ Совѣта, — къ уиращенію, требующему много терпѣнія и не мало трудовъ.“ Назначено было за выучку каждаго питомца читать, писать и закону божію по краткому катихизису, платить учителямъ по 10 рублей 60 копѣекъ, съ тѣмъ, чтобы они употребляли свои бумагу и перья.

Вопросъ о распространеніи между деревенскими питомцами грамотности снова возникъ въ 1819-мъ году. Для обученія питомцевъ, предполагалось привозить ихъ изъ деревень на Загородный Дворъ, какъ можно заключить изъ письма, писаннаго 13-го ноября 1819-го года, къ почетному опекуну Саблину статсъ-секретаремъ Вилламовымъ. Въ этомъ письмѣ Вилламовъ, по волѣ Императрицы, спрашивалъ Саблина, сдѣланы-ли распоряженія къ привозу изъ деревень питомцевъ на Загородный Дворъ, для обученія ихъ грамотѣ?—Саблинъ нашель, что привозить питомцевъ для обученія на За-

городный Дворъ было бы затруднительно, и писалъ объ этомъ къ Вилламову, который отвѣчалъ ему, отъ 10-го декабря 1818-го года, что Императрица признала замѣчанія его основательными и поручила ему заняться учрежденіемъ обученія питомцевъ на мѣстахъ ихъ воспитанія сельскими священниками.

11-го ноября 1820-го года Саблинъ представилъ Московскому Опекунскому Совѣту о желаніи Императрицы, чтобы обоюго пола воспитанниковъ, находящихся въ деревняхъ Московской и другихъ губерній, обучать: мальчиковъ — закону божію, церковному и гражданскому чтенію, чистописанію, цифри и выкладкамъ на счетахъ; а дѣвочекъ — закону божію и чтенію.

Сдѣлано было распоряженіе о пріисканіи изъ священноцерковнослужителей и другихъ званій людей, желающихъ принять на себя обученіе питомцевъ.

За выучку каждаго питомца назначено было отъ 20-ти до 30-ти рублей; выдавать же учителямъ эти деньги — не прежде, какъ по испытаніи обученныхъ питомцевъ въ успѣхахъ.

Питомцевъ предполагалось обучать грамотѣ въ возрастѣ отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ. Саблинъ доносилъ Совѣту, что имъ пріисканы учителя въ разныхъ селеніяхъ, которые будутъ обучать 124 мальчика и 81 дѣвочку.

На покупку книгъ и прочихъ учебныхъ пособій назначалось на первый разъ 200 рублей (*).

По волѣ Императрицы, Саблинъ озаботился распространеніемъ грамотности не только между питомцами, находившимися подъ непосредственнымъ надзоромъ Воспитательнаго Дома въ селеніяхъ Московской и смежныхъ съ нею губерній, но и между питомцами, состоявшими въ вѣдомствѣ приказовъ Кіевского и Вологодскаго, для чего и относился къ кіевскому и вологодскому гражданскимъ губернаторамъ. Из-

(*) Высочайше утвержд. докладъ Сов. 20 ноября 1820 года.

держки по обученію этихъ питомцевъ отнесены были тоже на счетъ Воспитательнаго Дома (*).

По требованію Экспедиціи о воспитанникахъ обоаго пола, Контора Московской Синодальной Типографіи выслала въ ноябрь 1820-го года въ Экспедицію 250 букварей, изданныхъ для обученія юношества, за которые Воспитательный Домъ заплатилъ Конторѣ по 35 копѣекъ за каждый экземпляръ, а всего 88 рублей 75 копѣекъ. Буквари эти розданы были сельскимъ учителямъ.

Съ того времени обученіе грамотѣ производилось разными лицами, которымъ за выучку каждаго питомца плата производилась на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Норовой.

Въ видахъ воспитанія питомцевъ въ правилахъ Православія, въ 1834 году послѣдовало распоряженіе, чтобы дѣтей не отдавать на воспитаніе женщинамъ, принадлежащимъ къ расколу, и чтобы они не усыновлялись раскольниками. Также строго велѣно было слѣдить за деревенскими кормилицами, не принадлежать ли онѣ къ какой-либо раскольничьей сектѣ.

Въ 1836-мъ году устройство управленія деревенскими питомцами и надзора за ихъ воспитаніемъ подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ.

Бывшимъ помощникомъ главнаго надзирателя г. Озеровымъ, при помощи объѣзжихъ надзирателей Щепотьева и барона Ферзена, слѣлана была повѣрка наличности питомцевъ. При этомъ оказалось, что изъ числа почти двадцати четырехъ тысячъ питомцевъ, которые числились въ деревняхъ, двадцать три человека давно уже померли, а сто два питомца пропало безъ вѣсти.

Управлявшій Воспитательнымъ Домомъ, почетный опекунъ Штеръ замѣтилъ, по поводу этого, что объѣзжіе надзиратели отвлекаются отъ прямыхъ своихъ обязанностей—занятіями совершенно посторонними, которыя отнимаютъ

у нихъ возможность слѣдить за питомцами на самыхъ мѣстахъ ихъ воспитанія—въ продолженіе тринадцати дней, въ теченіе которыхъ за содержаніе деревенскихъ питомцевъ воспитателямъ ихъ раздается плата.

Опекунскій Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Штера, и, вслѣдствіе доклада Совѣта, 6-го іюня 1836-го года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи по управленію деревенскими питомцами новыхъ должностей: помощника экспедитора, помощника бухгалтера и двухъ писарскихъ вакансій.

Вновь учрежденнымъ должностямъ присвоены слѣдующія обязанности: помощникъ экспедитора долженъ былъ повѣрять подписи, дѣлаемая окружными надзирателями на билетахъ, выдаваемыхъ воспитателямъ для полученія за питомцевъ платы; въ случаяхъ какихъ-либо при этомъ сомнѣній удостовѣряться въ подлинности подписей, чрезъ сношеніе съ окружными надзирателями; вносить въ объѣзжныя книги имена всѣхъ отправляемыхъ въ деревни питомцевъ; дѣлать нужныя противъ имени каждаго питомца отмѣтки; свѣрять объѣзжныя книги съ ревизорскими; отмѣчать переводъ питомцевъ изъ одной деревни въ другую; сличать раздаточныя книги съ главными книгами, которыя ведутся въ Крестовомъ отдѣленіи. Помощникъ бухгалтера долженъ былъ дѣлать расчеты по представляемымъ воспитателями билетамъ; повѣрять нумерацію билетовъ и питомцевъ по раздаточнымъ книгамъ экспедиторскаго помощника; по окончаніи ежемѣсячной раздачи платы деревенскимъ воспитателямъ, вести счетъ выданныхъ суммъ и наблюдать за ихъ точностью и сходствомъ съ суммами, которыя значатся въ книгахъ бухгалтерскихъ.

За объѣзжими надзирателями оставлены были обязанности: наблюдать за дѣйствіями подчиненныхъ имъ окружныхъ надзирателей и за пресѣченіемъ безпорядковъ и упущеній на самыхъ мѣстахъ воспитанія. Кроме того, во время отсутствія, или болѣзней окружныхъ надзирателей—исправлять ихъ должности; отыскивать и приглашать, въ случаѣ нужды, въ Домъ кормилицъ и вообще исполнять разнаго рода, по

(*) Письма Вилламова къ Саблину отъ 11 го сентября 1819-го года, 5 и 8 февраля 1820 года.

воспитанію въ деревняхъ, обязанности, какія могли быть на нихъ возложены.

Общее управленіе деревенскою частію по прежнему было предоставлено помощнику главнаго надзирателя.

Данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы сдѣлать какіе нибудь выводы объ успѣхахъ нравственнаго и умственнаго воспитанія деревенскихъ питомцевъ въ этотъ періодъ времени, къ сожалѣнію не сохранилось. О степени матеріальнаго благосостоянія, въ которомъ находились деревенскіе питомцы, можно судить по тѣмъ измѣненіямъ, какія представляетъ процентъ смертности питомцевъ въ деревняхъ.

Въ прилагаемой таблицѣ помѣщены цифры отпуска дѣтей изъ Дома къ деревенскимъ воспитателямъ, общаго числа питомцевъ въ деревняхъ и ихъ смертности съ 1819-го по 1837-й годъ.

Цифры, помѣщенные въ этой таблицѣ, взяты изъ книгъ и отчетовъ Крестоваго отдѣленія.

Въ ко- торомъ году.	Вывезено пи- томцевъ изъ Дома въ де- ревни.		Всего съ ос- таткомъ отъ предыдущаго года находи- лось въ дерев- няхъ.		Изъ нихъ въ теченіе года умерло.		Про- центъ смерт- ности
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
1819	803	884	3735	4675	553	660	болѣе.
1820	871	1020	4010	4924	566	638	14 ⁰ / ₀
1821	1325	1457	4657	5584	763	827	13 ⁰ / ₀
1822	1623	1794	5026	5988	986	1049	15 ⁰ / ₀
1823	1561	1771	5542	6538	975	1101	18 ⁰ / ₀
1824	1840	2000	6305	7293	909	986	17 ⁰ / ₀
1825	1937	2168	7239	8304	1265	1324	13 ⁰ / ₀
1826	1853	2121	7615	8876	1240	1340	16 ⁰ / ₀
1827	1751	2084	7987	9428	1000	1073	15 ⁰ / ₀
1828	1961	2170	8761	10.241	1072	1147	11 ⁰ / ₀
1829	1832	2071	9369	10.930	1176	1238	11 ⁰ / ₀
1830	1709	1963	9737	11.494	1189	1254	11 ⁰ / ₀
1831	2072	2437	10.243	12.322	1283	1362	11 ⁰ / ₀
1832	2464	3736	11.217	13.523	2191	1296	10 ⁰ / ₀
1833	2468	2723	12.020	14.523	1811	2008	14 ⁰ / ₀
1834	3056	3421	12.979	15.494	1843	1788	12 ⁰ / ₀
1835	2515	3113	13.446	16.598	1820	1963	12 ⁰ / ₀
1836	2567	3142	13.893	17.532	1756	1945	11 ⁰ / ₀

III.

(1837—1863 г.)

Именнымъ указомъ 25-го іюня 1837 г. Императоръ Николай повелѣлъ: всѣхъ безъ изыятія приносимыхъ въ Воспитательные Дома грудныхъ младенцевъ и принимаемыхъ по разрѣшеніямъ Опекунскихъ Совѣтовъ незаконнорожденныхъ дѣтей и круглыхъ сиротъ отсылать на воспитаніе въ деревни. Только по особымъ повелѣніямъ допускалось причисленіе кого-либо изъ воспитанниковъ къ учебнымъ классамъ. Обратное изъ деревень въ Воспитательные Дома питомцевъ брать запрещено. Дозволено лишь отправлять ихъ, по мѣрѣ надобности, для пополненія положеннаго числа семействъ, въ Маріинскую колонію; отдавать на Александровскую Мануфактуру и въ Ремесленное Учебное Заведеніе; опредѣлять на казенные и частные заводы и фабрики, въ Земледѣльческую Школу, въ Институты для услугъ, въ самые Воспитательные Дома съ подвѣдомственными имъ заведеніями, и въ другія мѣста, въ няньки, хожатыя, фельдшера, кучера и прочія служительскія должности.

Всѣхъ прочихъ деревенскихъ питомцевъ, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, въ соответствии съ Установленіемъ по Воспитательнымъ Домамъ 24-го декабря 1797-го года, указано приписывать къ казеннымъ селеніямъ. Такимъ образомъ питомцевъ приписывали, или къ тѣмъ деревнямъ, въ которыхъ они воспитывались, или перемѣщали въ другія казенныя селенія, даже въ другіе уѣзды и губерніи, съ причисленіемъ къ крестьянскимъ семействамъ, или водворяя инымъ образомъ. При этомъ они

пользовались 3-лѣтнею льготою отъ податей и повинностей. Самое размѣщеніе производилось по усмотрѣнію Главнаго Управленія Государственными Имуществами. Калекъ, ни къ какимъ работамъ неспособныхъ, велѣно оставлять по прежнему въ деревняхъ на иждивеніи Воспитательныхъ Домовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено возвращать питомцевъ на попеченіе родственникамъ и отдавать въ усыновленіе казеннымъ крестьянамъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда у усыновителей есть свои дѣти мужескаго пола.

Предоставлено питомцамъ право, по достиженіи семнадцатилѣтняго возраста, вступать въ военную службу, если окажутся къ ней способными.

Воспитанницъ велѣно оставлять по прежнему въ деревняхъ до замужства, или до совершеннолѣтія, по достиженіи котораго снабжать вѣчноувольнительными свидѣтельствами и выдавать имъ въ обоихъ случаяхъ положенное денежное награжденіе.

Наконецъ, всѣхъ питомцевъ, находившихся на временномъ воспитаніи въ столицахъ, по мѣрѣ ихъ возвращенія въ Воспитательные Дома, велѣно отсылать въ деревни, кромѣ тѣхъ, разумѣется, которые взяты будутъ на попеченіе родственниками. На будущее время раздавать питомцевъ на временное воспитаніе жителямъ столицъ воспрещено.

Поводомъ къ такому распоряженію былъ умножавшійся годъ отъ году приносъ дѣтей въ Воспитательные Дома и возрастающая вмѣстѣ

съ тѣмъ потребность въ кормилицахъ; вслѣдствіе чего обнаружилось, „особенно при послѣдней народной переписи—сказано въ указѣ—вредное вліяніе, которое имѣетъ на народонаселеніе ежегодное удаленіе такого множества крестьянокъ отъ естественныхъ материнскихъ обязанностей. Съ другой стороны, долговременный опытъ доказалъ, что многіе родители отчуждаютъ и законнорожденныхъ дѣтей своихъ отъ родительскаго попеченія и семейнаго быта, не по причинѣ нищеты, лишаящей способовъ къ ихъ содержанію, а для того, чтобы этимъ подлогомъ вывести дѣтей своихъ изъ сословія, къ которому принадлежатъ, освободить ихъ отъ общественныхъ обязанностей, на томъ сословіи лежащихъ, или доставить выгоды по гражданской службѣ выше своего состоянія, или которыхъ бы они прямымъ путемъ медленнѣе достигали.“

Плата за воспитаніе деревенскихъ питомцевъ оставалась безъ измѣненія до 1840-го года, до времени переложенія денежнаго курса на серебро.

8-го іюня 1840-го года, установлено платить за содержаніе въ деревняхъ питомцевъ до 10-лѣтняго возраста по 1 руб. 44 коп. серебромъ въ мѣсяць, а съ 10-ти лѣтъ, за мальчиковъ до 17-ти, а дѣвочекъ—до 15-лѣтняго возраста—по 86 коп. въ мѣсяць; на похороны питомцевъ положено выдавать по 5 коп. По дороговизнѣ хлѣба и другихъ жизненныхъ потребностей назначено тогда же, впредь до пониженія цѣны, выдавать за питомцевъ до 10-ти лѣтъ по 2 руб. 10 коп., а старѣе 10-лѣтняго возраста—по 1-му руб. 50 коп. въ мѣсяць (*).

Въ слѣдующемъ году цѣны на хлѣбъ нѣсколько понизились, что дало возможность плату за воспитаніе питомцевъ въ деревняхъ уменьшить: до 10-ти лѣтъ за питомцевъ назначено было платить въ мѣсяць по 1 руб. 80 коп., вмѣсто 2 руб. 10 коп., а съ 10-лѣтняго возраста—1 руб. 40 коп., вмѣсто 1 руб. 50 коп. (**).

(*) Высочайше утвержденный доклад Московскаго Опекунскаго Совѣта, 8 іюня 1840 г.

(**) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 30-го октября 1841 года.

Наконецъ, въ 1854-мъ году представилась возможность плату за воспитаніе понизить до размѣра, установленнаго въ 1840 году, т. е. до 10 лѣтъ по 1 руб. 44 коп., а старѣе—по 86 коп. въ мѣсяць (*).

Въ 1858 году, „въ видахъ уменьшенія смертности питомцевъ въ деревняхъ“, плата повышена.

Съ августа этого года положено платить: за дѣтей до 3-хъ лѣтъ по 2 руб. 40 коп. въ мѣсяць; въ возрастѣ, отъ 3-хъ до 7-ми лѣтъ—по 1 руб. 90 коп.; отъ 7 до 10 лѣтъ—по 1-му руб. 60 коп.; старѣе этого возраста за питомцевъ до 15 лѣтъ, а за питомцевъ до 17-ти по 1-му руб. въ мѣсяць (**).

Въ такомъ размѣрѣ плата производится и въ настоящее время.

Случалось, что за особыя услуги выдавались воспитателямъ награжденія. Такъ въ 1837 году, за спасеніе деревенскаго воспитанника, унесеннаго волкомъ, воспитательницѣ его, крестьянкѣ Акинѣ Ивановой, Опекунскимъ Совѣтомъ выдано въ награду 200 рублей ассигнаціями и о поступкѣ ея опубликовано въ газетахъ; Императоръ же пожаловалъ ей, сверхъ этого, 500 рублей ассигнаціями и медаль за спасеніе погибавшихъ.

Другая кормилица, крестьянка Дарья Петрова, въ 1842 году во время пожара въ ея домѣ, сгорѣла, желая спасти своего питомца. Оставшемуся семейству Государь пожаловалъ 150 рублей серебромъ.

За питомцевъ увѣчныхъ плата производилась различная; они отдавались на попеченіе не только крестьянамъ въ деревни, но даже и жителямъ Москвы. Такъ въ 1839 году отдана была московскому купцу Пѣтухову болѣзненная деревенская воспитанница Ольга Ильина; за содержаніе ея назначено было платить по 10 рублей въ мѣсяць (***)).

(*) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 9 декабря 1854 года

(**) Журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 23 августа 1858 года.

(***) Журналъ Моск. Опек. Сов. 6-го февраля 1839 года.

Вообще плата за увѣчныхъ питомцевъ назначалась не иначе, какъ по предварительномъ медицинскомъ освидѣтельствѣ питомца въ самомъ Воспитательномъ Домѣ, и каждый разъ съ разрѣшенія Опекунскаго Совѣта.

Съ 1860 года начальству Воспитательнаго Дома предоставлено назначать за увѣчныхъ питомцевъ особую плату до 5 руб. серебромъ въ мѣсяць, не испрашивая разрѣшенія Совѣта (*).

Къ 1-му января 1863 года увѣчныхъ питомцевъ было:

мужск.	женск.;	за нихъ	платится	въ мѣсяць:	
190	— 234	—	—	—	2 руб.
70	— 94	—	—	—	3 —
18	— 13	—	—	—	4 —
2	— —	—	—	—	5 —

Итого 280 мужскаго пола, 341 женскаго, всего 621 увѣчныхъ.

Управленіе деревенскою частію и надзоръ за воспитаніемъ питомцевъ въ деревняхъ имѣли свои недостатки. Такъ окружные надзиратели жили въ Москвѣ и отсюда только по временамъ ѣздили въ деревни осматривать питомцевъ. Самые округа, для удобства разъѣздовъ, распределены были несообразно съ раздѣленіемъ губерніи на уѣзды, а по дорогамъ, ведущимъ изъ Москвы въ уѣздные города. Селенія, лежащія по одну сторону дороги, отнесены были къ одному округу, по другую—къ другому. Такимъ образомъ селенія одного и того же уѣзда, въ отношеніи надзора за воспитаніемъ въ нихъ питомцевъ, подчинены были разнымъ лицамъ. Границы каждаго округа также не могли быть съ точностію опредѣлены. При каждомъ отпускѣ дѣтей въ такое селеніе, гдѣ питомцевъ еще не было, возникалъ вопросъ,—къ какому округу удобнѣе отнести это селеніе.

Въ маѣ 1857 года, Высочайше повелѣно: „для ближайшаго наблюденія за положеніемъ питомцевъ, поселить окружныхъ Надзирателей въ самыхъ округахъ, начертать для нихъ подробнѣйшія инструкціи, съ тѣмъ однако, чтобы впослѣдствіи къ должностямъ симъ опредѣляе-

мы были, по мѣрѣ возможности, врачи, такъ какъ попеченіе о физическомъ воспитаніи дѣтей и сохраненіи ихъ здоровья должно составлять главнѣйшій предметъ обязанностей Надзирателя (*).“

Для исполненія такого Высочайшаго повелѣнія, приглашаемы были медицинскіе чиновники къ занятію открывавшихся вакансій окружныхъ надзирателей; по съ 1857 года врачей, желающихъ занять эти должности, явилось только трое, которые и были помѣщены на открывшіяся вакансіи въ округа Богородскій, Коломенскій и Рузскій. Изъ нихъ врачъ, занявшій должность окружнаго надзирателя въ Коломенскомъ округѣ, оставилъ ее въ началѣ 1860 года. На мѣсто его переведенъ врачъ изъ Рузскаго округа, такъ что въ настоящее время должности окружныхъ надзирателей заняты медиками только въ округахъ Богородскомъ и Коломенскомъ.

Причина неуспѣха въ присканіи врачей къ занятію должности окружныхъ надзирателей заключается въ недостаточности присвоеннаго этимъ должностямъ содержанія. Трудно встрѣтить врача, который нашелъ бы для себя выгоднымъ за 200 руб. въ годъ жалованья поселиться въ уѣздный городъ, гдѣ частная практика едва-ли для него возможна, по причинѣ непрерывныхъ разъѣздовъ по округу.

Опытъ доказалъ при томъ, что опредѣленіемъ врачей къ должностямъ окружныхъ надзирателей не достигается та цѣль, которую при этомъ должно бы имѣть въ виду: возможное сохраненіе здоровья питомцевъ. Окружный надзиратель изъ врачей, встрѣтивъ больного питомца, при осмотрѣ своего округа, и подавъ ему совѣтъ, по необходимости долженъ обратиться къ той же мѣрѣ, къ которой прибѣгнетъ и окружной надзиратель неврачъ, т. е. отправить питомца въ больницу, гдѣ лечить его будетъ уже не окружной надзиратель, а больничныи медикъ.

На окружномъ надзирателѣ, кромѣ обязанности имѣть попеченіе о сохраненіи здоровья

(*) Журналъ Моск. Оpek. Сов., 17 окт. 1860 г.

(*) Отношеніе г. статсъ-секретаря Гофмана къ предсѣдательствующему въ Оpek. Совѣтѣ, отъ 13 мая 1857 года за № 3299-мъ.

питомцевъ, лежитъ много другихъ обязанностей: приписка въ сословіе; устройство участи питомца, чрезъ усыновленіе его въ крестьянское семейство, совершаются по совѣтамъ воспитателей съ окружными надзирателями и при ихъ содѣйствіи; законная защита питомца, въ случаѣ прикосновенности его къ какому нибудь слѣдствію, и множество другихъ случаевъ относятся до прямой обязанности окружныхъ надзирателей. Опытъ доказалъ, что обязанности эти гораздо удовлетворительнѣе и съ большими успѣхами исполняются гражданскими чиновниками, чѣмъ врачами, мало знакомыми съ гражданскими законами.

Между тѣмъ, по возраставшему годъ отъ году числу селеній, въ которыя вывозились изъ Воспитательнаго Дома младенцы, сдѣлалось необходимымъ увеличить число чиновниковъ для надзора за ихъ воспитаніемъ. Въ штатѣ Московскаго Воспитательнаго Дома 1857 года положено 15-ть окружныхъ надзирателей, вмѣсто 13-ти, какъ было прежде, и для повѣрки ихъ дѣйствій—3 надзирателя объѣзжихъ. Тѣмъ же штатомъ помощникъ главнаго надзирателя, завѣдывавшій деревенскою частію, переименованъ въ инспектора округовъ.

Каждому окружному и объѣзжему дано по фельдшеру, для оказанія больнымъ деревенскимъ питомцамъ, во время осмотра ихъ въ деревняхъ, первоначальнаго медицинскаго пособія.

Со введеніемъ новаго штата, дано деревенскому управленію новое устройство.

Всѣ селенія, въ которыхъ воспитываются питомцы, раздѣлены на 15-ть округовъ, не по дорогамъ, какъ было прежде, а по уѣздамъ. Округа эти расположены были слѣдующимъ образомъ:

1-й округъ	заключалъ	уѣздъ:	Московскій
2-й —	—	—	Дмитровскій
3-й —	—	уѣзды	Александровскій Влад. губ. Юрьевскій — — Переяславскій — — Калезинскій и Корчевской Тверск. губ.

4-й —	—	уѣздъ	Бронницкій
5-й —	—	—	Богородскій Покровскій Влад. г. Егорьевскій Ряз. г. Верейскій
7-й —	—	—	Подольскій
8-й —	—	—	Коломенскій Каширскій Тульск. губ. Веневскій — — Зарайскій Ряз. губ.
9-й —	—	—	Серпуховской Алексинскій Тул. г.
10-й —	—	—	Боровскій Калуж. губ. Малоярославец. — Тарусскій — — Медынскій — —
11-й —	—	—	Рузскій
12-й —	—	—	Звенигородскій
13-й —	—	—	Можайскій Гжатскій Смол. губ.
14-й —	—	—	Клинскій Тверской
15-й —	—	—	Волоколамскій Зубцовскій Тверск. губ. Старицкій — —

Плату за воспитаніе питомцевъ положено было раздавать по каждому округу въ то число мѣсяца, которое соотвѣтствовало цифрѣ округа: такъ по 1-му округу плата раздавалась 1-го числа, по 2-му—2-го, и такъ далѣе.

Окружнымъ надзирателямъ назначено жить въ уѣздныхъ городахъ; а именно:

2-го округа	въ	Дмитровѣ,
4 — — —	Бронницахъ,	
5 — — —	Богородскѣ,	
6 — — —	Вереѣ,	
7 — — —	Подольскѣ,	
8 — — —	Коломнѣ,	
9 — — —	Серпуховѣ,	
10 — — —	Малоярославецѣ,	
11 — — —	Рузѣ,	
12 — — —	Звенигородѣ,	
13 — — —	Можайскѣ,	
14 — — —	Клину,	
15 — — —	Волоколамскѣ.	

Надзирателю 1-го округа предоставлено жить въ Москвѣ, а надзирателю 3-го округа—въ Сергіевскомъ посадѣ.

Изъ всѣхъ 15-ти округовъ составлено три участка, по пяти округовъ въ каждомъ: одинъ на востокъ и сѣверо-востокъ, другой на югъ, третій—на западъ и сѣверо-западъ отъ Москвы. Въ первомъ участкѣ заключаются первые пять округовъ, во второмъ—вторые пять и, наконецъ, въ третьемъ—пять остальныхъ.

По первому участку раздача платы деревенскимъ воспитателямъ производилась въ первые пять дней каждаго мѣсяца, по второму—во вторые пять дней, по третьему—въ послѣдніе пять дней первой половины мѣсяца, такъ что 15-го числа каждаго мѣсяца раздача оканчивалась.

Каждый округъ ввѣренъ окружному надзирателю, съ непосредственнымъ подчиненіемъ директору Воспитательнаго Дома. Каждый участокъ порученъ наблюденію одного изъ трехъ объѣзжихъ надзирателей, которымъ дано значеніе ревизоровъ.

Объѣзжимъ надзирателямъ предоставлено избирать постоянное мѣсто жительства среди ввѣренныхъ имъ участковъ. Надзиратель 1-го участка поселился въ Сергіевскомъ посадѣ, 2-го—въ Звенигородѣ; 3-й объявилъ своимъ мѣстомъ жительства Подольскъ.

На объѣзжихъ надзирателей возложена, кромѣ того, обязанность присутствовать въ теченіе пяти дней при раздачѣ платы за питомцевъ, ввѣренныхъ имъ участковъ, и исполнять, въ отсутствіи, или во время болѣзни окружныхъ надзирателей, ихъ обязанности.

Инспекторъ округовъ освобожденъ отъ всякихъ обязанностей, какія возложены были на помощника главнаго надзирателя по управленію деревенскою частію. Ему дано значеніе общаго ревизора дѣйствій окружныхъ и объѣзжихъ надзирателей.

Всѣмъ этимъ чинамъ даны инструкціи.

Опытъ доказалъ, что такое устройство управленія деревенскою частію имѣло также свою невыгодную сторону. Инспекторъ округовъ, будучи слишкомъ устраненъ отъ всякаго уча-

стія въ управленіи, не могъ производить ревизію съ желаемой пользой.

Съ 1860 года посему признано полезнымъ кругъ дѣятельности инспектора округовъ расширить.

4-го ноября 1860 года, съ опредѣленіемъ новаго инспектора округовъ, въ замѣнъ инструкціи 1857 года, начальство Воспитательнаго Дома возложило на его обязанность:

1) Присутствовать въ продолженіе первой половины каждаго мѣсяца при раздачѣ платы воспитателямъ деревенскихъ питомцевъ.

2) Разбирать при этомъ жалобы, въ которыхъ объѣзжіе надзиратели найдутъ необходимымъ имѣть его разрѣшеніе.

3) Принимать прошенія: отъ крестьянъ—объ отдачѣ имъ въ усыновленіе и удочереніе питомцевъ и питомокъ, а отъ родственниковъ питомцевъ—объ отдачѣ имъ сихъ послѣднихъ на ихъ попеченіе и содержаніе. При этомъ изъяснено, „что на причисленіе къ крестьянскимъ семействамъ слѣдуетъ имѣть въ виду согласіе и воспитателя, и усыновителя, а если питомецъ уже на возрастѣ, то и самаго питомца; а при увольненіи питомцевъ на содержаніе и попеченіе родственниковъ обращать вниманіе на всѣ обстоятельства, могущія разъяснить настоящую пользу питомца въ каждомъ частномъ случаѣ.“

4) Выслушивать просьбы питомокъ о дозволеніи имъ вступать въ бракъ и разрѣшать заготовленіе на это свидѣтельствъ, по личномъ отъ самихъ питомокъ удостовѣреніи, что онѣ вступаютъ въ замужество не по принужденію воспитателей, а по собственному желанію.

5) Питомцамъ, обученнымъ грамотѣ, производить испытанія и назначать количество вознагражденія за ихъ обученіе.

6) Давать направленіе письменному дѣлопроизводству по деревенской части.

7) Наблюдать, наконецъ, за исполненіемъ чиновниками деревенскаго управленія возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Общая ревизія дѣйствій объѣзжихъ и окруж-

ныхъ надзирателей, по прежнему, оставлена на обязанности инспектора округовъ.

Въ 1860-мъ году дозволено объѣзжимъ надзирателямъ жить въ Москвѣ; пріѣзжать ежемѣсячно изъ уѣздовъ для присутствованія при раздачѣ деревенскимъ воспитателямъ платы, при скудости разѣздныхъ денегъ, было для нихъ стѣснительно. Къ тому же на объѣзжихъ надзирателей, кромѣ обязанности производить ревизію дѣйствій надзирателей округовъ, нерѣдко возлагаются порученія, для успѣшнаго исполненія которыхъ имъ необходимо получать лично указанія отъ начальства (*).

При этомъ, для удобства объѣздовъ, округа распределены на части такимъ образомъ, чтобы каждый объѣзжій надзиратель по каждому тракту выѣзжалъ изъ Московскаго уѣзда прямо въ округа своего участка и не проѣзжалъ по округамъ участковъ чужихъ. Объѣзжему надзирателю, въ участкѣ котораго находится Московскій уѣздъ, даны тѣ округа, которые находятся въ уѣздахъ, прилегающихъ къ границамъ Московскаго уѣзда отъ Москвы отдаленнѣйшимъ, такъ чтобы прочимъ двумъ объѣзжимъ надзирателямъ оставалось какъ можно менѣе проѣзжать по Московскому уѣзду.

Распределеніе округовъ по участкамъ согласено и съ порядкомъ раздачи платы деревенскимъ воспитателямъ. Этотъ порядокъ былъ неудобенъ въ томъ отношеніи, что плату по самымъ населеннымъ питомцами округамъ приходилось раздавать сряду въ послѣдніе пять дней раздачи. Въ особенности въ зимнее время, когда раздача производится до поздняго вечера, нельзя было повѣрять, хотя на другой день, выданную сумму. Притомъ, по округамъ расположеннымъ въ Звенигородскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, гдѣ число питомцевъ постоянно возрастаетъ, выдача жалованья воспитателямъ въ одинъ день сдѣлалась невозможною. Напротивъ, въ округахъ, заключающихъ въ себѣ уѣзды Богородскій, съ Покровскимъ и Егорьевскимъ, и уѣзды Владимірской и Тверской губерній, число питомцевъ

въ 1860 году не превышало 650-ти, и потому раздача платы по обоимъ этимъ округамъ могла быть оканчиваема въ одинъ день.

Въ настоящее время округа распределены такъ:

1-й участокъ.

1-й—округъ въ Звенигородскомъ уѣздѣ.— Раздача платы производится 1-го и 2-го числа каждаго мѣсяца, для чего и самый округъ раздѣленъ на двѣ части.

2-й—въ Можайскомъ, съ Гжатскимъ. Раздача—3-го числа.

3-й—въ Рузскомъ. Раздача—4-го числа.

4-й—въ Волоколамскомъ, съ Зубцовскимъ и Старицкимъ. Раздача—5 числа.

5-й—въ Верейскомъ. Раздача—6-го числа.

2-й участокъ.

6-й—въ Серпуховскомъ уѣздѣ, съ Алексинскимъ.

7-й—въ Коломенскомъ, съ Каширскимъ, Веневскимъ и Зарайскимъ.

8-й—въ Подольскомъ.

9-й—въ Боровскомъ, Малоярославецкомъ, Тарусскомъ, и Медынскомъ.

10-й—въ Бронницкомъ.

Раздача платы по каждому изъ этихъ округовъ производится въ одинъ день, съ 7-го по 12 число.

3-й участокъ.

11-й—въ Клинскомъ уѣздѣ, съ Тверскимъ.

12-й—въ Московскомъ.

13-й— въ Дмитровскомъ.

14-й— въ Александровскомъ, Юрьевскомъ, Переяславскомъ, Калязинскомъ и Корчевскомъ.

15-й— въ Богородскомъ, съ уѣздами Покровскомъ и Егорьевскимъ.

Для раздачи платы по 11-му округу назначены 12 и 13 числа каждаго мѣсяца; по 12-му раздача производится 14-го числа, по 13-му—15-го, по 14-му и 15-му—16-го числа (*).

Такъ какъ при этомъ измѣненіи въ распре-

(*) Журналъ Опеку. Совѣта, 12 декабря 1861 года.

(*) Тотъ же Журналъ Опекунскаго Совѣта.

дѣленіи округовъ, нумера округовъ не показываютъ уже болѣе числъ дней раздачи, то округа именуется нынѣ по уѣздамъ.

Питомцевъ всего больше въ округахъ Звенигородскомъ, Клинскомъ и Подольскомъ; самыя малолюдныя округа: Коломенскій, Александровскій и Богородскій.

По отчетамъ за 1862-й годъ, къ 1-му января 1863-го года, питомцевъ въ деревняхъ показано 32.101; изъ этого числа, какъ видно изъ раздаточныхъ книгъ, было 28.645 питомцевъ, за которыхъ производится плата, а именно: въ округахъ:

	мальч.	дѣвоч.
Звенигородскомъ.	1812	— 2061
Можайскомъ.	887	— 1046
Рузскомъ.	1244	— 1441
Волоколамскомъ.	619	— 667
Верейскомъ	1328	— 1419
Серпуховскомъ	875	— 1004
Коломенскомъ.	248	— 352
Подольскомъ.	1396	— 1639
Малоярославецкомъ.	844	— 940
Бронницкомъ.	497	— 591
Клинскомъ.	1525	— 1691
Московскомъ.	550	— 663
Дмитровскомъ.	1216	— 1425
Александровскомъ	194	— 237
Богородскомъ.	96	— 138

Всего. 13.331—15.314

Младенцы, отправляемые въ Коломенскій округъ, поступали болѣею частію на воспитаніе въ селенія уѣздовъ Коломенскаго, Каширскаго и Зарайскаго. Въ уѣздѣ Веневскомъ воспитывается дѣтей немного. Въ іюль 1861 года открыто, что младенцы, отправляемые въ Веневскій уѣздъ, привозятся болѣею частію въ селеніе Беззубово, лежащее близъ границъ Зарайскаго и Каширскаго уѣздовъ, и передаются вывозящими ихъ женщинами за нѣкоторую плату на воспитаніе женщинамъ изъ уѣздовъ Каширскаго и Зарайскаго. Надзоръ за воспитаніемъ въ Веневскомъ уѣздѣ, между тѣмъ, по отдаленности, затруднителенъ.

Съ августа 1861-го года отпускъ младенцевъ въ Веневскій уѣздъ прекращенъ.

Въ уѣздахъ Каширскомъ и Коломенскомъ замѣчены были случаи двукратной отдачи въ Воспитательный Домъ одного и тогоже младенца и полученія платы за родныхъ дѣтей по билетамъ на умершихъ питомцевъ. Преслѣдованіе всѣхъ этихъ злоупотребленій въ каждомъ частномъ случаѣ порядкомъ слѣдственнымъ вовлекло бы Воспитательный Домъ въ значительную переписку; а какъ между коломенскими и каширскими кормилицами укоренились привычки къ отступленію отъ установленныхъ по Воспитательному Дому правилъ, то съ августа 1861-го года отпускъ младенцевъ въ уѣзды Каширскій и Коломенскій, впредь до указанія опыта, временно приостановленъ.

Хотя указомъ 25 іюня 1837 года питомцы и предназначены къ обращенію преимущественно въ сельское сословіе, однако младенцы отпускались съ кормилицами не только въ деревни, но и въ уѣздные города. Съ октября 1861 года сдѣлано распоряженіе, чтобы дѣтей въ города на воспитаніе не отпускать.

Въ томъ же году, въ видахъ облегченія надзора за воспитаніемъ въ деревняхъ, прекращенъ отпускъ младенцевъ въ уѣзды: Зубцовскій, Старицкій, Тверской, Юрьевскій, Покровскій, Алексинскій, Зарайскій и Егорьевскій. Вывозилось туда младенцевъ мало, а осмотръ ихъ требовалъ дальнихъ разъѣздовъ.

Случаи самовольной передачи кормилицами другъ другу дѣтей замѣчались издавна, и безнаказанности такихъ поступковъ особенно способствовало то обстоятельство, что кормилицы (кромѣ полугодовыхъ) принимаются безъ всякихъ видовъ.

Начальство Дома не рѣшалось требовать отъ приходящихъ изъ деревень кормилицъ удостовѣренія ихъ личности, изъ опасенія, чтобы отъ этого не произошелъ недостатокъ въ кормилицахъ.

Такое опасеніе оправдалось и тѣмъ, что потребность въ кормилицахъ постоянно возрастала, такъ какъ до 1860-го года возрастало ежегодно число приносимыхъ дѣтей. Но въ 1860-мъ году принесено было менѣе, чѣмъ въ 1859-мъ; а въ 1861-мъ менѣе даже и противъ 1860-го. При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно

было безопасно, хотя въ одинъ уѣздъ, отпустить дѣтей только съ тѣми кормилицами, которыя представляютъ письменный видъ.

Для опыта избранъ уѣздъ Бронницкій, между прочимъ и потому уваженію, что онъ лежитъ на пути изъ Москвы въ Коломну и Каширу, куда вывозъ питомцевъ прекращенъ (*).

Послѣдствія видны изъ слѣдующихъ цифръ. Въ Бронницкій округъ, изъ общаго числа розданныхъ младенцевъ, вывезено:

Въ 1858-мъ году	—	258	изъ	9.846.
— 1859 — — —		392	—	11.312.
— 1860 — — —		356	—	9.948.
— 1861 — — —		284	—	9.646.
— 1862 — — —		226	—	8.396.

При раздачѣ платы за воспитаніе питомцевъ въ деревняхъ, у воспитателей, по полученіи уже отъ счетчиковъ денегъ, иногда возникали сомнѣнія, относительно правильности количества выданной имъ суммы. При этомъ представляется обыкновенно два случая: или воспитатель сомнѣвается въ вѣрности бухгалтерскаго разсчета, или же полагаетъ, что ему выдано счетчикомъ денегъ менѣ назначеннаго въ полученной отъ бухгалтера контрамаркѣ. Первое недоразумѣніе легко устраняется повѣркой бухгалтерскаго разсчета. Разъясненіе же случаевъ втораго рода перѣдко бываетъ затруднительно, такъ какъ сомнѣнія обыкновенно заявляются, спустя уже нѣкоторое время послѣ полученія платы, а иногда и чрезъ нѣсколько дней.

Для устраненія этого, съ 1862-го года воспитателямъ питомцевъ выдаются бухгалтеромъ, при расчетѣ, сколько слѣдуетъ по представленному билету выдать денегъ, двойныя контрамарки, съ обозначеніемъ на каждой изъ нихъ слѣдующей къ полученію суммы. Одна изъ этихъ контрамарокъ, при выдачѣ денегъ, остается, какъ документъ, у счетчика, выдающаго деньги, а другая представляется воспитателемъ, для повѣрки выданной ему суммы, объѣзжому надзирателю, къ которому воспитатели обращаются непосредственно по полученіи платы, не выходя изъ комнатъ, гдѣ производится раздача.

Пособіе заболѣвающимъ деревенскимъ питом-

цамъ до 1858 года ограничивалось привозомъ больныхъ въ Воспитательный Домъ и помѣщеніемъ ихъ въ учрежденную при Домѣ больницу. На мѣстахъ воспитанія первоначальное пособіе питомцамъ оказываемо было сопровождающими окружныхъ надзирателей фельдшерами, лишь въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда надзиратель, во время разъѣздовъ по округу, встрѣчалъ въ какомъ нибудь селеніи больнаго питомца.

Въ 1856-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, объѣзжалъ округа деревенскихъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома бывший товарищъ статсъ-секретаря, по дѣламъ управленія Учрежденіями Императрицы Маріи, нынѣ почетный опекунъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Е. П. Вонлярлярскій и нашелъ, что питомцы въ деревняхъ содержатся вообще удовлетворительно. Съ особенной теплотою г. Вонлярлярскій описывалъ ту взаимную привязанность, какая образуется между питомцами и ихъ деревенскими воспитательницами.

Въ запискѣ о состояніи питомцевъ въ деревняхъ г. Вонлярлярскій изложилъ нѣкоторыя предположенія къ лучшему устройству питомцевъ. Московскій Опекунскій Совѣтъ, разсматривая эти предположенія, призналъ, между прочимъ, полезнымъ принять мѣры къ скорѣйшему оказанію заболѣвающимъ питомцамъ врачебнаго пособія.

Всего лучше было бы учредить въ деревенскихъ округахъ особыя лазареты, еслибы такое учрежденіе не требовало значительныхъ издержекъ. Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ Опекунскому Совѣту, въ маѣ 1857-го года, указано было по этому предмету ограничиться на первый разъ такими распоряженіями: 1. выдавать воспитателямъ за привозъ больныхъ питомцевъ въ лазаретъ Воспитательнаго Дома вознагражденіе по числу верстъ, ничего не вычитая изъ производящейся имъ платы за время пребыванія питомцевъ въ лазаретъ; 2. учредить въ больницахъ казенныхъ и помѣщичьихъ имѣній, а также въ городскихъ Московской и Калужской губерній, особыя кровати и люльки, гдѣ окажется это удобнымъ, съ назначеніемъ врачамъ тѣхъ больницъ платы за леченіе питомцевъ; наконецъ—3. опредѣ-

(*) Журналъ Опек. Совѣта, 9-го ноября 1861 года

лить во всѣ деревенскіе округа опытныхъ фельдшеровъ.—Относительно младенцевъ, зараженныхъ наследственнымъ худосочиємъ, велѣно сохранить прежній порядокъ, съ тѣмъ однако же, чтобы на врачей возложена была обязанность строжайшимъ образомъ наблюдать за неотсылкою въ деревни тѣхъ дѣтей, отъ которыхъ сифилитическая болѣзнь могла бы получать развитіе на мѣстѣ ихъ пребыванія (*).

Согласно этому, на первый разъ учреждены были, для пользованія заболѣвающихъ деревенскихъ питомцевъ, отдѣленія при уѣздныхъ городскихъ больницахъ вѣдомства Попечительнаго Совѣта Заведеній Общественнаго Призрѣнія въ Москвѣ. 1-го апрѣля 1858 года, открыты отдѣленія во всѣхъ уѣздныхъ городахъ Московской губерніи, кромѣ Вереи, гдѣ не отыскано удобнаго для больницы дома.

25-го января 1858 года, Высочайше утверждены для этихъ отдѣленій, въ видѣ опыта, на два года, правила. Въ каждомъ отдѣленіи устроено по пяти кроватей и по столькоже люлекъ, съ платою отъ Воспитательнаго Дома Попечительному Совѣту ежегодно впередъ за каждую кровать по 100 рублей, а за каждую люльку по 60-ти и, сверхъ того, по 5 рублей въ годъ съ каждой кровати и люльки прибавочнаго жалованья смотрителю и врачу больницы, то есть каждому по 50 руб. за всѣ кровати и люльки, и по 25 руб. въ годъ больничной прислугѣ. Такимъ образомъ содержаніе каждаго отдѣленія стоило Воспитательному Дому 925 руб. въ годъ, а всѣхъ открытыхъ въ 11-ти городахъ отдѣленій—10.175 руб.

На эти кровати и люльки указано принимать взрослыхъ и грудныхъ питомцевъ, одержимыхъ острыми болѣзнями, будутъ-ли эти питомцы присылаемы съ свидѣтельствами отъ окружныхъ надзирателей, или доставляемы состоящими при надзирателяхъ фельдшерами, или же наконецъ приводимы самими воспитателями, отъ которыхъ требовать при этомъ лишь предъявленія билетовъ на доставляемыхъ питомцевъ.

Врачамъ больницъ поставлено въ обязанность не отказывать въ совѣтахъ тѣмъ питомцамъ,

которыхъ болѣзнь не требуетъ помѣщенія въ больницу, точно также какъ и ихъ воспитателямъ.

Такъ какъ плату за кровати и люльки положено было производить постоянную, не принимая въ расчетъ, были-ли онѣ заняты въ теченіе всего года, то указано увеличивать, или уменьшать число кроватей и люлекъ въ одной больницѣ на счетъ другой, соразмѣрно съ числомъ и возрастомъ питомцевъ, поступающихъ въ ту, или другую больницу.

Выздоровѣвшихъ питомцевъ назначено выпускать: взрослыхъ—по собственному ихъ желанію, а малолѣтныхъ и младенцевъ—по явкѣ за ними воспитателей, или когда окружной надзиратель найдетъ возможнымъ отправить ихъ на мѣсто воспитанія.

О приемѣ и выпускѣ больныхъ питомцевъ вмѣнено больницамъ въ обязанность вести списки съ обозначеніемъ именъ и нумеровъ питомцевъ, именъ воспитателей и мѣстъ воспитанія, и доставлять Воспитательному Дому срочныя свидѣнія. Смотрителямъ больницъ велѣно свидѣтельствовать на билетахъ о времени смерти питомцевъ; а священникамъ, производящимъ погребеніе, удостоверяютъ объ этомъ на тѣхъ же билетахъ, съ приложеніемъ церковной печати. Самые билеты возвращаются лицамъ, доставившимъ питомцевъ въ больницы.

На состоящихъ при окружныхъ надзирателяхъ фельдшеровъ возложена обязанность, во время, свободное отъ занятій по округу, быть при городскихъ больницахъ.

Начальству Воспитательнаго Дома и чиновникамъ по деревенской части предоставлено осматривать отдѣленія городскихъ больницъ для питомцевъ во всякое время.

На тѣхъ же основаніяхъ, 1-го іюля 1858 года, открыто было отдѣленіе на пять коекъ и пять люлекъ, для больныхъ деревенскихъ питомцевъ въ Сергіевскомъ посадѣ, при Домѣ Призрѣнія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры(*).

При самомъ открытіи отдѣленій, воспитатели питомцевъ повѣщены были объ этомъ печатными объявленіями. Этими объявленіями поставлялось

(*) Журналъ Онек. Совѣта, 11 іюня 1857-го года.

(*) Журналъ Онек. Совѣта, 23 мая 1857 го года.

въ извѣстность, между прочимъ, что за время нахождения питомца въ больницѣ не только не удерживается жалованье кормилицы, но даже выдается ей отъ Воспитательнаго Дома вознагражденіе за доставленіе питомца въ больницу.

Но какъ всякое учрежденіе тогда только можетъ принести дѣйствительную пользу, когда въ благой цѣли его убѣждаются тѣ лица, для которыхъ оно назначается; сельскіе же обыватели къ научнымъ медицинскимъ средствамъ, какъ извѣстно, большаго довѣрія не имѣютъ, то въ учрежденныя больничныя отдѣленія питомцевъ доставлялось немного. Къ тому же плата за доставленіе ихъ въ больницы и сохраненіе жалованья за время, проведенное въ больницахъ питомцами, не достаточно вознаграждало воспитателей за трату времени, и притомъ для таковаго дѣла, въ пользу котораго они не убѣждены.

Самое большое число питомцевъ лечилось въ больницѣ Клинской. Съ 1-го апрѣля 1858-го года, т. е. со дня открытія отдѣленій по 1-е декабря 1859 г., пользовалось въ этой больницѣ 77 питомцевъ, и при нихъ продовольствовано на счетъ больницы 20 кормилицъ, для которыхъ израсходовано 1278 порцій.

Самое меньшее число больныхъ питомцевъ пользовано было, въ теченіе того же времени, въ больницѣ Богородской, именно 6 питомцевъ; всѣ они въ сложности пробыли въ больницѣ 95 дней.

При такомъ незначительномъ числѣ лечившихся въ уѣздныхъ больницахъ и отпускѣ на нихъ одинаковой суммы, безъ различія, сколько лечилось больныхъ, содержаніе и пользованіе питомцевъ обошлось Воспитательному Дому слишкомъ дорого. По числу лечившихся, за содержаніе и леченіе каждаго больнаго, въ день заплачено: больницѣ Клинской, гдѣ лечилось больше питомцевъ. 1 р. 40 к.

Богородской, гдѣ лечилось ихъ наименьшее число. 16 — 22 —

Несоразмѣрность уѣзднымъ больницамъ платы съ дѣйствительной стоимостью леченія и содержанія больныхъ, заставила обратиться къ другимъ началамъ.

Въ мартѣ 1861 года, Высочайше повелѣно:

„1. Оставить въ дѣйствиіи еще на два года открытыя въ 1858-мъ году, въ видѣ опыта, при нѣкоторыхъ уѣздныхъ городскихъ больницахъ Московской губерніи и при Домѣ Призрѣнія Троицко-Сергіевской Лавры Отдѣленія, для пользованія питомцевъ, находящихся въ деревняхъ, съ упраздненіемъ однако Рузскаго, Богородскаго и Дмитровскаго Отдѣленій, оказавшихся вовсе безуспѣшными, и съ дозволеніемъ Совѣту закрывать, по его усмотрѣнію, тѣ изъ остальныхъ Отдѣленій, въ которыхъ и впредь будетъ пользоваемо ничтожное число дѣтей. 2. Даруемую отсрочку считать со дня окончанія перваго двухлѣтія; а какъ за малымъ поступленіемъ питомцевъ въ Отдѣленія, мѣра эта доселѣ не достигла своей цѣли и допускается лишь по неимѣнію въ виду въ настоящее время другихъ болѣе соответственныхъ способовъ, то поставить Совѣту и Медицинскому Инспектору въ непремѣнную обязанность приступить нынѣ же къ изысканію средствъ для успѣшнѣйшаго пользованія деревенскихъ питомцевъ, съ соблюденіемъ возможной экономіи, о чемъ соображенія представить заблаговременно, не ожидая истеченія отсрочки и не касаясь вопроса объ учрежденіи въ сельскихъ округахъ особыхъ лазаретовъ, которые, по отзыву Опекунскаго Совѣта, потребовали бы огромныхъ издержекъ. 2. Для оказанія первоначальнаго пособія на мѣстѣ, снабжать походными аптеками только надзирателей изъ врачей, отнюдь не давая такихъ аптекъ, состоящимъ при Окружныхъ Надзирателяхъ не медицинскаго званія, фельдшерамъ, кои не могутъ имѣть надлежащихъ свѣдѣній для назначенія лекарствъ.“

Отдѣленіе при Дмитровской городской больницѣ закрыто было 1-го іюня 1861 года, при Рузской—12 іюня и при Богородской—21 іюня.

Походными аптеками снабжены надзиратели Богородскаго и Коломенскаго округовъ, гдѣ должности эти занимаютъ врачами.

Вскорѣ обнаружилось, что и оставшіяся девять отдѣленій не приносили пользы, соотвѣтственной съ издержками; а при нѣкоторыхъ больницахъ содержаніе отдѣленій было

совершенно бесполезною тратой денегъ. На основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго повелѣнія, по распоряженію Опекунскаго Совѣта, всѣ эти отдѣленія въ 1862 году были закрыты, кромѣ отдѣленій при Клипской и Волоколамской больницахъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ питомцевъ лечилось больше, а потому была еще надежда, что устроенныя при этихъ больницахъ отдѣленія принесутъ со временемъ достаточную пользу. Въ этихъ видахъ, а также для продолженія опыта леченія въ уѣздныхъ больницахъ питомцевъ, хотя въ двухъ мѣстностяхъ, изъ которыхъ Клипскій уѣздъ болѣе другихъ уѣздовъ населенъ питомцами, а Волоколамскій есть одинъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ Москвы, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія продлить существованіе этихъ двухъ отдѣленій еще на два года.

Въ іюль 1862 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „продолжить еще на два года существованіе при Клипской и Волоколамской Городскихъ Больницахъ отдѣленій для леченія деревенскихъ питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома, съ предоставленіемъ Совѣту права закрыть эти отдѣленія и прежде истеченія означеннаго срока, еслибы они оказались бесполезными.“

Въ іюнь 1863-го года Опекунскій Совѣтъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе предположеніе Начальства Воспит. Дома о возобновленіи приѣма для пользованія въ уѣздные больницы питомцевъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ лечатся больные казеннаго вѣдомства, наприм. нижніе воинскіе чины, за которыхъ Комисаріатское вѣдомство платитъ именно столько, сколько содержаніе и леченіе больныхъ дѣйствительно стоило въ предшествовавшемъ году.

Исполняя возложенное на него порученіе, инспекторъ по медицинской части московскихъ учреждений Императрицы Маріи, А. Е. Эвеніусъ, съ своей стороны занялся разсмотрѣніемъ вопроса о леченіи питомцевъ. Предположивъ устроить это леченіе чрезъ особыхъ врачей, по округамъ, г. Эвеніусъ исчислилъ, что для этого дѣла нужна единовременная издержка въ 7.500 р. и ежегодный расходъ около 60.000 р.

По поводу такого предположенія начальство Воспитательнаго Дома довело до свѣдѣнія Опекунскаго Совѣта слѣдующее свое мнѣніе.

Опредѣленіе особыхъ медицинскихъ чиновниковъ и учрежденіе особыхъ лечебницъ, собственно только для питомцевъ, нельзя признать мѣрами удобоисполнимыми и практичными, и именно по обширности всего того края, гдѣ питомцы воспитываются. Питомцевъ въ деревняхъ болѣе 30 т.; они разсѣяны въ населеніи, заключающемъ нѣсколько сотъ тысячъ крестьянскихъ дѣтей. Принимать мѣры для медицинскаго пользованія первыхъ, не распространяя этихъ мѣръ на послѣднихъ, было бы и несправедливо и едва ли исполнимо, а къ тому же сопряжено съ большими на каждаго больного издержками. Воспитательный Домъ можетъ желать, чтобы въ уѣздныхъ городахъ, деревняхъ и селахъ лечебницы учреждались, и чѣмъ больше ихъ будетъ—тѣмъ лучше. Еслибы въ каждую изъ такихъ лечебницъ принимались питомцы, то Воспитательный Домъ могъ бы платить за нихъ соразмѣрную поденную плату, подобно тому, какъ согласилось наконецъ лечить питомцевъ за подобную плату въ уѣздныхъ городскихъ больницахъ вѣдомство Московскаго Попечительнаго Совѣта. Точно также въ извѣстномъ участкѣ—будетъ ли то волость, или еще большее пространство—всякому врачу, который занимался бы за жалованье подачею пособія больнымъ, Воспитательный Домъ могъ бы платить, соразмѣрно числу питомцевъ, относительно остальнаго населенія участка. Еслибы наконецъ, къ должному устройству медицинской части въ селеніяхъ различнаго вѣдомства принимали мѣры, основанныя на одинаковыхъ соображеніяхъ и видахъ, то Воспитательный Домъ, съ своей стороны, могъ бы также въ двухъ, или трехъ мѣстностяхъ на свой счетъ открыть лечебницы, на тѣхъ же основаніяхъ, лечить въ нихъ и питомцевъ, и всякихъ другихъ дѣтей: первыхъ безвозмездно, а прочихъ за соразмѣрную поденную плату.

По мнѣнію начальства Дома, слѣдовало бы поставить вопросъ не о томъ, какъ устроить по деревнямъ медицинское пользованіе питомцевъ, не дѣлая огромныхъ издержекъ, а о томъ, ка-

кія могли бы приняты быть успѣшныя мѣры, чтобы вообще населеніе селъ и деревень не оставалось безъ медицинскихъ, въ случаѣ нужды, пособій. Съ своей стороны Воспитательный Домъ, обязанный пещись о питомцахъ, разсѣянныхъ среди сельскаго населенія, могъ бы принять въ этихъ мѣрахъ участіе, какъ надзоромъ, такъ и денежными взносами.

Эти соображенія сообщены были Опекунскимъ Совѣтомъ Его Императорскому Высочеству Главноуправляющему IV Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—и уже имѣется въ виду отзывъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, что предположенія начальства Воспитательнаго Дома согласуются съ видами правительства по устройству медицинской части среди сельскаго населенія.

Общихъ мѣръ по обученію питомцевъ грамотѣ припимаемо не было. Для поощренія грамотности употребляется самый простой способъ: когда приведутъ въ Управление питомца, знающаго грамоту, ему дѣлается краткое испытаніе,—и за тѣмъ учителю выдается денежная награда, соразмѣрная съ успѣхами воспитанника. Обыкновенно отъ питомцевъ требуется при этомъ знаніе важнѣйшихъ молитвъ, заповѣдей Господнихъ и умѣнье выкладывать на счетахъ.

Въ прежнемъ опытномъ штатѣ Воспитательнаго Дома на обученіе грамотѣ питомцевъ никакой суммы назначено не было; а процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Норовою, около 300 рублей въ годъ, постоянно не доставало на уплату сельскимъ учителямъ, которые являлись въ Воспитательный Домъ съ обученными питомцами, для полученія вознагражденія. Выдавалось обыкновенно по 8 руб. 57 коп. за выучку мальчика и по 7 руб. 14¼ коп. за выучку дѣвочки, по мѣрѣ полученія процентовъ съ капитала Норовой изъ Опекунскаго Совѣта, при чемъ Воспитательный Домъ постоянно находился въ долгу у сельскихъ учителей (*).

Въ 1854-мъ году испрошено было Высочайшее разрѣшеніе поручить въ самыхъ деревняхъ

мѣстнымъ священникамъ, или другимъ лицамъ, которыя изъявятъ на то согласіе, обученіе 50-ти, или 60-ти питомцевъ, 9-ти и 10-лѣтняго возраста, молитвамъ, письму и началамъ счисленія, съ платою за полную выучку каждого питомца отъ 15-ти до 20-ти рублей. На покрытие этого расхода ассигновано по 1000 руб. въ годъ. Обученнымъ питомцамъ велѣно производить испытаніе, и лучшихъ изъ нихъ отправлять въ Ремесленное Учебное Заведеніе, а прочихъ возвращать въ деревни.

По штату 1857-го года на обученіе грамотѣ питомцевъ назначено 2000 рублей.

Въ инструкціяхъ, данныхъ въ 1857-мъ году окружнымъ надзирателямъ, вмѣнено имъ въ обязанность склонять деревенскихъ воспитателей къ обученію питомцевъ грамотѣ и объяснять грамотнымъ людямъ въ селеніяхъ, преимущественно священникамъ, что за выучку каждого питомца они будутъ получать отъ Воспитательнаго Дома плату; убѣждать воспитателей, чтобы они посылали питомцевъ въ существующіе сельскіе школы, а о вновь открывающихся школахъ доносить начальству Дома. Наконецъ,—обученныхъ питомцевъ высылать въ Воспитательный Домъ, вмѣстѣ съ ихъ воспитателями и учителями, для испытанія питомцевъ и выдачѣ платы за ихъ обученіе.

Въ послѣдніе пять лѣтъ на обученіе питомцевъ грамотѣ израсходовано:

	Грамотныхъ питомцевъ, за которыхъ выдана плата, являлось.			Выдана за обученіе ихъ сумма. Руб.
	муж.	жен.	муж.	
Въ 1858-мъ году	58	4	62	629
1859	75	5	80	848
1860	91	11	102	954
1861	97	14	111	1075
1862	143	14	157	1281

(*) Объяснительныя записки къ проекту штата Воспитательнаго Дома 1837-го года.

Въ 1862 году, въ видѣ опыта, предложено сельскимъ священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ Рузскаго уѣзда учреждать у себя школы для обученія питомцевъ, съ платою за выучку каждого мальчика и каждой дѣвочки по 8-ми руб., и изъявившимъ па то готовность дана программа тѣхъ свѣдѣній, какія будетъ требовать отъ обученныхъ питомцевъ начальство Воспитательнаго Дома.

Цифры отпуска младенцевъ изъ Дома, общаго числа питомцевъ въ деревняхъ и смертности ихъ съ 1837-го по 1863-й годъ помѣщены въ прилагаемой у сего таблицѣ:

Въ кого- ромъ году.	Вывезено питомцевъ изъ Дома въ деревни.		Всего съ остат- комъ отъ прош- лаго года нахо- дилось въ дерев- няхъ.		Изъ нихъ умерло.		Про- центъ смерт- ности.
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
1837	2850	2936	14.644	18.110	2029	2097	12
1838	2598	2814	14.275	17.751	2089	2276	13
1839	2827	3146	13.960	17.217	2003	2085	13
1840	2716	2957	13.867	16.980	2026	2254	13
1841	2431	2672	13.634	16.576	2153	2309	14
1842	2647	3053	13.867	17.035	1899	2099	12
1843	2724	2984	14.237	17.248	1973	2140	13
1844	2735	3030	14.660	17.489	2078	2242	13
1845	3085	3264	15.307	17.928	2172	2137	12
1846	3175	3532	15.001	18.014	2345	2394	14
1847	2797	3135	14.987	18.092	2350	2510	14
1848	2897	3335	15.055	18.176	2584	2894	16
1849	2984	3548	14.672	18.000	2110	2431	13
1850	3312	3616	14.784	18.495	2473	2735	15
1851	3375	3710	15.251	18.588	2695	2729	16
1852	3698	4148	15.077	19.306	2840	2944	16
1853	3938	4253	15.616	19.587	3096	3340	18
1854	4284	4735	16.312	20.166	3336	3716	19
1855	4282	4633	16.905	20.484	3754	3940	20
1856	4343	4743	16.815	21.103	3525	3560	18
1857	3910	4515	16.628	21.720	3406	3625	18
1858	4784	5074	17.455	22.299	4189	4432	21
1859	5469	5866	18.447	22.887	4254	4473	21
1860	4862	5117	18.210	21.795	4182	4380	21
1861	4735	4929	18.289	21.478	3689	3847	18
1862	4029	4367	18.136	21.530	3497	3497	17

Условія воспитанія питомцевъ въ деревняхъ подлежатъ, безъ всякаго сомнѣнiя, многимъ улучшенiямъ. Но всякія въ этомъ отношенiи мѣры, по самому существу дѣла, могутъ быть

принимаемы лишь съ крайней осмотрительностью и не иначе, какъ по указанiямъ опыта. Не должно забывать, что младенцы передаются на руки постороннимъ женщинамъ, въ чужія семейства, въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда для нихъ особенно необходима вся материнская заботливость.

Московскій Воспитательный Домъ не отпускаетъ по деревнямъ младенцевъ ранѣе мѣсячнаго, а иногда шестинедѣльнаго и болѣе возраста — и черезъ это младенцы остаются по крайнѣй мѣрѣ первое время своей жизни на грудномъ вскармленiи. По отправленiи ихъ въ деревни, строгое за этимъ наблюденiе невозможно: окружные надзиратели, по обширности округовъ и скудости средствъ на разъѣзды, могутъ осмотрѣть ввѣренныхъ ихъ надзору питомцевъ едва ли болѣе двухъ разъ въ годъ. Прекращенiе отпуска дѣтей въ уѣзды отдаленные, сокративъ размѣры округовъ, доставитъ возможность осматривать питомцевъ въ деревняхъ чаще. О предоставленiи на это средствъ окружнымъ надзирателямъ начальство Дома предполагаетъ ходатайствовать.

Перевозка дѣтей изъ Дома въ деревни, съ женщинами, отъ которыхъ видовъ не требуется, производится подрядчикомъ два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда не позволяетъ погода. Подрядчикъ доставляетъ въ эти дни потребное число одноконныхъ крытыхъ повозокъ, съ наемными возчиками, которые и сопровождаютъ кормилицъ до ихъ селенiй. На каждую отправляемую кормилицу съ младенцемъ возчику выдается квитанція, которую онъ, по возвращенiи въ Москву, долженъ представить черезъ подрядчика начальству Дома, съ подписью мѣстнаго приходскаго священника, или сельскаго начальства, удостовѣряющею, что кормилица дѣйствительно изъ того селенiя, какъ показала при вступленiи въ Домъ, и прибыла домой съ ввезеннымъ ею младенцемъ благополучно. Деньги за развозъ кормилицъ подрядчикъ получаетъ лишь по предъявленiи этихъ квитанцій. За всякое со стороны возчиковъ притѣсенiе кормилицамъ, во время пути, взыскивается съ подрядчика штрафъ.

Опытъ доказываетъ, что такой способъ развоза кормилицъ по деревнямъ имѣетъ свои недостатки. Нерѣдко случается, что кормилицы являются въ Домъ подъ чужими и вымышленными именами, и, по вывозѣ изъ Дома младенцевъ, передаютъ ихъ за нѣкоторую плату другимъ женщинамъ. Последнее дѣлается при участіи возчиковъ. Но отстранить подобные сдѣлки не легко. Отъ казны содержаніе особыхъ повозокъ и лошадей, для развоза кормилицъ съ дѣтьми по деревнямъ, и назначеніе для сопровожденія ихъ особыхъ приставовъ со стороны Воспитательнаго Дома потребовало бы значительныхъ издержекъ и едва ли обезпечило бы Воспитательный Домъ въ томъ, что младенцы поступаютъ для вскормленія именно къ тѣмъ кормилицамъ, которыя ихъ вывезли. Окружные надзиратели не могутъ удостовѣряться въ этомъ

безотлагательно по привозѣ дѣтей въ деревни, безъ ушерба въ надзорѣ за воспитаніемъ въ другихъ частяхъ округовъ, объѣзжаемыхъ надзирателями по впередъ составленнымъ маршрутамъ. Всего желательнѣе было бы, въ этомъ случаѣ, имѣть содѣйствіе со стороны сельскихъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ кормилицы. Начальство Воспитательнаго Дома имѣетъ въ виду нѣкоторыя по сему предмету предположенія.

Вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду, что питомцы, по своему воспитанію и образу жизни, принадлежатъ къ сельскому сословію. Всякая поэтому мѣра, будетъ-ли то въ видахъ оказанія врачебнаго пособія питомцамъ, или вообще какого бы то ни было измѣненія въ условіяхъ воспитанія, находится въ прямой зависимости отъ быта и устройства сельскаго сословія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Инструкція Разъѣздному Надзирателю за воспитаніемъ дѣтей по деревнямъ, данная въ 1789 году.

1.

Сей чиновникъ, коего исполненіе отдалено отъ надзиранія Опекунскаго Совѣта, посему есть весьма важенъ, ибо Совѣтъ ему ввѣряетъ свое собственное попеченіе о сохраненіи жизни человѣческой и здоровья, такъ что отъ него единственно зависитъ и спасеніе и гибель младенцевъ, коихъ начинающіяся дни всегда ближе къ смерти нежели жизни, и часто отъ небреженія сущей бездѣлицы теряются и такъ

2.

Изъ сего явствуетъ какія добродѣтельныя честныя и совѣстныя качества ему потребно имѣть, и какою великою чувствительностію сердце его должно наполнено быть къ дѣтямъ, кромѣ его прямо отеческаго попеченія никакихъ способовъ къ жизни неимѣющихъ всѣ сіи свойства хотя ему необходимо нужны, однако онъ еще когда не совѣмъ никакого, по крайней мѣрѣ весьма малое дѣйствіе произведутъ ежели онъ небудетъ имѣть точнаго разума своего дѣла и для того нѣтъ нужды въ томъ чтобы онъ лекарь былъ, ибо доказано, что искусство медицины а особливо дѣтямъ не столько пользуетъ, сколько вредитъ младенцевъ выходящихъ изъ рукъ натуры печеловѣческимъ мудрованіемъ по правиламъ самой натуры въ здоровье и жизни укрѣплять надлежитъ и потому

3.

Разъѣздный Надзиратель располагая свое челолюбивое стараніе съ изысканіемъ всевозможныхъ къ лучшему способовъ имѣетъ безпрестанно разъѣзжать по деревнямъ, наставляя

крестьянъ какимъ образомъ имъ поступать и строго наблюдать всели исполнено по его поставленіямъ въ случаѣ же неисправности содержателей дѣтей отбирая отъ нихъ отдавать другимъ и отмѣчая въ спискѣ Совѣту доносить учреждая на мѣстѣ все что къ лучшему усмотрѣно будетъ равно какъ по возвращеніи представлять вѣрныя увѣдомленія о состояніи каждаго ребенка.

4.

Какъ главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы со стороны крестьянъ въ разсужденіи ввѣряемыхъ имъ дѣтей не было никакихъ обмѣпъ, подлоговъ и обмановъ, то паче всего свидѣтельствовать всегда клеймы на нихъ при рожденіи надѣваемые которымъ при семъ образцы надежныя прилагаются. И если примѣтитъ хотя какое малѣйшее поущеніе о томъ доносить Совѣту стараяся всѣми силами истреблять могущіе случиться ползновенія отъ крестьянскаго коварства.

5.

Впрочемъ какъ сія должность требуетъ челолюбиваго прямо для оной рожденнаго, который будучи одаренъ здравымъ разсудкомъ и со внутреннимъ по чистой совѣсти сердечнымъ расположеніемъ зная, что малѣйшее его поущеніе наводя гибель есть то же что смертоубійство поступалъ бы въ силу своей строгой присяги, то для сего исполненіе сей его толь священной обязанности къ спасенію челолюбиваго и поручается сколько дѣйствію предписанныхъ физическихъ правилъ, а болѣе неусыпному его проницанію въ истинный разумъ дѣла.

*Инструкція Разъѣздиному Надзирателю за воспитаніемъ дѣтей
по деревнямъ, данная въ 1797 году.*

1.

Опекунскій Совѣтъ ввѣряетъ вамъ самоважнѣйшую часть по дому сему: надзираніе за воспитаніемъ дѣтей малолѣтнихъ по деревнямъ; ибо оное совершенно удалено отъ обозрѣнія и личнаго попеченія онаго, и которой долженъ основывать и утверждать себя въ разсужденіи ихъ содержанія и воспитанія на вашихъ рапортахъ; то и должно вамъ имѣть челоуѣколюбивое и сострадательное сердце при осмотрѣ сихъ несчастныхъ и безгласныхъ младенцевъ, какъ въ разсужденіи должнаго ихъ прокормленія, на какомъ они основаніи берутся, такъ и въ разсужденіи чистоты въ содержаніе ихъ, дабы со всѣхъ сторонъ сбережены они были отъ слѣдствій къ болѣзнямъ, а паче еще къ смерти; и для того:

2.

При каждомъ отправленіи своемъ въ объѣздъ имѣете брать изъ крестовой довольноное количество тесьмы, на которой номера и кресты накладываются на младенцевъ, дабы въ объѣздъ вашъ небыло вамъ въ нихъ недостатка; по приѣздѣ въ каждое селеніе вы должны осмотрѣть во избѣжаніе подлога и каковыхъ либо злоупотребленій, тотъ ли на каждомъ воспитанникѣ номеръ и тесьма, и крѣпка ли она, и какъ скоро найдете оную изопрѣвшею—тотчасъ имѣете переменить новою тесьмою, со всѣми тѣми жъ осторожностями, чтобъ никакого подлога и впредь быть не могло; если же что найдете въ семъ случаѣ сомнительное, стараться дойти до истины, поколику возможно будетъ, и обо всемъ подробно доносить и сбѣяснять въ рапортахъ Совѣту.

3.

Раздѣвать каждое дитя до-нога и осматривать, нѣтъ ли на тѣлѣ какихъ открытыхъ болѣзней, или нечистоты въ содержаніи оныхъ, и если то или другое найдено будетъ, по первому стараться узнать причины, отъ чего, и означить оныя въ вѣдомостяхъ противу каждаго, если же все что отъ небреженія и непризору кормилицы, отъ чего и нечистота, то велѣть ребенка при себѣ вымыть и избавить отъ нечистоты, а между тѣмъ и подтвердить кормилицамъ, чтобъ онѣ какъ возможно то чаще дѣлали; въ противномъ же случаѣ, ежели еще въ такомъ положеніи воспитанникъ, или воспитанница, найдены будутъ, то лишены будутъ совсѣмъ дѣтей и слѣдующаго имъ жалованья за питомство ихъ, и таковыхъ нерадивыхъ смотрительницъ означать въ вѣдомостяхъ, для вѣдома, чтобы впредь уже имъ не отдавать болѣе на воспитаніе дѣтей.

4.

Замѣчать, не имѣетъ ли кормилица на воспитаніи у себя болѣе одного воспитанника Воспитательнаго Дома, и чѣмъ она питаетъ: грудью, или рожкомъ; сіе равно означать въ вѣдомостяхъ противу каждаго питомца.

5.

Больныхъ означать въ вѣдомости, кто именно какою болѣзнію болѣнъ; и если возможно будетъ—и съ физическими замѣчаніями, отъ чего въ какомъ селеніи больны, для сужденія и предположенія средствъ господами Докторами и Штабъ-Лекарями къ спасенію сихъ несчастныхъ; ибо изъ вѣдомостей замѣчено уже, что въ иномъ селеніи болѣе умершихъ и больныхъ,

чѣмъ здоровыхъ; а потому и объ умершихъ въ большемъ количествѣ противу здоровыхъ имъ въ равномъ дѣлать подобное замѣчаніе, и объяснять въ рапортахъ, дабы Совѣтъ тотчасъ могъ брать мѣры къ спасенію оставшихся; сверхъ сего, объ умершихъ и не полагаться на одни показанія крестьянъ, или крестьянокъ, но справляться съ метрическими книгами священниковъ, гдѣ тѣ крестьяне прихожане, и гдѣ воспитанникъ, или воспитанница показаны будутъ похоронены, и потомъ отбирать кресты и номера, для отмѣтки въ крестовой по книгамъ, и наконецъ:

6.

Объѣзды свои дѣлать какъ наивозможно скорѣе и чаще, дабы усердіемъ таковымъ соблю-

сти довѣріе на васъ возложенное, и заслужить важное вниманіе Начальства, паче же отвращать и самадѣйшія небреженія о дѣтяхъ, спасать ихъ отъ нечистоты и приводить къ должному призору кормилицъ, яко слѣдствіи ведущихъ къ болѣзнямъ, а можетъ быть и самой смерти; исполняя все вышеписанное въ точности, вы не столько соблюдете присягу свою, но и Совѣтъ будетъ стараться по заслугамъ вашимъ воздать вамъ; въ противномъ же случаѣ, за всякую отъ небреженія вашего погибшую душу вы будете отвѣтствовать Богу и подвергнетесь отрѣшенію отъ должности и всей строгости Гражданскаго Суда. 14 Апрѣля 1797 года.

ПЕРЕДАЧА ПИТОМЦЕВЪ НА ПОПЕЧЕНІЕ РОДСТВЕННИКОВЪ.

Въ Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома не упоминается о порядкѣ возвращенія питомцевъ къ родственникамъ.

Сколько можно судить по дѣламъ, въ первые тридцать три года существованія Воспитательнаго Дома такихъ случаевъ дѣйствительно было немного.

Извѣстно, что Воспитательный Домъ отдавалъ нѣкоторыхъ изъ приносимыхъ дѣтей на вскормленіе ихъ матерямъ, съ опредѣленною за это платой. Такъ еще въ 1764-мъ году отданъ былъ на воспитаніе матери младенецъ Алексѣй, записанный по книгамъ подъ №306-мъ, съ платою по 80 копѣекъ въ мѣсяць. Но воспитаніе это было лишь временное, до извѣстнаго возраста, по наступленіи котораго мать обязана была представить ребенка обратно въ Домъ.

Съ званіемъ воспитанника сопряжено было право личной свободы. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ, принятый въ Домъ былъ крѣпостнаго состоянія, его не только не отдавали матери, но даже вносили за него выкупъ помѣщику. Такъ въ 1766-мъ году заплачено 25 руб. выкупа подпоручику Михайлѣ Волкову за питомца Оому, рожденнаго бѣжавшею отъ Волкова крѣпостною женщиной (*).

Бывали однако случаи, что помѣщики не соглашались отказаться отъ своихъ правъ. Тогда ребенокъ возвращался—и отъ помѣщика требовалось вознагражденіе. Такъ въ 1765-мъ году

взялъ изъ Дома питомца, рожденнаго въ крѣпостномъ состояніи, прапорщикъ Чебатаевъ, внеся за него 2 руб.

Въ 1796-мъ году поступило прошеніе отъ итальянца Бастіо, о возвращеніи ему сына, который отданъ былъ въ Воспитательный Домъ. Бастіо вносилъ за сына 500 рублей. Опекунскій Совѣтъ представилъ объ этомъ обстоятельствѣ Главному Попечителю Бецкому, который отвѣчалъ: „Какъ сіе дѣло съ уставомъ Воспитательнаго Дома никакого примѣра не имѣетъ и дабы впредь образцомъ служить не могло, то словесно Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше мною допесено было, на что Высочайше повелѣно учинить, какъ лучше польза быть можетъ. Вслѣдствіе чего, согласуясь принять деньги, сына ему, Бастіо, отдать; но съ такою обязательною подпискою, чтобъ оный Бастіо воспитывалъ его, какъ онъ уже въ вѣру греческаго исповѣданія крещенъ, пристойнымъ сей вѣрѣ образомъ, и въ пастоящія лѣта обучалъ порядочно, въ чемъ отъ Дома свидѣтельство чинить должно; въ противномъ же случаѣ оный, Бастіо, принужденъ будетъ того своего сына лишиться. Сверхъ же сего, ежели тотъ сынъ когда заболитъ, то ему Бастіо, немедленно объявлять Совѣту, почему и пользованъ быть можетъ, да и прочее сему предписанію подобное, что къ лучшему обязательству Совѣтъ пайти изволитъ включить (*).“

Общій вопросъ о возвращеніи родственникамъ

(*) Журн. Оп. Совѣта, 19 октября 1766 года.

(*) Письмо Бецкого, отъ 17 февраля 1769 года.

законнорожденныхъ дѣтей возбужденъ только въ 1798-мъ году почетнымъ членомъ Московскаго Опекунскаго Совѣта Протасовымъ.

На поданное Главному Попечителю по этому дѣлу 27-го января объясненіе, Протасовъ получилъ такой отвѣтъ: „Приводимыхъ сиротъ для помѣщенія ихъ на содержаніе въ Домъ не иначе принимать должно, какъ по точному удостовѣренію, что онѣ подлинно совершенныя сироты, неимѣющія никакого пропитанія, ни родителей, ни родственниковъ, и таковымъ по законамъ Дома въ принятіи ихъ отказывать не можно. Ея Императорскому Величеству таковыя приемы не иначе угодны, развѣ по совершенному изслѣдованію крайняго сиротства. Относительно же отдачи таковыхъ, которыя не суть незаконнорожденные, и отданы только за бѣдностію ихъ родителями, отдать ихъ можно, однако съ крайней осторожностію, ибо тутъ можетъ быть злоупотребленіе, чтобы таковая отдача была съ надлежащими поруками (*).“

Годъ спустя Протасовъ объявилъ Опекунскому Совѣту о полученномъ имъ, чрезъ возвратившагося изъ Петербурга главнаго надзирателя Тутолмина повелѣніи Императрицы отдавать питомцевъ ближайшимъ ихъ родственникамъ: отцамъ, матерямъ, дѣдамъ и бабкамъ (**).

Въ томъ же году возвращаемымъ на попеченіе родныхъ питомцамъ установлено выдавать, вмѣсто вѣчноувольнительныхъ, особыя свидѣтельства, въ которыхъ прописывалось, что возвращаемые питомцы не пользуются отъ Дома никакими преимуществами (***) .

Такимъ образомъ, для возвращенія питомца на попеченіе родственниковъ, постановлена была первымъ условіемъ близость родства.

На этомъ основаніи, 19-го сентября 1799-го года, Императрица Марія Ѳеодоровна не разрѣшила отдать одного питомца на попеченіе его

(*) Журн. Оп. Сов., 13-го февраля 1798 го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 1-го марта 1799-го года.

(***) Высочайшее повелѣніе почет. оп. Маслову, 18 августа 1799 года, и Высочайше утвержд. докладъ С. Петерб. Оп. Совѣта, записанный въ журн. Москов. Оп. Сов., 22-го августа 1799-го года.

двоюродной тетки, „которая, какъ недовольно близкая родственница, не можетъ по правиламъ требовать его обратно (*).“

Въ 1801-мъ году поступило прошеніе отъ мѣщанина Александра Михайлова и жены его, объ отдачѣ на ихъ попеченіе родной племянницы, которая воспитывалась въ деревни и записана была по книгамъ подъ № 1458—1801-го года. На докладъ объ этомъ, 15-го ноября 1801-го года, Императрица написала: „Какъ дядя и тетка извѣстны, то ея отецъ, или мать также должны быть извѣстны; стараться узнать отъ нихъ, согласны ли они на отдачу дѣвушки просителямъ—тогда и Я позволяю (**).“

Съ того времени принято за правило, при возвращеніи родственникамъ питомца, требовать на то согласія его матери, если она извѣстна.

Въ 1812-мъ году, 10-го іюня, при отдачѣ воспитанника Павла, №512—1812 года, на попеченіе надворнаго совѣтника Мусликина, Императрица приказала: предварительно доклада объ отдачѣ питомцевъ родственникамъ, а не родителямъ, брать съ просителей подписки въ томъ, что они возвратятъ взятаго питомца, въ случаѣ явки его родителей (***) .

Основное правило возвращенія питомцевъ лишь самымъ близкимъ роднымъ, каковы: отецъ, мать, дѣдъ и бабка — не было исполняемо безусловно.

Такъ Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе на отдачу шестнадцатилѣтней воспитанницы, турчанки Надежды Васильевой, № 1230—1795 г., на попеченіе и содержаніе генералъ-маіорши Моложаниновой. 24-го марта 1803 го года почетный опекунъ Петрово - Соловово представилъ Совѣту письмо надворнаго совѣтника Вилламова, въ которомъ было изъяснено, что Государыня желаетъ, чтобы Моложанинова объявила Совѣту, на какихъ именно основаніяхъ желаетъ она взять къ себѣ означенную воспитанницу, и чтобы сама воспитанница подписала на томъ объявленіи о согласіи своемъ поступить къ Моложаниновой (****) .

(*) Журн. Оп. Сов., 10-го октября 1799-го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 5-го декабря 1801-го года.

(***) Журн. Оп. Сов., 17-го іюня 1812 года.

(****) Журн. Оп. Сов., 13-го апрѣля 1803 года.

Въ поданномъ объявленіи Моложанинова изъяснила, что она беретъ воспитанницу Надежду Васильеву на свое попеченіе и содержаніе, опредѣляетъ ей въ награжденіе 2000 рублей, будетъ стараться объ устройствѣ ея судьбы выдачею за мужъ, а до того времени займется обученіемъ ея иностраннымъ языкамъ. Воспитанница Надежда Васильева подписала свое согласіе на этомъ объявленіи. 25 апрѣля 1803 года Государыня разрѣшила отдать питомку Моложаниновой (*).

13 сентября 1806-го года, Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе на отдачу семнадцатилѣтней воспитанницы, № 688—1796 года, двоюродному ея дѣду, синодальному пѣвчому Ивану Петрову, который хотѣлъ выдать ее, съ согласія ея, за мужъ за регистратора Московской Консисторіи Савву Смирнова и давалъ ей на приданое 3500 рублей. Поданная имъ просьба подписана была и Смирновымъ, который изъявлялъ желаніе жениться на воспитанницѣ. 20-го сентября 1806 года, на докладъ Совѣта Государыня написала: „апробовано, если воспитанница сама на сіе согласна, а не слѣдуетъ ее выпустить изъ Дома прежде полученія брачнаго благословенія.“— Воспитанницу обвинчали со Смирновымъ въ домовоі церкви Воспитательнаго Дома и за тѣмъ отпустили къ дѣду (**).

19-го іюня 1813 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на докладъ Опекунскаго Совѣта объ отдачѣ воспитанника, № 2576—1812 года, на попеченіе его крестнаго отца.

21-го іюня 1815-го года Высочайше разрѣшено отдать воспитанницу Екатерину, № 2775—1811 года, на попеченіе дядѣ, иностранцу Лудовику Шавану, съ подпискою воспитывать ее въ Православіи и возвратитъ родителямъ, если отыщутся (***) .

Коллежская совѣтница Мельгунова просила отдать на ея попеченіе крестнаго сына ея, воспитанника № 2207—1803 года; а жена канцеляриста Голубинская — роднаго племянника

№ 1778—1810 года. Императрица поручила почетному опекуну Баранову узнать отъ Мельгуновой: „какую она предполагаетъ ему (крестьянику) участь и какое дастъ въ томъ удостовѣреніе.“ Мельгунова объявила, что располагаетъ обучать его разнымъ языкамъ, а потомъ зачислить въ службу, вноситъ въ пользу его 500 рублей, а что со временемъ дастъ ему и больше. Барановъ написалъ объ этомъ Вилламову—и 8-го мая 1818-го года Императрица докладъ Совѣта по этому дѣлу утвердила (*).

Въ іюнь 1821-го года, по повелѣнію Императрицы, статскій совѣтникъ Новосильцевъ прислалъ на разсмотрѣніе Совѣта прошеніе коллежской совѣтницы Адамсъ, объ отдачѣ на ея попеченіе шестилѣтней воспитанницы Екатерины, № 2086—1815 года. Г-жа Адамсъ взяла ее у кормилицы Агафьи Петровой, крестьянки, принадлежавшаго г-жѣ Адамсъ въ Верейскомъ уѣздѣ сельца Землина, еще въ декабрь 1816-го года, когда воспитанницѣ было 13 мѣсяцевъ и съ тѣхъ поръ ее воспитывала, какъ родную дочь. У г-жи Адамсъ дѣтей своихъ не было и она общалась въ просьбѣ своей дать питомкѣ Екатеринѣ благородное воспитаніе и сдѣлать ее наследницей всего своего имѣнія. Опекунскій Совѣтъ, принявъ во вниманіе, что дѣвочка жила у г-жи Адамсъ уже слишкомъ шесть лѣтъ, и между ними образовалась взаимная привязанность, что возвращеніе ея въ крестьянское семейство можетъ сопровождаться вредными послѣдствіями для нея, представилъ этотъ случай Императрицѣ, полагая оставить дѣвочку у г-жи Адамсъ, а плату за нее до 15-лѣтняго возраста вносить въ ея пользу, для приращенія процентами, въ Сохранную Казну. 23-го августа 1821-го года Императрица написала на докладъ Совѣта: „справедливо и апробовано, но дать примѣтить, что Экспедиція должна бы имѣть свѣденія о перемѣщеніи воспитанницы отъ кормилицы къ г-жѣ Адамсъ и довести до свѣденія Совѣта, ибо кормилица по сіе время получала плату, хотя не имѣла уже давно ребенка у себя (**).“

(*) Журн. Оп. Сов., 4-го мая 1804-го года.

(**) Журн. Опекун. Сов., 27 сентября 1806-го года.

(***) Журн. Оп. Сов., 1-го іюня 1815-го года.

(*) Журн. Оп. Сов., 13-го мая 1818-го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 1-го сентября 1821 года.

Въ 1826-мъ году обратилась съ просьбою статская совѣтница Елагина о возвращеніи на ея попеченіе воспитанницы Матрены Ѳедоровой, №1207—1823 года, которая была къ ней подкинута и отдана ею въ Воспитательный Домъ, гдѣ принята пенсіонеркою въ приготовительный классъ; но черезъ два года изъ классическихъ выключена въ ремесленные. Елагина просила при этомъ, внесенные ею въ Домъ, при отдачѣ Матрены Ѳедоровой, 100 рублей обратить въ пользу этой дѣвочки.

На докладъ Опекунскаго Совѣта 10-го мая 1826-го года, Императрица написала: „прежде отдачи ей воспитанницы Ѳедоровой слѣдуетъ узнать отъ нея, какимъ образомъ обезпечить судьбу ея, а внесенные 100 рублей по закону принадлежать Дому (*).“

Елагина изъявила согласіе внести въ Сохранную Казну, для обезпеченія участи воспитанницы Матрены Ѳедоровой, 500 рублей, съ тѣмъ, чтобы сумма эта до совершеннолѣтія дѣвочки обращалась изъ процентовъ, а въ случаѣ смерти ея, возвращена была Елагиной.

9-го іюня 1826-го года докладъ Совѣта утвержденъ (**).

11-го апрѣля 1827-го года, Высочайше утвержденъ докладъ Опекунскаго Совѣта о представленіи статскому совѣтнику Лужину воспитывать до 17-ти лѣтъ, находившагося, съ 31 января 1824-го года, въ имѣніи его, Дмитровскаго уѣзда, въ деревнѣ Григорьевой, у крестьянки Авдотьи Кузьминой, воспитанника Сергѣя Ѳедорова, №124—1824 года. Въ пользу Ѳедорова Лужинъ внесъ въ Сохранную Казну 2500 рублей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ смерти воспитанника, капиталъ этотъ возвращенъ былъ вкладчику, а проценты оставлены въ пользу Воспитательнаго Дома,—и обѣщаль отдѣлить ему часть своего имущества. Слѣдующую кормилицѣ плату определено вносить въ Сохранную Казну, въ пользу воспитанника, котораго, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, когда плата за воспитаніе его прекратится, оставить совсѣмъ на попеченіи

Лужина, который обязался, въ случаѣ отысканія у Сергѣя Ѳедорова родныхъ, желавшихъ бы взять его къ себѣ, поступить, какъ рѣшитъ Совѣтъ (*).

Въ 1828-мъ году поручикъ Болтинъ также обращался съ просьбою объ отдачѣ на его попеченіе воспитанника Александра Николаева, №4911—1827 года, изъявляя въ просьбѣ своей, что онъ желаетъ доставить этому воспитаннику образованіе, и сдѣлать его полезнымъ членомъ государства, въ память признательности къ родителямъ этого питомца. Въ пользу его Болтинъ изъявлялъ готовность внести 500 руб., а впоследствии отдѣлить ему часть своего имущества.

Опекунскій Совѣтъ нашель, что такую сумму участь воспитанника Николаева не довольно обезпечивается, и въ просьбѣ Болтину отказалъ. 26-го февраля 1828-го года опредѣленіе Совѣта утверждено (**).

Въ слѣдующемъ году Болтинъ вновь просилъ Совѣтъ отдать ему воспитанника Александра Николаева, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, на какихъ отданъ былъ воспитанникъ Сергѣй Ѳедоровъ статскому совѣтнику Лужину. Въ обезпеченіе участи питомца, онъ вносилъ 2500 рублей. На это Опекунскій Совѣтъ согласился (***)

31-го октября 1833-го года, Императрица Александра Ѳеодоровна утвердила докладъ Опекунскаго Совѣта объ отдачѣ, оставшихся послѣ одного служившаго въ Сохранной Казнѣ бухгалтера, круглыхъ сиротъ Михаила и Настасьи, помѣщенныхъ по Высочайшему повелѣнію въ классы Воспитательнаго Дома,—на попеченіе жены поручика, Кондратьевой, которая желая исполнить волю покойнаго своего мужа, бывшаго въ родствѣ съ матерью сиротъ, внесла въ Сохранную Казну на имя дѣвочки 10000 руб., а мальчика—5000 рублей. При этомъ разрѣшено сиротамъ по прежнему обучаться въ классахъ Дома.

(*) Журн. Оп. Сов., 10 мая 1826 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 14-го іюня 1826 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 18-го апрѣля 1827-го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 5-го марта 1828 года.

(***) Журн. Оп. Сов., 21-го января 1829 года.

Изъ приведенныхъ случаевъ слѣдуетъ, что при отдачѣ питомцевъ на попеченіе родственниковъ обращено было вниманіе не столько на близость родства, сколько на обезпеченіе участи отдаваемыхъ питомцевъ.

Установленное въ 1799-мъ году правило, объ отдачѣ питомцевъ на попеченіе однихъ ближайшихъ родственниковъ, отмѣнено однако не было. Въ 1803-мъ году Вилламовъ сообщилъ почетному опекуну графу Толстому Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „въ вѣдомостяхъ въ статьѣ о выбылыхъ—вмѣсто отданныхъ по Высочайшему повелѣнію просителямъ, писать родственникамъ, поелику, выключая случай усыновленія, никому именно кромѣ родственниковъ дѣти не возвращаются(*).“

14-го сентября 1800-го года Высочайше повелѣно объ отдачѣ питомцевъ родственникамъ представлять не прежде, какъ по собраніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ(**). Въ слѣдующемъ году, одинъ частный случай послужилъ поводомъ къ подтвержденію этого правила. Воспитанница С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома, обучавшая повивальному искусству, отдана была на попеченіе отставнаго офицера, который, при неоднократныхъ посѣщеніяхъ ее, называлъ себя ея отцемъ. Но впослѣдствіи отъ взятой имъ на попеченіе воспитанницы этотъ офицеръ отрекся и свою дочь не призналъ.

По поводу этого случая, 17-го декабря 1801-го года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императрицы: „не прежде представлять о возвращеніи воспитанниковъ и воспитанницъ ихъ отцамъ, матерямъ и родственникамъ, какъ по формальнымъ о томъ прошеніямъ ихъ и по предъявленіи вѣрнѣйшихъ и точнѣйшихъ о родствѣ ихъ доказательствъ, съ изустнымъ о семъ объявленіемъ въ присутствіи Совѣта, а равномѣрно и по письменномъ согласіи самихъ взрослыхъ воспитанниковъ (***).“

Въ апрѣлѣ 1810-го года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вилламовъ сообщилъ Москов-

скому Опекунскому Совѣту повелѣніе Императрицы о требованіи, при возвращеніи питомцевъ на попеченіе родителей и родственниковъ, комиссарскихъ билетовъ, или контрмарокъ, которыя выдаются, при приѣмѣ въ Домъ младенцевъ, приносящимъ ихъ лицамъ, по примѣру С.Петербургскаго Воспитательнаго Дома (*).

17-го декабря 1801-года, Высочайше повелѣно о возвращеніи взрослыхъ воспитанниковъ родителямъ и родственникамъ представлять не прежде, какъ по отобраніи отъ питомцевъ на то письменнаго согласія.

Основываясь на Высочайшемъ повелѣніи, Опекунскій Совѣтъ взялъ подобную подписку отъ находившейся, въ числѣ пенсионерокъ Ея Императорскаго Величества, въ Воспитательномъ Домѣ дочери прапорщика Ольги Андреевой Боголюбовой, при отдачѣ ея на попеченіе двоюродному дядѣ, титулярному совѣтнику Толченову. На донесеніи по этому предмету почетнаго опекуна Лункина, 16-го апрѣля 1810-го года, Императрица написала: „По сему донесенію Я апробовала докладъ, но впредь подписку 15-лѣтней дѣвушки требовать не надобно, ибо она не имѣетъ законныхъ лѣтъ, которыя полагаются въ 18 лѣтъ(**).“

Въ ноябрѣ 1821-го года, Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія на отдачу воспитанниковъ: Семена № 2058—1812 отцу его, капитану, Аполлона № 120—1804 г.—родному дядѣ, поручику, и Варвары № 2213—1806 года,—родной теткѣ, московской мѣщанкѣ. 13-го ноября, на докладъ Совѣта Государыня наложила резолюцію: „О первомъ и послѣдней апробовано, а какъ другой воспитанникъ имѣетъ уже 17 лѣтъ, то нужно напередъ удостовѣриться, согласенъ ли онъ самъ поступить къ называющемуся дядею его, и о томъ Мнѣ доложить (***).“

20-го ноября тогоже года, на докладъ Совѣта, объ отдачѣ двухъ питомцевъ и двухъ питомокъ къ родственникамъ, послѣдовала такая резолюція: „апробовано, но съ тѣмъ, что если

(*) Журн. Оп. Сов., 3 января 1801-го года.

(**) Журн. Оп. Сов., 3 го января 1803 года.

(***) Журн. Оп. Сов., 2-го января 1802 года.

(*) Журн. Оп. Совѣта, 23-го апрѣля 1810-го года.

(**) Журн. Оп. Совѣта, 23 го апрѣля 1810-го года

(***) Журн. Оп. Сов. 24-го ноября 1821 года.

последняя, имѣющая уже 16 лѣтъ отъ роду, сама согласится быть у тетки (*).“

Такимъ образомъ, возрастъ, въ которомъ нужно имѣть согласіе взрослога питомца на отдачу его родственникамъ, въ точности не опредѣленъ.

При возвращеніи питомцевъ на попеченіе родныхъ неоднократно было предписываемо удостовѣряться въ томъ, что отдаваемые питомцы будутъ воспитываемы въ правилахъ Православія и доброй нравственности.

Такъ въ 1808-мъ году, на докладъ Совѣта, по просьбѣ одного иностранца, о возвращеніи ему сына, который находился въ числѣ питомцевъ Воспитательнаго Дома и значился подъ № 2350—1807-го года, —24-го января Императрица написала: „Позволяю, если отецъ обяжется письменно сына своего воспитывать въ нашемъ законѣ (**).“

Въ 1822-мъ году, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшеніе на отдачу 16-лѣтней воспитанницы, № 3039—1816-го года, двоюродному дядѣ, титулярному совѣтнику, а другой 14-лѣтней воспитанницы, № 632—1807-го года, — родному брату ея, губернскому секретарю. На докладъ Совѣта, 30 января 1822 года, послѣдовала такая резолюція: „Позволяю, если оба просителя женаты; въ противномъ случаѣ сіе невозможно (***)“.“

Подобная же резолюція состоялась 12-го января 1823-го года, на докладъ Совѣта, объ отдачѣ одиннадцатилѣтней воспитанницы Натальи, № 1006—1813 года, родному дядѣ ея, титулярному совѣтнику: „Если онъ женатъ, то позволяю, и о томъ Миѣ донести (****).“

Въ 1822-мъ году поступило прошеніе отъ вдовы, солдатки Дарьи Ивановой, объ отдачѣ на ея попеченіе двоюродной племянницы ея, пятнадцатилѣтней воспитанницы, № 1845—1809-го года, находившейся на воспитаніи въ деревнѣ. Опекунскій Совѣтъ вошелъ объ этомъ со все-

подданнѣйшимъ докладомъ. При выслушаніи этого доклада, Императрица замѣтила, что „по известной весьма сомнительной нравственности солдатокъ, опасно отдавать къ таковой взрослою 15-лѣтнюю воспитанницу, особливо когда не весьма близкая родня, и для большаго удостовѣренія, хотя и сказано въ докладѣ Совѣта, что означенная солдатка Иванова содержать и воспитывать оную воспитанницу въ состояніи и представила свидѣтельство за подписаніемъ четырехъ оберъ-офицеровъ, нужно однако знать напередъ, отъ какого промысла оная солдатка имѣетъ свое пропитаніе и сколько примѣрно въ годъ, или въ мѣсяцъ вырабатываетъ, или получаетъ дохода, какъ то въ С.Петербургѣ въ подобныхъ случаяхъ показывается, а при томъ также какого помянутая солдатка поведенія.“

Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ увѣдомилъ почетнаго опекуна Саблина, что солдатка Иванова занимается рукодѣльемъ, выработываетъ въ мѣсяцъ по 20-ти рублей, поведенія хорошаго. Съ своей стороны Экспедиція о воспитанникахъ обоюга пола собрала свѣдѣнія, что Иванова живетъ на наемной квартирѣ, состоянія никакого не имѣетъ и приискиваетъ мѣста въ работницы; воспитанницу же, рожденную родною ея сестрою, проситъ къ себѣ, имѣя намѣреніе отдать ее въ ученіе мастерству. Совѣтъ заключилъ изъ этого, что если воспитанница отдана будетъ теткѣ, то участь ея не улучшится. Императрица согласилась съ мнѣніемъ Совѣта, и 5-го августа 1822 года на докладъ его написала: „справедливо, а для улучшенія состоянія сей воспитанницы взять ее въ Домъ, въ число нянекъ, и, смотря по способностямъ, обучить рукодѣлью (*).“

Подобный случай встрѣтился и въ 1827 году. Утвердивъ докладъ Опекунскаго Совѣта объ отдачѣ воспитанницы, № 1298—1815 года, на попеченіе тетки ея, солдатки, Императрица приказала тайному совѣтнику Вилламову сообщить почетному опекуну Саблину, для ближайшаго рассмотрѣнія, такое примѣчаніе: „какъ солдатки большею частію поведенія неодобрительнаго,

(*) Журн. Оп. Сов., 1-го декабря 1821 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 3-го февраля 1808-го года.

(***) Журн. Оп. Сов., 6 февраля 1822 года.

(****) Журн. Оп. Сов., 18-го января 1823 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 14 августа 1822 года.

а часто даже весьма распутного, то не подвергается ли опасности разврата нравственность воспитанницъ, имъ по просьбамъ ихъ возвращаемыхъ, особливо когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, отдаются не родной матери, и не лучше-ли избѣгать подобныхъ возвращеній воспитанницъ, или какія на сіи случаи принимать предосторожности, или установить правила.“

Саблинъ отвѣчалъ на это замѣчаніе, что въ случаяхъ, когда просимыя дѣти старше 12 лѣтъ, Опекунскій Совѣтъ не прежде подноситъ доклады свои, какъ по собраніи, чрезъ оберъ-полиціймейстера и особыхъ чиновниковъ Воспитательнаго Дома, справокъ о состояніи и поведеніи просителей. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ окажется, что проситель поведенія неодобрительнаго, или состоянія бѣднаго, то въ просьбѣ его отказывается. Совѣтъ же прекратить отдачу питомцевъ на попеченіе родителей, или родственниковъ недостаточнаго состоянія значило бы лишитъ родителей права на ихъ дѣтей. Впрочемъ чрезъ отдачу питомцевъ на попеченіе родныхъ надзоръ за ними не прекращается, такъ какъ въ выдаваемыхъ питомцамъ свидѣтельствахъ говорится, что они вступаютъ въ права своихъ родственниковъ, и слѣдовательно подлежатъ попеченію того общества, къ которому принадлежатъ ихъ родные. Если Государынѣ будетъ угодно, то справки о поведеніи и состояніи просителей можно дѣлать и въ тѣхъ случаяхъ, когда просимые питомцы моложе 12-ти лѣтъ.

Отъ 5-го іюня 1827 года, Вилламовъ увѣдомилъ Саблина, что Императрица признала совершенно справедливымъ его мнѣніе и приказала, при собираніи справокъ, не ограничиваться возрастомъ отдаваемыхъ дѣтей.

Съ этого времени Опекунскій Совѣтъ началъ дѣлать представленія объ отдачѣ питомцевъ Воспитательнаго Дома на содержаніе и иопеченіе родственниковъ лишь по предварительномъ собраніи свѣдѣній о состояніи и поведеніи просителей, и нерѣдко отказывалъ имъ въ просьбахъ.

Такъ, въ 1827-мъ году, Совѣтъ отказалъ московской мѣщанкѣ Петровой въ просьбѣ объ отдачѣ на ея содержаніе и попеченіе роднаго

ея племянника, № 3985—1824 года, и не представлялъ по этой просьбѣ доклада, такъ какъ просительница, по собраннымъ о ней свѣдѣніямъ, оказалась состоянія бѣднаго.

Были случаи, что Опекунскій Совѣтъ, получивъ свѣдѣніе о неблагонадежности помѣщенія воспитанниковъ, отданныхъ на попеченіе и содержаніе родныхъ, возвращалъ этихъ воспитанниковъ въ Домъ.

Такъ въ 1835-мъ году, узнавши, что родственники питомки, № 1702—1825 года, взявшіе ее на свое попеченіе, принадлежатъ къ расколу, Совѣтъ взялъ у нихъ эту питомку и велѣлъ воспитывать ее въ Домѣ наравнѣ съ подкидышами, находимыми на раскольничьихъ кладбищахъ (*).

Въ 1822-мъ году, Опекунскій Совѣтъ испрашивалъ разрѣшенія на передачу воспитанниковъ Дмитрія, № 2513—1821-го года, родному дядѣ, губернскому секретарю, и Виктора Николаева, № 3417—1822-года, — родной теткѣ, иностранкѣ. 24-го октября 1822 года, на докладѣ Совѣта Императрица написала: „Ларіонову позволяю возвратитъ племянника; а какъ.... иностранка, то надлежитъ напередъ удостовѣриться, состоитъ ли она въ подданствѣ и обязуется ли она содержать племянника въ Грекороссійской вѣрѣ, и потомъ Миѣ доложить (**).“

Подобный случай встрѣтился въ 1827-мъ году. Испрашивая разрѣшеніе на возвращеніе питомцевъ роднымъ ихъ, Опекунскій Совѣтъ представилъ Императрицѣ, что, по мнѣнію его, слѣдуетъ отказать въ просьбѣ московскому цѣховому Ш. о возвращеніи ему сына, пятнадцатилѣтняго воспитанника, № 3024—1824 года, потому что Ш. не русскій, а датскій подданный. 26-го октября 1827 года, Императрица дала резолюцію, „чтобы отдать сына ему, долженъ обязать себя не выѣзжать изъ Россіи (***)“.“

Сынъ возвращенъ былъ Ш. не прежде, какъ по взятіи съ него такой подписки, которая и препровождена была въ Московское Губернское

(*) Журн. Оп. Сов., 16-го сентября 1835 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 2-го ноября 1822 года.

(***) Журн. Оп. Сов., 3-го ноября 1827 года.

Правленіе , для распоряженія о запрещеніи выѣзда Ш. за границу (*).

Такимъ образомъ, для передачи питомцевъ на попеченіе родныхъ, требовались слѣдующія условія:

Во 1-хъ. Близость родства просителя съ питомцемъ, въ доказательство чего представляется контрмарка, выдаваемая изъ Крестоваго Отдѣленія еще при приѣмѣ ребенка, и удостовѣреніе трехъ благородныхъ свидѣтелей.

Во 2-хъ. Неприваженность къ расколу.

Въ 3-хъ. Если проситель вѣроисповѣданія неправославнаго, то письменное обязательство воспитывать питомца въ Православіи.

Въ 4-хъ. Удостовереніе въ доброй нравственности и достаточномъ состояніи просителя.

Въ 5-хъ. Если питомецъ на возрастѣ, то согласіе его на поступленіе къ роднымъ.

Въ 6-хъ. При отдачѣ питомокъ, обращать вниманіе на семейное положеніе просителей.

Въ 7-хъ. При передачѣ питомца родственникамъ—письменное отъ нихъ обязательство возвратить его, въ случаѣ, если явятся родители и пожелаютъ взять питомца на свое попеченіе.

Наконецъ — въ 8-хъ. Принадлежность просителя къ числу русскихъ подданныхъ, или же, въ случаѣ подданства иностранному государству, обязательство не выѣзжать изъ Россіи—правило, отъ котораго въ позднѣйшее время было впрочемъ отступленіе.

Въ прошломъ 1862-мъ году, французскій сенаторъ баронъ Г. обратился къ русскому послу въ Парижѣ съ письмомъ, объ оказаніи содѣйствія находившемуся у барона Г. въ услуженіи, французскому подданному Ш., къ отысканію и полученію изъ Московскаго Воспитательнаго Дома, отданнаго имъ въ Домъ 17 декабря 1857 года, сына Ш., Карла Михайлова. При письмѣ онъ приложилъ просьбу Ш. и контрмарку Крестоваго Отдѣленія, въ принятіи, 17-го декабря 1857 года, въ Домъ младенца, Карпа Михайлова № 12.177-й.

Оказалось изъ книгъ, что 17-го декабря

1857 года дѣйствительно поступилъ изъ Секретно-Родильнаго Госпиталѣ въ Грудныя Отдѣленія, рожденный неизвѣстною женщиною, младенецъ, но не Карлъ, а Карпъ Михайловъ, окрещенъ въ Православную вѣру, записанъ подъ № 12.177—1857 года, и отправленъ на воспитаніе въ Верейскій уѣздъ, къ кормилицѣ деревни Труханихи, Варварѣ Ивановой.

Начальство Воспитательнаго Дома, отъ котораго Опекунскій Совѣтъ требовалъ свѣдѣнія объ этомъ младенцѣ, въ отзывѣ своемъ изъяснило, что, по его мнѣнію, Ш. не представилъ доказательствъ о родственныхъ отношеніяхъ своихъ къ питомцу Карпу Михайлову, такъ какъ приложенная къ письму его контрмарка есть только квитанція Воспитательнаго Дома въ принятіи младенца, выдаваемая всякому приносителю. Еслибы даже Ш. представилъ и доказательства, и подписку въ томъ, что будетъ воспитывать ребенка въ Православіи, то и тогда, по жительству Ш. за границей, наблюденіе за исполненіемъ этой подписки едва ли было бы возможно. Наконецъ — просьба Ш. возбуждала вопросъ: должны ли быть удовлетворяемы просьбы иностранцевъ, присылаемыя изъ за-границы, о возвращеніи на ихъ попеченіе питомцевъ, которые до того времени прирѣчны были Воспитательнымъ Домомъ, воспитывались нѣсколько лѣтъ въ одномъ и томъ же семействѣ, пользуясь въ немъ попечительнымъ уходомъ, и сами не изъявляютъ желанія поступить къ родственникамъ, до того времени имъ неизвѣстнымъ.

Отъ 21-го іюня 1862 года, IV-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи увѣдомило Опекунскій Совѣтъ, что просьба Ш. и ходатайство сенатора барона Г. представлены были на Монаршее Его Величества воззрѣніе — „и Государь Императоръ удостоилъ принять во вниманіе, съ одной стороны, что предъявленіе требуемыхъ при отдачѣ питомцевъ удостовѣренія трехъ лицъ въ дѣйствительности родства и засвидѣтельствованіе Полицейскаго Начальства въ благонадежности просителя, сопряжено для иностранца съ непреодолимыми затрудненіями, съ другой — что всякій надзоръ за исполненіемъ данной подписки вос-

(*) Журн. Оп. Сов., 24-го ноября 1827 года.

питывать ребенка въ Православіи становится невозможнымъ, коль скоро иностранецъ проживаетъ внѣ Россіи — Всемиловѣйше соизволилъ на возвращеніе Ш. означеннаго его сына, безъ соблюденія съ его стороны требуемыхъ уставомъ Воспитательнаго Дома формальностей (*).“

Кормилица питомца получила отъ Ш. достаточное денежное вознагражденіе.

Въ 1819-мъ году представился случай, въ которомъ препятствіемъ къ возвращенію воспитанницы матери было сословіе, къ которому мать принадлежала.

Поступила просьба отъ дворовой графа Салтыкова Настасьи Аѳанасьевой, о возвращеніи ей трехмѣсячной дочери, которая унесена была у нея 25-го августа изъ села Средникова, московскаго уѣзда, дворовою дѣвкой г. Алексѣева, сельца Коростова, Ивановою и отдана ею въ Воспитательный Домъ.

По книгамъ значилось, что принесенъ былъ 27-го августа въ Домъ младенецъ Авдотья Сергѣева и записанъ подъ №2895; а по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ сельцѣ Средниковѣ объѣзжимъ надзирателемъ, можно было заключить, что младенецъ этотъ точно принадлежитъ Аѳанасьевой.

Опекунскій Совѣтъ представилъ объ этомъ Императрицѣ, а ребенокъ отданъ былъ, между тѣмъ, на временное вскормленіе Аѳанасьевой.

На докладъ Совѣта, 19-го октября 1819 года, Императрица написала: „какъ нельзя полагать никакого рѣшенія, пока не опредѣлена судебнымъ приговоромъ подлинность похищенія младенца, то отослать все дѣло куда слѣдуетъ, для приговора судебнымъ мѣстомъ, до котораго оное относится, и Мнѣ о послѣдствіи донести; между тѣмъ ребенокъ останется на вскормленіи матери впредь до рѣшенія судьбы его (**).“

Въ 1820-мъ году Совѣтъ вновь входилъ съ докладомъ объ окончательной отдачѣ питомки Авдотьи матери.

(*) Журн. Оп. Сов., 25-го іюня 1862 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 20-го октября 1819 года.

8-го іюля почетный опекунъ Львовъ словесно объявилъ Совѣту, что имъ полученъ отъ Государыни рескриптъ, отъ 27-го іюня, въ которомъ изъяснено, что дѣло это недостаточно приведено еще въ ясность, чтобы рѣшиться отдать младенца въ крѣпостное состояніе и лишить его выгодъ, сопряженныхъ со званіемъ воспитанницы Дома. — Уѣздный Судъ еще не утверждаетъ подлинности похищенія, а напротивъ того объясняетъ, что обвиняемая въ похищеніи дѣвка Иванова еще прежде этого происшествія бѣжала и не сыскана, — слѣдовательно и не допрашивана. Послѣ этого нельзя ни обвинить Иванову, ни положиться на показаніе Аѳанасьевой. Младенецъ принесенъ въ Домъ 27-го августа, у Аѳанасьевой дитя пропало 25-го, а Иванова бѣжала 22-го августа. Самую принадлежность младенца Аѳанасьевой подтверждаетъ только повивальная бабка. Кромѣ того, нельзя оставить безъ вниманія и того обстоятельства, что объ отцѣ младенца вовсе не упоминается. Поэтому Императрица поручила Львову объявить Совѣту, что покуда не доказано будетъ неоспоримо судебнымъ мѣстомъ, до котораго касается что младенецъ Авдотья Сергѣева точно принадлежитъ женкѣ Аѳанасьевой, у нея похищенъ и отданъ въ Домъ, слѣдовательно поступилъ въ оный безъ ея вѣдома и согласія, до тѣхъ поръ никакого рѣшенія объ исключеніи сего младенца изъ числа воспитанницъ Дома, или оставленія въ ономъ полагать не можно, и что ребенокъ между тѣмъ долженъ остаться на воспитаніи у Аѳанасьевой (*).

Дѣло поступило въ Московскую Уголовную Палату. Мужъ Аѳанасьевой, дворовый человекъ Александръ Денисовъ, призналъ младенца Авдотью Сергѣеву за свою дочь. Шестъ крестьянокъ подъ присягою показали, что у Александра Денисова точно въ 1819-мъ году унесена была дворовою г-жи Алексѣевой дѣвкой Ивановой дѣвочка Лукерья, которая отыскана матерью въ Воспитательномъ Домѣ и отдана ей подъ именемъ воспитанницы Авдотьи Сергѣевой. Уголовная Палата рѣшила оставить ребенка у матери.

(*) Журн. Оп. Сов. 8 іюля 1820 года.

На докладъ Совѣта, объ исключеніи этой дѣвочки изъ числа воспитанницъ, Императрица, 22-го декабря 1820-го года, написала: „Позволяю (*).“

Въ 1825-мъ году поступило прошеніе одной крѣпостной женщины объ отдачѣ ей дочери ея, воспитанницы № 1556—1825 года. Государыня на докладъ Совѣта положила резолюцію: „какъ мать крѣпостная, то по силѣ Учрежденія Воспитательнаго Дома 1-й части главы VI § 4-го, воспитанница возвращена быть не можетъ (**).“

Въ приведенномъ здѣсь постановленіи сказано: „Всѣ воспитанные въ семь Домѣ обоюго пола, и дѣти ихъ и потомки въ вѣчные роды останутся вольными, и никому изъ партикулярныхъ людей ни подѣ какимъ видомъ закабалены или укрѣплены быть не могутъ.“

Въ томъ же Генеральномъ Планѣ Воспитательнаго Дома, въ § 12-мъ Главы II-й книги 1-й, говорится: „надѣяться можно, что взирая на Высочайшее Ея Императорскаго Величества, учрежденіемъ сего Дома, милосердіе, многіе христіюлюбивые люди въ другихъ городахъ, по челоуѣколюбію спасенія ради своего, разнымъ образомъ оставленныхъ родителями младенцевъ принимать и воспитывать до нѣскольکو лѣтъ не оставятъ; по прошествіи же двухъ, трехъ лѣтъ и болѣе, не свыше пяти, могутъ ихъ, для совершеннаго воспитанія и обученія, привозить въ удобное лѣтнее время, и отдавать въ Москвѣ въ Воспитательный Домъ въ число принадлежащихъ къ оному на основаніи Плана, съ показаніемъ, когда принять, крещеной ли, или по пріемъ которой церкви крещенъ, и другихъ случающихся при томъ обстоятельстве, *исключая изъ онаго, по яснымъ доказательствамъ, крѣпостныхъ, отданныхъ подѣ видомъ обмана.*“

Сближая эти два постановленія, можно заключить, что вопросъ о возвращеніи питомцевъ родителямъ и родственникамъ крѣпостнаго состоянія положительнымъ образомъ разрѣшенъ не былъ.

Въ 1843-мъ году состоялось Высочайшее

(*) Журн. Оп. Сов., 3 января 1821 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 22 іюня 1823 года.

повелѣніе, по предмету того, на какихъ условіяхъ могутъ быть обрацаемы въ помѣщичье владѣніе рожденные отъ крѣпостныхъ матерей питомцы, въ случаѣ поступленія о томъ отъ помѣщиковъ просьбъ. Но при этомъ не былъ рассмотрѣнъ вопросъ о возвращеніи такихъ питомцевъ на попеченіе ихъ родителей или родственниковъ (*).

Въ частныхъ случаяхъ начальство Воспитательнаго Дома, руководствуясь рѣшеніемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ 1825 году, отклоняло домогательства крѣпостныхъ родителей или родственниковъ объ отдачѣ имъ питомцевъ, если о возвращеніи этихъ питомцевъ не поступало просьбъ отъ самихъ помѣщиковъ.

Мѣры обезпеченія судьбы питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ, не всегда однако достигали своей цѣли. Случалось, что воспитанники, переданные роднымъ, оставались безъ призрѣнія, и Воспитательный Домъ вынужденъ былъ опять принимать ихъ подѣ свой кровъ.

Такъ осмилѣтняя питомица Ульяна Сергѣева, № 272—1797 года, отданная матери, рекрутской жентѣ Екатеринѣ Тимофеевой, по смерти ея, осталась безъ пристанища. Опекунскій Совѣтъ, узнавши о безпріютномъ положеніи воспитанницы, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Императрицы, которая на докладѣ Совѣта, 3-го сентября 1810 года, написала: „Взять ее обратно въ Домъ не въ примѣръ другимъ (**).“

3-го октября 1817 года разрѣшено было принять обратно въ Домъ одиннадцатилѣтняго питомца, № 1686—1807 года, который, по смерти одного московскаго купца, взявшаго его на свое попеченіе, остался безъ пристанища (***) .

4-го іюля 1818 года Императрица Опекунскому Совѣту повелѣла: „бывшую воспитанницу Московскаго Воспитательнаго Дома, отданную матери на собственное попеченіе, а по смерти ея оставшуюся въ сиротствѣ, Марію Ѳеодорову, принять опять въ Воспитательный Домъ и содержать съ прочими ея возраста воспитанницами (****).“

(*) Журн. Оп. Сов., 1-го апрѣля 1843 года.

(**) Журн. Оп. Сов., 10-го сентября 1810 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 4-го октября 1817 года.

(*) Журн. Оп. Сов., 11-го іюля 1818 года.

На попеченіе родныхъ питомцевъ было от- дано въ 1796 году 5 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ, въ 1797 г.—2 мальчика и 1 дѣвочка. Съ 1798 по 1810 годъ свѣдѣній по этому предмету нѣтъ. За тѣмъ возвращены родственникамъ:

	муж.	жен.
Въ 1810 году	3	6
— 1811 —	12	8
— 1812 —	10	7
— 1813 —	3	9
— 1814 —	3	1
— 1815 —	5	7
— 1816 —	3	—
— 1817 —	7	5
— 1818 —	4	6
— 1819 —	4	9
— 1820 —	5	14
— 1821 —	8	7
— 1822 —	5	13
— 1823 —	3	8
— 1824 —	7	3
— 1825 —	5	4
— 1826 —	8	4
— 1827 —	3	7
— 1828 —	1	2
— 1829 —	9	6
— 1830 —	8	3
— 1831 —	5	8
— 1832 —	4	13
— 1833 —	—	4
— 1834 —	1	3
— 1835 —	6	15
— 1836 —	8	10
— 1837 —	1	15
— 1838 —	3	25
— 1839 —	4	20
— 1840 —	14	16
— 1841 —	11	14
— 1842 —	13	7
— 1843 —	13	18
— 1844 —	20	17
— 1845 —	17	19
— 1846 —	30	18
— 1847 —	29	41
— 1848 —	18	17
— 1849 —	14	31
— 1850 —	14	25
— 1851 —	8	23
— 1852 —	9	33
— 1853 —	5	22
— 1854 —	8	8
— 1855 —	3	22
— 1856 —	9	23
— 1857 —	4	22

Въ 1857 году почетный опекунъ, управляв- шій Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ, нынѣ председательствующій въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, князь Николай Ивано- вичъ Трубецкой, по порученію Совѣта, пре- проводилъ къ статсъ-секретарю, по дѣламъ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, для доклада Государю Императору, записку о мѣрахъ къ обезпеченію судьбы питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ. Записка эта слѣдующаго содержанія: „процедура возвраще- нія питомцевъ къ родственникамъ, по недоста- точности принимаемаго въ доказательство род- ства свидѣтельства трехъ оберъ-офицеровъ, приводила къ различнымъ недоразумѣніямъ. Не рѣдко были случаи, что послѣ такого возвращенія питомцевъ просителямъ открывалось, или что пи- томецъ отрекался отъ своего родственника, или на оборотъ родственникъ отказывался отъ питом- ца, или наконецъ свидѣтели отвергали прежнія свои показанія, отзываясь, что дали ихъ безъ вся- кой формальности, изъ одного угожденія къ про- сителямъ. Подобныя недоразумѣнія ставили въ немалое затрудненіе правительственныя мѣста, которыя, производя въ такихъ дѣлахъ законное изслѣдованіе, требовали всегда объясненій отъ Управленія Воспитательнаго Дома; а оно съ своей стороны не могло давать имъ дальнѣй- шихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя обыкно- венно указываются въ прошеніяхъ и притомъ печатныхъ, отъ лицъ, объявившихъ себя род- ственниками питомцевъ, и благонадежность ко- ихъ въ отношеніи къ поведенію и состоянію удостовѣрена Управленію не рѣдко тѣми же пра- вительственными мѣстами и лицами, которыя въ послѣдствіи производятъ точнѣйшее о нихъ дознаніе, такъ что вся эта переписка никогда не могла объяснить дѣла Управленію, а между тѣмъ набрасывала на него какъ бы тѣнь со- мнѣнія въ непредусмотрительности его при воз- вращеніи питомцевъ къ родственникамъ. Изъ этой переписки видно также: 1., что питомцы, возвращенные родственникамъ, не рѣдко были оставляемы лицами, объявившими свое къ нимъ родственное отношеніе, въ такомъ беззащит- номъ положеніи, что необходимо было опять принимать ихъ подъ покровъ Воспитательнаго

Дома; 2., что нѣкоторые изъ такихъ питомцевъ, какъ показываютъ то запросы о нихъ полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ, оказываются не совсемъ одобрительнаго поведенія, отъ чего дурная молва можетъ пасть и вообще на питомцевъ и 3., что отъ лицъ, называвшихъ себя ихъ родственниками, пользуются попеченіемъ не совсемъ благонадежнымъ. Всѣ эти неблагопріятныя послѣдствія побудили Управленіе въ послѣднее время обратить вниманіе при возвращеніи питомцевъ къ родственникамъ на слѣдующія обстоятельства: 1., требовать удостовѣренія полицейскаго начальства въ личности и подписи тѣхъ благородныхъ свидѣтелей, которые завѣряютъ родственное отношеніе просителя къ требуемому питомцу и 2., ограничить возвращеніе къ родственникамъ питомцевъ свыше 10 лѣтняго возраста строжайшимъ разборомъ обстоятельствъ просителей, и въ случаѣ оказавшихся сомнѣній, отказомъ въ принятіи самыхъ прошеній, каковой разборъ производится лично и постоянно самимъ Директоромъ Дома; наконецъ 3., предлагалось просившимъ о возвращеніи питомцевъ свыше 10 ти лѣтъ, внести въ пользу ихъ нѣкоторое денежное обезпеченіе, примѣры каковыхъ взносовъ уже и были. Добрыя послѣдствія такихъ распоряженій не замедлили обнаружиться. Число прошеній о возвращеніи къ родственникамъ уменьшилось, и въ этомъ отношеніи участь питомцевъ въ дальнѣйшемъ ея устройствѣ не только не потерпѣла, но даже выиграла: ибо съ уменьшеніемъ случаевъ отдачи питомцевъ къ родственникамъ, болшею частію мѣщанскаго сословія, увеличились случаи усыновленія питомцевъ казенными крестьянами, то есть питомцы водворялись въ томъ состояніи, въ которомъ воспитывались, равнымъ образомъ усилилось число питомокъ, вышедшихъ за мужъ за людей сельскаго состоянія; а съ другой стороны перестали встрѣчаться случаи обратнаго возвращенія въ Домъ питомцевъ, отданныхъ родственникамъ, что и доказываетъ, что питомцы стали быть возвращаемы родственникамъ болѣе благонадежнымъ. Изъ всего вышеизложеннаго вытекаетъ необходимость опредѣленія: 1., самага свойства доказательствъ родства просителей къ требуемымъ питомцамъ и

2., способа обезпеченія питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ. А., Въ отношеніи къ первому вопросу питомцы, коихъ просятъ къ возвращенію, должны быть раздѣлены на двѣ категоріи, а именно: 1., на принесенныхъ въ Домъ некрещеными и 2., на принесенныхъ въ Домъ крещеными. Вслѣдствіе такого различія полагается: питомцевъ, принесенныхъ въ Домъ некрещеными, возвращать родственникамъ по прежнимъ правиламъ, довольствуясь, какъ крайнимъ средствомъ, свидѣтельствомъ трехъ лицъ благороднаго званія о родствѣ просителя съ питомцемъ, съ удостовѣреніемъ личности и подписи сихъ свидѣтелей: въ Москвѣ отъ частнаго пристава, а въ прочихъ городахъ отъ городничихъ. Если же будутъ просить о возвращеніи питомца, принесеннаго въ Домъ крещенымъ, то уже требовать отъ просителя выписки изъ метрическихъ книгъ о его рожденіи и крещеніи, ибо иначе, безъ такого требованія, могутъ произойти важныя недоразумѣнія. За тѣмъ въ свидѣтельствахъ питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ, прописывать обстоятельства принятія питомца въ Воспитательный Домъ и то доказательство, по которому онъ возвращенъ просителю. Само собою разумѣется, что всѣ прежнія постановленія о представленіи просителями контрмарокъ Крестоваго Отдѣленія на требуемыхъ питомцевъ, сношенія съ высшимъ гражданскимъ или полицейскимъ начальствомъ просителя о благонадежности его поведенія и состоянія и непринадлежности его къ расколу должны остаться въ своей силѣ. Б., По вопросу о способѣ обезпеченія питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ, полагается отъ просителей, желающихъ взять на свое попеченіе питомцевъ свыше 10-ти лѣтъ, требовать взноса въ пользу возвращаемыхъ имъ питомцевъ мальчиковъ въ количествѣ 50-ти рублей, а дѣвочекъ 30-ти рублей, съ тѣмъ, чтобы эти суммы служили для первыхъ пособіемъ на обзаведеніе при совершеннолѣтіи, а послѣднимъ на приданое. Требованіе такого пособія отъ просителей на питомцевъ старѣе 10 лѣтъ имѣетъ своимъ основаніемъ то различіе въ чувствахъ привязанности и попеченія, которое предполагается въ родителяхъ или родственникахъ, про-

сящихъ о возвращеніи имъ дѣтей еще въ младенческомъ ихъ возрастѣ, когда они требуютъ еще ухода и заботъ, отъ тѣхъ родителей или родственниковъ, которые просятъ возвращенія питомцевъ въ томъ уже возрастѣ, когда они, требуя меньшей о себѣ заботливости родителей, сами могутъ быть имъ помощниками въ хозяйствѣ или употреблены на какія либо работы или мастерства; а между тѣмъ эти питомцы, о которыхъ родители такъ поздно вспомнили, отрываются отъ попечительнаго призрѣнія Воспитательнаго Дома, который вѣрнымъ образомъ обезпечилъ бы ихъ судьбу либо въ сельскомъ быту, либо помѣщеніемъ ихъ въ различныя учебныя или образовательныя заведенія. Наконецъ при отдачѣ питомцевъ къ родственникамъ будетъ обращено вниманіе на предшествовавшія до сего отношенія просителей къ питомцамъ; свѣденія же о семъ могутъ быть доставляемы окружными надзирателями, коимъ постановлено инструкціей въ обязанность наблюдать за родственными отношеніями къ питомцамъ лицъ ихъ посѣщающихъ, особенно въ младенческомъ возрастѣ. Въ свидѣтельствахъ питомцевъ, возвращаемыхъ родственникамъ со взносомъ денежнаго въ ихъ пользу обезпеченія, прописывать о такомъ взносѣ или выдавать особыя удостовѣренія, дабы питомцы мальчики, но приходѣ въ совершеннолѣтіе, а дѣвушки, при выходѣ въ замужство, знали о предоставленномъ въ ихъ пользу капиталѣ и могли бы имъ воспользоваться.“

Въ декабрѣ 1857-го года г. статсъ-секретарь Гофманъ увѣдомилъ князя Николая Ивановича Трубецкаго, что „по всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору сего дѣла, Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе на принятіе всѣхъ изложенныхъ въ этой запискѣ мѣръ къ руководству по Московскому Воспитательному Дому.“

Послѣ введенія изложенныхъ мѣръ въ дѣйствіе, число случаевъ отдачи питомцевъ на попеченіе ихъ родителей и родственниковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Отдано родственникамъ.	
	мальч.	дѣвоч.
Въ 1858-мъ году . .	8	31
— 1859 — — . .	13	36
— 1860 — — . .	30	40
— 1861 — — . .	15	38
— 1862 — — . .	54	76

На основаніи правилъ, установленныхъ въ 1857-мъ году, Воспитательный Домъ возвращалъ питомцевъ на попеченіе ихъ родственниковъ, къ какому бы сословію эти родственники не принадлежали, кромѣ помѣщичьихъ крестьянъ и крѣпостныхъ дворовыхъ людей.

По уничтоженіи крѣпостнаго права, Опекунскій Совѣтъ не призналъ возможнымъ дѣлать какія либо измѣненія въ правилахъ возвращенія питомцевъ прежде двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ манифестомъ, 19-го февраля 1861-го года, указано было составить въ помѣщичьихъ имѣніяхъ уставныя грамоты и должны были уясниться отношенія между помѣщиками и бывшими крѣпостными людьми (*). По минованіи же двухлѣтняго срока, въ силу 21-й статьи Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространены на нихъ общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ. При томъ Высочайшимъ повелѣніемъ, въ октябрѣ 1861-го года, разрѣшено принимать въ Домъ младенцевъ незаконнорожденныхъ отъ лицъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Принявъ все это въ соображеніе, въ мартѣ текущаго года Опекунскій Совѣтъ разрѣшилъ возвращать питомцевъ на дальнѣйшее попеченіе и содержаніе родственниковъ изъ временнообязанныхъ крестьянъ и бывшихъ дворовыхъ людей, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ передаются питомцы на попеченіе родныхъ изъ лицъ другихъ свободныхъ сословій (**).

(*) Журн. Оп. Сов., 19-го іюля 1861 года

(**) Журн. Оп. Сов., 11-го марта 1863 года.

УСЫНОВЛЕНІЕ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ПИТОМЦЕВЪ.

Порядокъ усыновленія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома установленъ въ первый разъ Высочайше утвержденнымъ, 14-го марта 1803 года, докладомъ С.Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, который переданъ былъ въ Московскій Совѣтъ для руководства.

Усыновленіе питомцевъ дозволено было однимъ казеннымъ крестьянамъ, при такихъ условіяхъ:

1) Чтобы проситель имѣлъ на усыновленіе питомца дозволеніе отъ своего сельскаго начальства;

2) Чтобы представилъ удостовѣреніе въ хорошемъ поведеніи, благонадежности и состояніи содержать питомца;

3) Чтобы не имѣлъ родныхъ сыновей и объялся, въ случаѣ еслибы у него родились дѣти мужскаго пола, послѣ усыновленія питомца, уравнять его въ правахъ наслѣдства съ родными сыновьями.

Усыновленіе допускалось по достиженіи питомцевъ 8-лѣтняго возраста. За усыновленнаго разрѣшено производить до 17-ти лѣтъ ту же плату, какая выдавалась до этого возраста на содержаніе питомцевъ неусыновленныхъ. Въ видахъ скопленія для усыновленнаго питомца нѣкоторой суммы на обзаведеніе потребностями сельскаго быта и на случай разстройства дѣлъ усыновителя, эту плату белѣно вносить, для приращенія процентами, въ Сохранную Казну и выдавать усыновленному, по достиженіи имъ 17-лѣтняго возраста; въ случаѣ же смерти питомца прежде достиженія 17-лѣтняго возраста,

внесенную на имя его въ Сохранную Казну плату причислять къ капиталамъ Воспитательнаго Дома.

Въ маѣ 1805-го года разрѣшено отдать казеннымъ крестьянамъ въ удочереніе двухъ воспитанницъ (*).

Съ того времени удочереніе питомокъ производилось на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ усыновляются питомцы.

Въ сентябрѣ 1817-го года было установлено, чтобы усыновляемыхъ казенными крестьянами обоюга пола питомцевъ, по усыновленіи, изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома исключать, и считать ихъ до того возраста, когда плата за воспитаніе ихъ прекращается, въ числѣ питомцевъ потому только, что на имена ихъ вносятся въ Сохранную Казну сумма, слѣдующая за ихъ воспитаніе; когда же питомцы эти достигнуть возраста, съ котораго плата за воспитаніе прекращается — изъ числа питомцевъ ихъ исключать (**).

Резолюціею Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 13-го сентября 1817-го года, на докладѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, разрѣшено отдавать въ усыновленіе питомцевъ крестьянамъ удѣльнаго вѣдомства, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты для усыновленія питомцевъ казенными крестьянами.

(*) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Совѣта, 16-го мая 1803 года.

(**) Высочайше утвержденный докладъ Моск. Опек. Совѣта, 11-го сентября 1817 года.

Въ 1824-мъ г. передано было, по Высочайшей волѣ, на разсмотрѣніе Московскаго Опекунскаго Совѣта отношеніе почетнаго опекуна Саблина къ тайному совѣтнику Вилламову, о желаніи свободныхъ хлѣбопашцевъ Московской губерніи, Богородскаго уѣзда, сельца Сѣркова, принадлежавшаго прежде штабсъ-капитану Алмазову, усыновить питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Въ докладѣ своемъ Совѣтъ представилъ, что по разсужденію его неудобно допустить усыновленіе питомцевъ свободными хлѣбопашцами, пока сіи послѣдніе не выполнили всѣхъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщикамъ, давшимъ имъ свободу; когда же крестьяне эти обязанности свои исполняютъ, тогда можно позволить имъ усыновлять питомцевъ съ тѣмъ, чтобы они, при прошеніяхъ объ усыновленіи, сверхъ надлежащаго свидѣтельства, требуемаго отъ усыновителей изъ крестьянъ казенныхъ, представляли еще удостовѣреніе Казенной Палаты въ томъ, что всѣ обязанности, возложенныя на нихъ бывшими помѣщиками, при увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы, ими совершенно выполнены (*).

16-го февраля 1824 года, на докладѣ Совѣта Императрица написала: „теперь слѣдуетъ отказать; а впредь, когда встрѣтится случай, согласный съ мнѣніемъ Совѣта, то мнѣ представить—и я испрошу на то рѣшеніе Императора, любезнаго Моего сына.“

Въ декабрѣ 1826-го г., разрѣшено отдать восемь воспитанниковъ въ усыновленіе не воспитателямъ ихъ, а стороннимъ казеннымъ крестьянамъ. На докладѣ Опекунскаго Совѣта Императрица написала: „апробовано; но не лучше ли было бы, какъ въ семь случаевъ, такъ и въ подобномъ впредь, гдѣ питомцы оставляютъ своихъ воспитателей и переходятъ въ другія деревни, чтобы они сами въ присутствіи Совѣта объявили, что сіе согласно съ ихъ желаніемъ (**).“

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 11 го февраля 1824 года.

(**) Высочайше утверждѣнный докладъ Моск. Опек. Сов., 16 декабря 1826 г.

Усыновленіе питомцевъ допускалось съ того времени преимущественно ихъ воспитателями; усыновленіе же сторонними крестьянами дозволялось лишь въ видѣ исключеній изъ общаго правила и, между прочимъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитатели принадлежали къ сословію помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ 1827-мъ году разрѣшено отдать одного воспитанника въ усыновленіе ямщику, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ усыновляются питомцы казенными крестьянами.

Наконецъ, 25 іюня 1837 года, Опекунскимъ Совѣтамъ данъ Высочайшій указъ, 7-ю статьею котораго разрѣшено было отдавать питомцевъ обоюга пола въ усыновленіе и такимъ казеннымъ крестьянамъ, у которыхъ есть дѣти мужскаго пола.

Послѣ того, собственно въ порядкѣ усыновленія питомцевъ до 1862 года перемѣнъ не послѣдовало. Въ 1845-мъ году измѣненъ только способъ обращенія принадлежащихъ усыновленнымъ питомцамъ капиталовъ. Московскій Опекунскій Совѣтъ, 1-го марта 1845 г., призналъ полезнымъ распространить на Московскій Воспитательный Домъ предположеніе Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, чтобы всѣ мѣста и лица, вносящіе въ Сохранную Казну принадлежащіе питомцамъ Воспитательнаго Дома капиталы, вносили ихъ съ 1-го января 1845 года въ Сберегательную Кассу.“

Съ того времени до 1854-го года ежегодная плата за содержаніе усыновленныхъ питомцевъ до 17-ти, а питомокъ до 15-лѣтняго возраста поступала въ Сберегательную Кассу.

Такой способъ выдачи платы за содержаніе усыновленныхъ питомцевъ оказался однако неудобнымъ и недостигающимъ своей цѣли. Въ Казначействѣ Общаго Управленія Воспитательнаго Дома скопилось множество принадлежащихъ усыновленнымъ питомцамъ книжекъ Сберегательной Кассы. Вызывать питомцевъ и питомокъ, которые, за достиженіемъ 17-ти и 15-лѣтняго возраста, имѣли право получить по этимъ книжкамъ принадлежащія имъ деньги, было весьма затруднительно. Между тѣмъ, многіе изъ питомцевъ, усыновленные въ раннемъ возрастѣ, не имѣли никакого понятія о сущест-

ствованіи въ Воспитательномъ Домѣ принадлежащаго имъ капитала; другіе, находясь по своимъ промысламъ далеко отъ Москвы и не имѣя о своихъ деньгахъ опредѣленныхъ свѣдѣній, не рѣшались оставлять свои промыслы, для отысканія не вполне извѣстной имъ пезначительной собственности. Наконецъ внесеніе платы за усыновленныхъ питомцевъ въ Сберегательную Кассу нисколько не обезпечивало самыхъ усыновителей, лишая ихъ, въ случаѣ смерти усыновленнаго питомца, прежде достиженія того возраста, когда онъ имѣлъ бы право получить изъ Сберегательной Кассы принадлежащій ему капиталъ, вознагражденія за издержки по воспитанію.

Все это было поводомъ къ отмініи взносовъ въ Сберегательную Кассу платы за воспитаніе усыновленныхъ питомцевъ.

Съ ноября 1854-го года эта плата выдавалась ихъ усыновителямъ точно на томъ же основаніи, какъ за воспитаніе питомцевъ неусыновленныхъ ихъ воспитателямъ: за мальчиковъ до 17-ти, а за дѣвочекъ до 15-лѣтняго возраста (*).

Въ 1856-мъ году разсматривался вопросъ о поощреніи усыновленія питомцевъ крестьянами свободныхъ состояній, выдачею усыновителямъ премій, подобно тому, какъ это установлено положеніемъ 6-го мая 1844 года по С.Петербургскому Воспитательному Дому, гдѣ существуютъ преміи трехъ родовъ, каждая въ 30 рублей серебромъ: первая выдается усыновителю, при усыновленіи имъ питомца, въ поощреніе; вторая—ему же, при достиженіи питомцемъ совершенныхъ лѣтъ, въ награду, и третья—самому усыновленному питомцу, при водвореніи его на особомъ участкѣ земли, на первоначальное обзаведеніе.

По Московскому Воспитательному Дому, съ 28-го сентября 1856 года, признано полезнымъ выдавать крестьянамъ свободныхъ состояній, усыновляющимъ питомцевъ, мужескаго пола двѣ преміи, каждую въ тридцать рублей: при усы-

(*) Отношеніе статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденіями Императрицы Маріи, отъ 23 ноября 1854 года за № 7622

новленіи питомцевъ въ поощреніе, и по достиженіи усыновленнымъ питомцемъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія—въ награду (*).

Причисленіе питомцевъ къ семействамъ казенныхъ или удѣльныхъ крестьянъ совершается такимъ порядкомъ:

При прошеніи объ усыновленіи питомца усыновитель представляетъ начальству Воспитательнаго Дома приговоръ односельныхъ крестьянъ о согласіи принять того питомца въ свое общество. Этотъ приговоръ, для удостовѣренія въ его подлинности, препровождается въ Палату Государственныхъ Имуществъ, или Удѣльную Контору, смотря потому, къ какому вѣдомству принадлежитъ усыновитель. По возвращеніи приговора въ Воспитательный Домъ, съ отзывомъ Палаты или Удѣльной Конторы, о подтвержденіи крестьянами согласія на принятіе питомца въ свое общество, дѣлается распоряженіе объ исключеніи его изъ числа питомцевъ, и, для зачисленія усыновляемаго питомца въ казенные или удѣльные крестьяне, препровождается въ Казенную Палату, или Удѣльную Контору вѣчноувольнительное на него свидѣтельство.

Въ 1863-мъ году, по случаю уничтоженія крѣпостнаго состоянія, допущено усыновленіе питомцевъ бывшими помѣщичьими крестьянами. При этомъ установлено: по поступленіи отъ временнообязаннаго крестьянина къ начальству Воспитательнаго Дома просьбы объ усыновленіи питомца, представляемый при просьбѣ этой приговоръ сельскаго общества, къ которому принадлежитъ усыновитель, о согласіи міра на причисленіе питомца къ семейству усыновителя, вмѣстѣ съ увольнительнымъ отъ Воспитательнаго Дома свидѣтельствомъ, отсылать въ Волостное Правленіе, для представленія этого приговора и свидѣтельства волостнымъ старшиною къ Казенную Палату, отъ которой зависитъ уже распоряженіе о припискѣ усыновляемаго питомца къ сельскому обществу, къ которому принадлежитъ усыновитель. Для удостовѣренія въ подлинности представляемыхъ временнообязанными крестьянами приговоровъ,

(*) Отношеніе статсъ-секретаря Гофмана, отъ 28 сентября 1856 года № 7119-й, и журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, 8-го октября того же года.

Волостнымъ Правленіямъ вмѣнено въ обязанность, съ выдачею приговоровъ въ руки крестьянъ-усыновителей, увѣдомлять объ этомъ начальство Воспитательнаго Дома (*).

Такимъ образомъ усыновленіе питомцевъ обоего пола допускается крестьянами всѣхъ состояній.

За воспитаніе усыновленныхъ питомцевъ и питомокъ, первыхъ до 17-ти, а вторыхъ до 15-лѣтняго возраста, до настоящаго года производилась усыновителямъ таже самая плата, какая выдается воспитателямъ питомцевъ не усыновленныхъ. Наконецъ крестьянину, усыновляющему питомца мужескаго пола, выдавалась два раза премія въ 30 рублей: при самомъ усыновленіи и при достиженіи питомцемъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія. Первой преміи лишались тѣ усыновители, которые просили объ усыновленіи питомцевъ, уже достигшихъ 21-го года. При удочереніи питомокъ, преміи не выдаются; но предоставлено начальству Воспитательнаго Дома назначать крестьянамъ, удочеряющимъ совершеннолѣтнихъ питомокъ, то пособіе, которое, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 31-го декабря 1824-го года, выдается питомкамъ при припискѣ ихъ къ городскому сословію, то есть 21 рубль $42\frac{3}{4}$ коп., съ положенными въ награжденіе 7 руб. $14\frac{1}{2}$ коп. при выдачѣ вѣчноувольнительныхъ свидѣтельствъ, съ тѣмъ, чтобы о выдачѣ этихъ денегъ Управленіе Воспитательнаго Дома каждый разъ испрашивало разрѣшеніе Опекунскаго Совѣта (**).

Въ 1862-мъ году разрѣшено, въ тѣхъ случаяхъ, когда усыновитель умеръ и усыновленный остается послѣ усыновителя своего единственнымъ наслѣдникомъ, выдавать объ преміи усыновленному питомцу (***)).

Свѣдѣнія о числѣ усыновленныхъ питомцевъ въ Крестовомъ Отдѣленіи сохранились съ 1810-го года. Изъ нихъ видно, что усыновленныхъ питомцевъ, за достиженіемъ совершеннолѣтія, исключено было изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома:

(*) Журн. Моск. Опек. Совѣта, 20 декабря 1862 года.

(**) Журналъ Опек. Совѣта, 20 февраля 1858 года.

(***) Журналъ Опек. Совѣта, 8 января 1862 года.

въ 1810-мъ году	муж.пола,	жен.пола,	итого.
1810	3	—	3
1811	4	—	4
1812	2	6	8
1813	3	—	3
1814	4	—	4
1815	5	—	5
1816	6	—	6
1817	16	23	39
1818	20	2	22
1819	25	4	29
1820	86	17	103
1821	47	2	49
1822	21	13	34
1823	51	10	61
1824	—	—	—
1825	98	1	99
1826	34	1	35
1827	50	2	52
1828	40	—	40
1829	33	1	34
1830	33	2	35
1831	28	1	29
1832	21	12	33
1833	8	5	13
1834	18	11	29
1835	35	15	50
1836	42	23	65
1837	54	47	101
1838	71	70	141
1839	69	100	169
1840	136	216	352
1841	24	21	45
1842	104	129	233
1843	80	148	228
1844	26	43	69
1845	180	202	382
1846	74	192	266
1847	127	207	334
1848	136	292	428
1849	194	347	541
1850	235	520	755
1851	112	391	503
1852	169	534	703
1853	171	530	701
1854	148	367	515
1855	11	5	16

		муж. пола,	жен. пола,	итого.
1856	—	33	14	47
1857	—	257	493	750
1858	—	162	521	683
1859	—	619	1444	2063
1860	—	344	634	978
1861	—	223	207	430
1862	—	98	78	176
Итого		4590 муж.	7903 жен.	
Всего.				12.393.

Съ 1861-го года всѣхъ питомцевъ, совершеннолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, вмѣстѣ съ причисленіемъ ихъ къ крестьянскимъ семействамъ, начали исключать и изъ вѣдомства Дома. Цифры этой таблицы за 1861-й и 1862-й годы показываютъ посему дѣйствительное число случаевъ усыновленій въ эти года.

Съ 1856-го года случаи усыновленія питомцевъ крестьянами сдѣлались нѣсколько чаще. Можно полагать, что поощрительная премія, которая съ 1856 года выдавалась крестьянамъ, усыновляющимъ питомцевъ, имѣла на то свою долю вліянія. Но предполагать, чтобы въ значительной части случаевъ усыновленіе производилось только вслѣдствіе матеріальныхъ интересовъ, едвали было бы справедливо. Преміи выдаются не въ такомъ размѣрѣ, чтобы могли заставить крестьянина принять къ себѣ въ домъ питомца, если этотъ питомецъ ему не нуженъ, и не представляютъ достаточнаго вознагражденія за ту часть всего имущества усыновителя, которую сей послѣдній обязуется при самомъ усыновленіи выдѣлить усыновляемому питомцу наравнѣ съ своими родными дѣтьми. Побудительную причину, которая заставляетъ воспитателей желать причисленія находящихся у нихъ питомцевъ къ своимъ семействамъ, слѣдуетъ искать не въ корыстолюбивыхъ расчетахъ получить поощрительную и наградную преміи. Извѣстно, что большая часть первой, то есть поощрительной преміи, идетъ на покрытіе издержекъ по соглашенію міра принять въ свое общество усыновляемаго питомца и выдѣлить ему особый участокъ земли. Издержки эти производятся усыновителемъ изъ собственныхъ, нерѣдко скудныхъ средствъ, до

полученія еще поощрительной преміи, которая выдается лишь по окончательномъ причисленіи усыновляемаго питомца къ сельскому сословію. Первая премія покрываетъ слѣдовательно только затрачиваемую усыновителемъ сумму—и ему отъ преміи этой нерѣдко не остается почти ничего. Поэтому поощрительная премія можетъ служить и служить на самомъ дѣлѣ пособіемъ, которое даетъ воспитателямъ возможность усыновлять воспитываемыхъ ими питомцевъ, безъ лишенія нѣкоторой части собственныхъ трудовыхъ денегъ; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить цѣлью усыновленія.

Чтоже касается до второй, то есть наградной преміи, то премія эта выдавалась усыновляющимъ крестьянамъ не прежде, какъ по достиженіи питомцами полнаго гражданского совершеннолѣтія, то есть 20-ти лѣтъ съ годомъ. Усыновленіе же питомцевъ въ большей части случаевъ производится въ весьма раннемъ возрастѣ. Едвали вѣрно будетъ предположеніе, чтобы крестьянинъ рѣшился принять въ свое семейство новаго члена единственно въ видахъ полученія за то черезъ 10—12 лѣтъ 30-ти рублей серебромъ, и притомъ лишь въ случаѣ, если усыновленный питомецъ чрезъ эти 10—12 лѣтъ останется въ живыхъ. Можно посему, кажется, безошибочно сказать, что вторая премія неимѣла никакого вліянія на побужденіе деревенскихъ воспитателей къ усыновленію.

Не одинъ разъ было замѣчено, что между питомцами и деревенскими ихъ воспитателями образуется та нравственная связь, та взаимная привязанность, вслѣдствіе которой питомецъ смотритъ на своихъ воспитателей какъ на отца и мать; родныя дѣти ихъ дѣлаются ему братьями и сестрами; воспитатели, съ своей стороны, привыкаютъ смотрѣть на своего питомца, какъ на родное дитя,—и отъ родныхъ дѣтей своихъ ничѣмъ его не отличаютъ. При возвращеніи питомцевъ родственникамъ, на основаніи существующихъ правилъ, разставанье питомца съ его воспитателями бываетъ часто самое печальное. Эта-то нравственная связь и заставляетъ крестьянина желать прикрѣпленія питомца къ своему семейству.

Усыновлять питомцевъ поэтому заставляетъ крестьянъ не поощрительная премія,—она слѣдуетъ имъ лишь подспорьемъ для приписки питомца къ семейству. Въ этихъ видахъ начальство Воспитательнаго Дома находило полезнымъ сохранить первую премію. Что же касается до преміи, которая выдавалась въ награду усыновителю, по достиженіи питомцемъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія—то премія эта, насколько не содѣйствуя къ увеличенію числа случаевъ усыновленія, составляла лишь бесполезный въ этомъ дѣлѣ расходъ, который представлялось весьма возможнымъ отмѣнить безъ ущерба устройству участи питомцевъ чрезъ причисленіе ихъ къ семействамъ ихъ воспитателей.

Усыновленные питомцы, вступая въ сословіе своихъ усыновителей, изъ вѣдомства Воспитательнаго Дома исключаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ начальство Воспитательнаго Дома лишается всякой возможности за ними слѣдить. По званію сельскихъ обывателей, усыновленные питомцы не обязаны оставаться всегда безотлучно въ тѣхъ селеніяхъ и семьяхъ, къ которымъ принадлежатъ, подобно питомцамъ неусыновленнымъ; они нерѣдко отлучаются далеко отъ селеній, къ которымъ приписаны, для заработковъ—и надзиратели округовъ не могутъ удостовѣрять управленіе деревенскихъ питомцевъ, живъ-ли усыновленный питомецъ, за котораго усыновителю его производится плата или нѣтъ. Требовать же отъ усыновителя каждый разъ, при выдачѣ ему платы, удостовѣреніе вотчиннаго начальства въ томъ, что усыновленный имъ питомецъ живъ,—также было бы неудобно

для самого усыновителя, потому что вводило бы его въ хлопоты и, можетъ быть, издержки, которыя иногда принесутъ хозяйству его ущербъ гораздо значительнѣйшій, чѣмъ самая плата, какую слѣдуетъ получить изъ Воспитательнаго Дома.

Начальство Воспитательнаго Дома находило посему возможнымъ прекратить выдачу платы за содержаніе усыновляемыхъ питомцевъ, не распространяя этого однако на тѣхъ питомцевъ, которые уже были усыновлены.

Московскій Опекунскій Совѣтъ призналъ такую мѣру полезною; Петербургскій же Совѣтъ, съ своей стороны, нашелъ возможнымъ прекратить выдачу не только платы за содержаніе усыновляемыхъ питомцевъ и наградной преміи, но даже и преміи поощрительной.

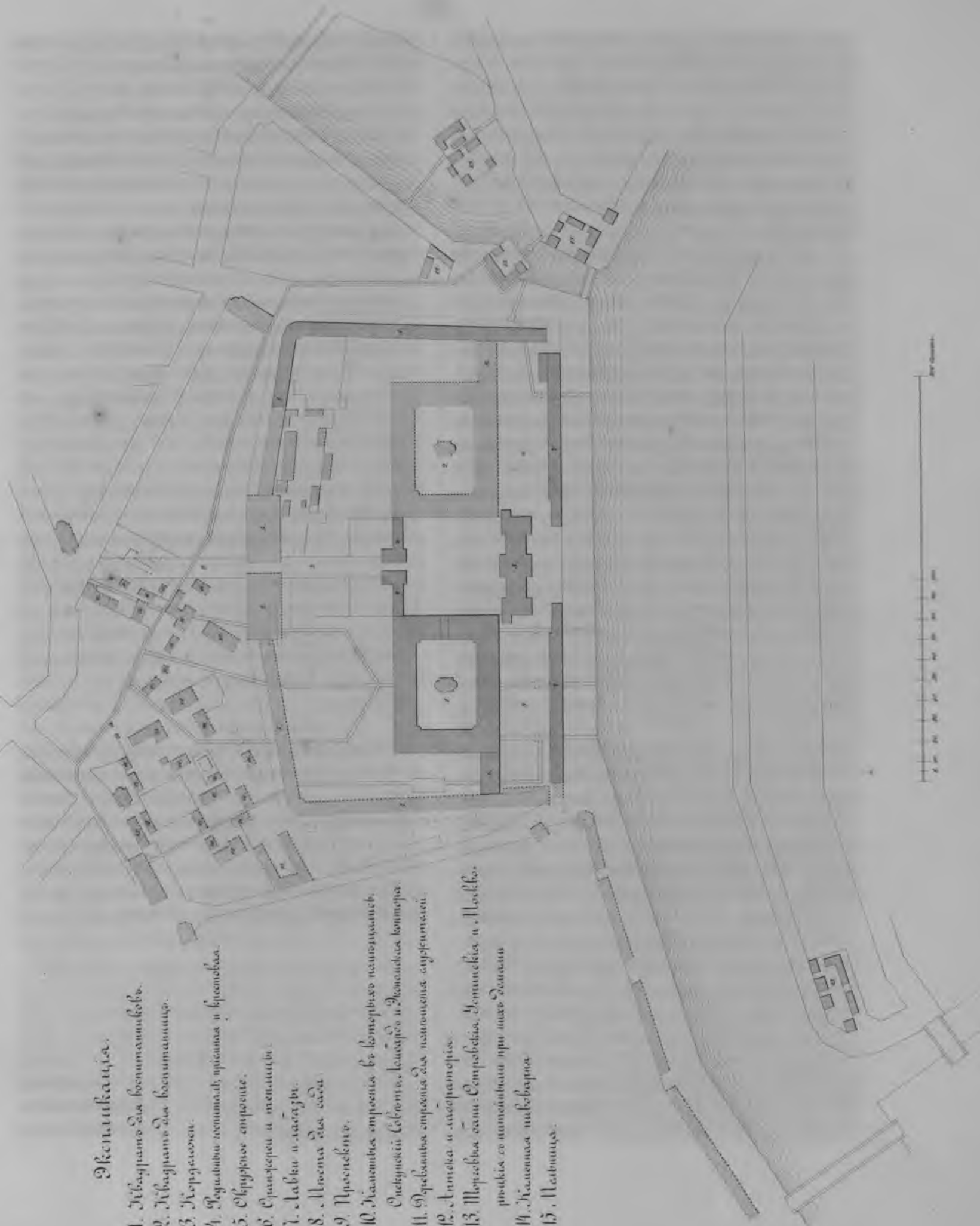
Мнѣнія обоихъ Совѣтовъ, С.Петербургскаго и Московскаго, въ маѣ текущаго года доведены были до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества,—и Государю Императору угодно было Высочайше повелѣть: не отмѣняя окончательно дѣйствующихъ правилъ объ усыновленіи питомцевъ, дозволить каждому изъ Опекунскихъ Совѣтовъ привести у себя въ дѣйствіе предполагаемую имъ мѣру, въ видѣ опыта, на 2 года, съ тѣмъ, чтобы по прошествіи сего срока обсудить, которая изъ нихъ наиболѣе достигла цѣли, и за тѣмъ уже приступить къ составленію новыхъ общихъ, для обоихъ Совѣтовъ, правилъ объ усыновленіи питомцевъ (*).

(*) Журналъ Моск. Опек. Совѣта, 30 мая 1863-го года.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА XVIII^{го} СТОЛѢТІЯ.

Экспликація.

1. Зданіе для воспитанниковъ.
2. Зданіе для воспитаницъ.
3. Деревянная.
4. Раздѣльныя комнаты, приспѣвая и брестовая.
5. Окружное строеніе.
6. Станціи и теплицы.
7. Садки и лавки.
8. Мѣста для сада.
9. Проездкины.
10. Мѣстныя строенія въ которыхъ помѣщаются:
Специальный кабинетъ, лекторъ и Женскіе комнаты.
11. Огражденныя строенія для помѣщенія оруженнаго.
12. Аптека и лабораторія.
13. Мѣстныя сани. Сербскія, Успенскія и Москвитинскія со шпильками при ихъ домѣхъ.
14. Мѣстныя публичныя.
15. Мѣстныя.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ДОМА 1863го ГОДА.

Экспликація.

1. Корбелевая.
2. Кухня.
3. Институтская ограда.
4. Сербская школа.
5. Корпусъ строеній въ принадлежаніи къ полу помѣщеніямъ.
6. Большая прачешная.
7. Воздушная машина.
8. Корманная ограда.
9. Малая прачешная.
10. Лагуна.
11. Зданіе приземлительной женской приюту.
12. Женская школа, принадлежаніи.
13. Женская школа.
14. Кухня.
15. Женская школа, принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.
16. Большой дворъ, принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.
17. Сербская школа.
18. Большой дворъ, принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.
19. Кухня, принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.
20. Сербская школа.
21. Малое строеніе въ саду въ женской оградѣ.
22. Малое строеніе.
23. Кухня, принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.
24. Корпусъ для принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.
25. Большой дворъ, принадлежаніи, принадлежаніи, принадлежаніи.

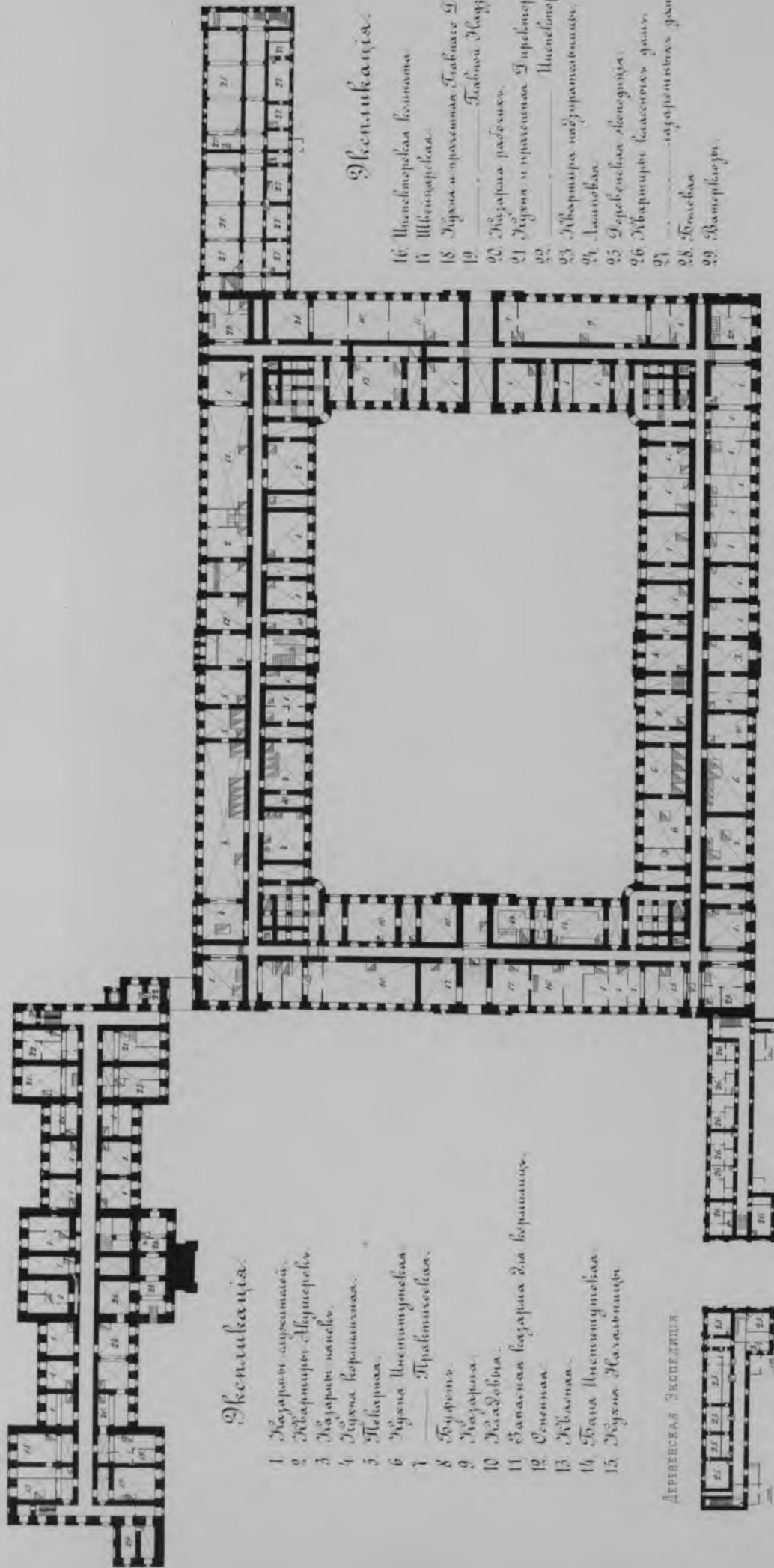

0 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100

КОРДЕЛОНИИ

КВАДРАТЪ

БОЛЬНИЦА ИНСТИТУТА

Экспликація.

- 1 Лекторскі лекціи.
- 2 Лекторскі лекціи.
- 3 Лекторскі лекціи.
- 4 Лекторскі лекціи.
- 5 Лекторскі лекціи.
- 6 Библиотека.
- 7 Библиотека.
- 8 Библиотека.
- 9 Библиотека.
- 10 Библиотека.
- 11 Библиотека.
- 12 Библиотека.
- 13 Библиотека.
- 14 Библиотека.
- 15 Библиотека.

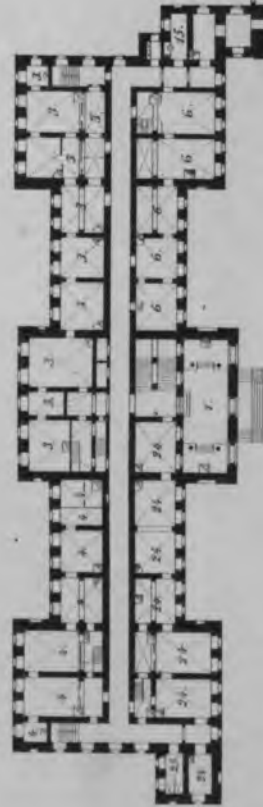
ДЕРЕВЯНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Экспликація.

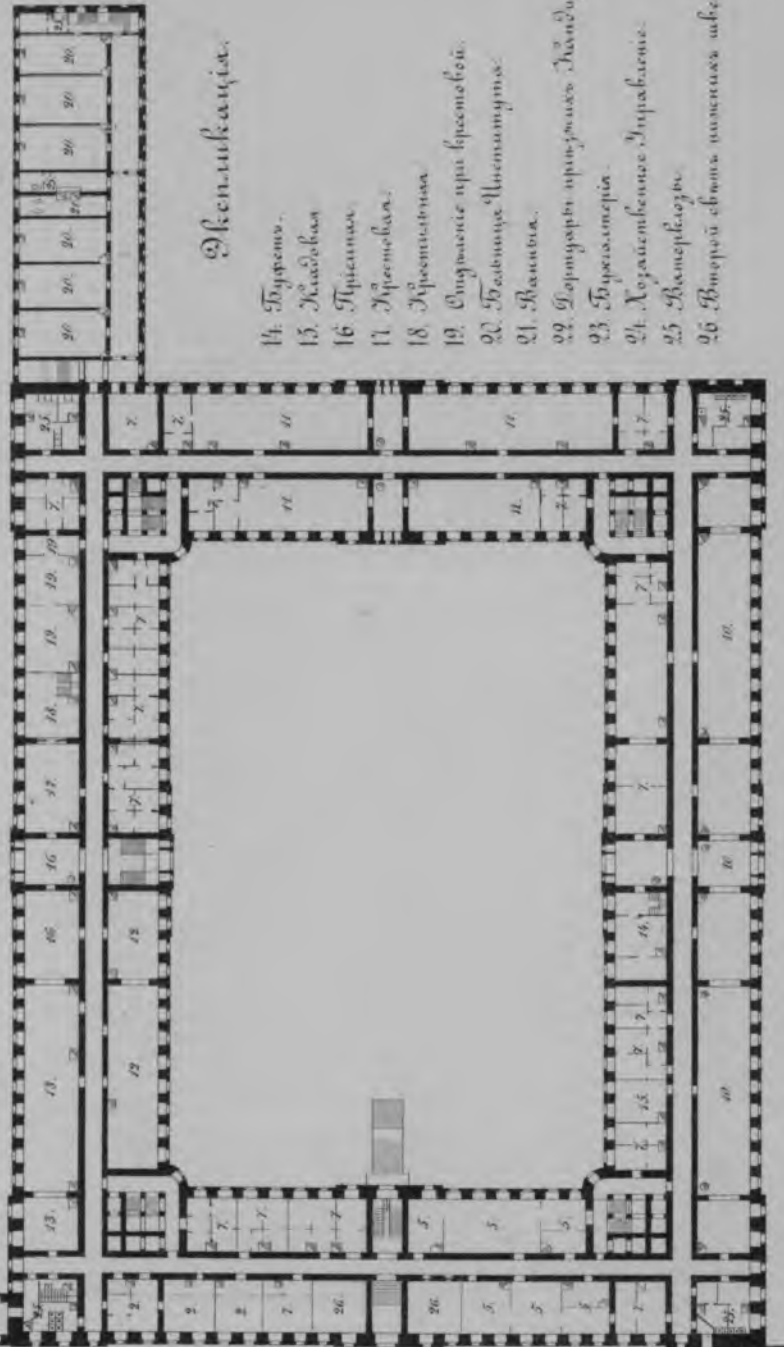
- 16 Инженерская комната.
- 17 Инженерская.
- 18 Инженерская.
- 19 Инженерская.
- 20 Инженерская.
- 21 Инженерская.
- 22 Инженерская.
- 23 Инженерская.
- 24 Инженерская.
- 25 Инженерская.
- 26 Инженерская.
- 27 Инженерская.
- 28 Инженерская.
- 29 Инженерская.

2-й ЭТАЖЪ

Шеншиканія.

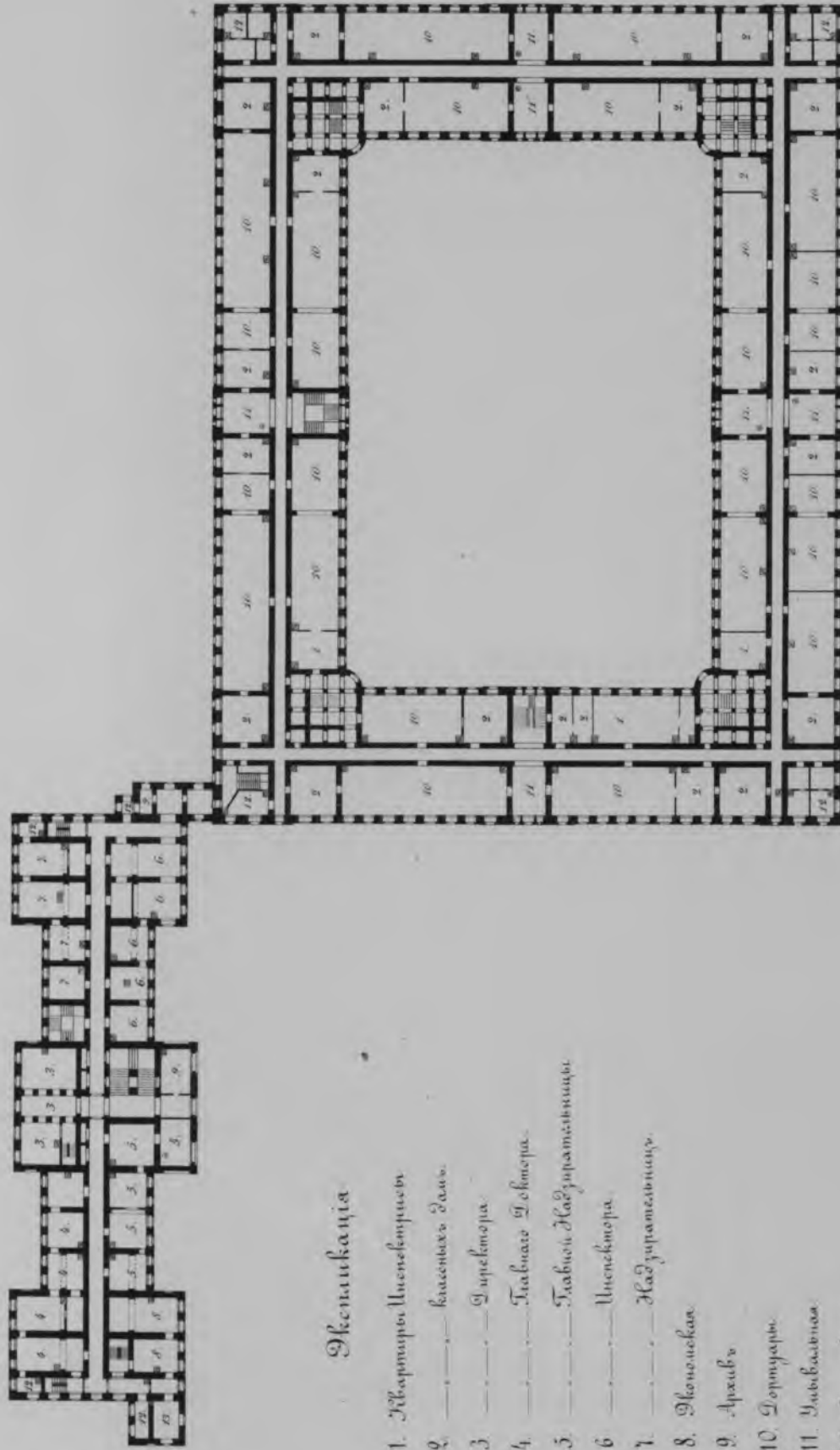
- 1 Швейцарская.
- 2 Хлебная Икономическая.
- 3 — — — — — Швейцарская.
- 4 — — — — — Главная Швейцарская.
- 5 — — — — — Главная Икономическая.
- 6 — — — — — Икономическая.
- 7 — — — — — Главная Швейцарская.
- 8 — — — — — Главная Икономическая.
- 9 — — — — — Главная Швейцарская.
- 10 Главная Икономическая.
- 11 Швейцарская.
- 12 Главная Швейцарская.
- 13 — — — — — Швейцарская.

Шеншиканія.

- 14 Буфетъ.
- 15 Главная.
- 16 Швейцарская.
- 17 Швейцарская.
- 18 Швейцарская.
- 19 Охрана при Швейцарской.
- 20 Главная Икономическая.
- 21 Главная.
- 22 Швейцарская при Швейцарской.
- 23 Швейцарская.
- 24 Главная Икономическая Швейцарская.
- 25 Швейцарская.
- 26 Главная Икономическая Швейцарская.

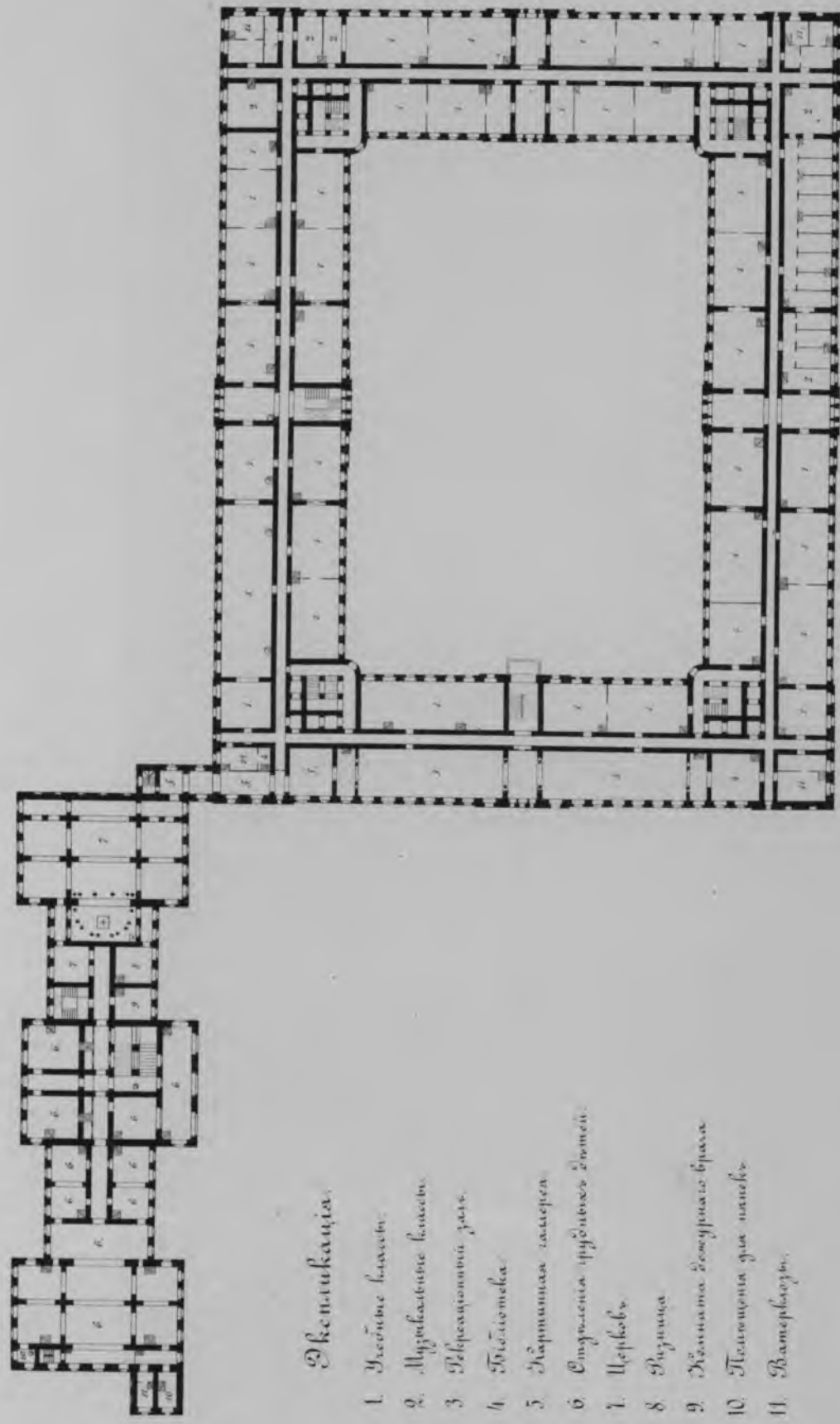

Шчепановская

1. Кабинетъ Императора
2. ————— Кавалерск. залъ.
3. ————— Супремма
4. ————— Палата Дворца.
5. ————— Палата Кабинетовъ
6. ————— Император.
7. ————— Кабинетъ Императора.
8. Конюшная
9. Архивъ
10. Лорнетъ
11. Убывающая
12. Вспомогательн.
13. Палата

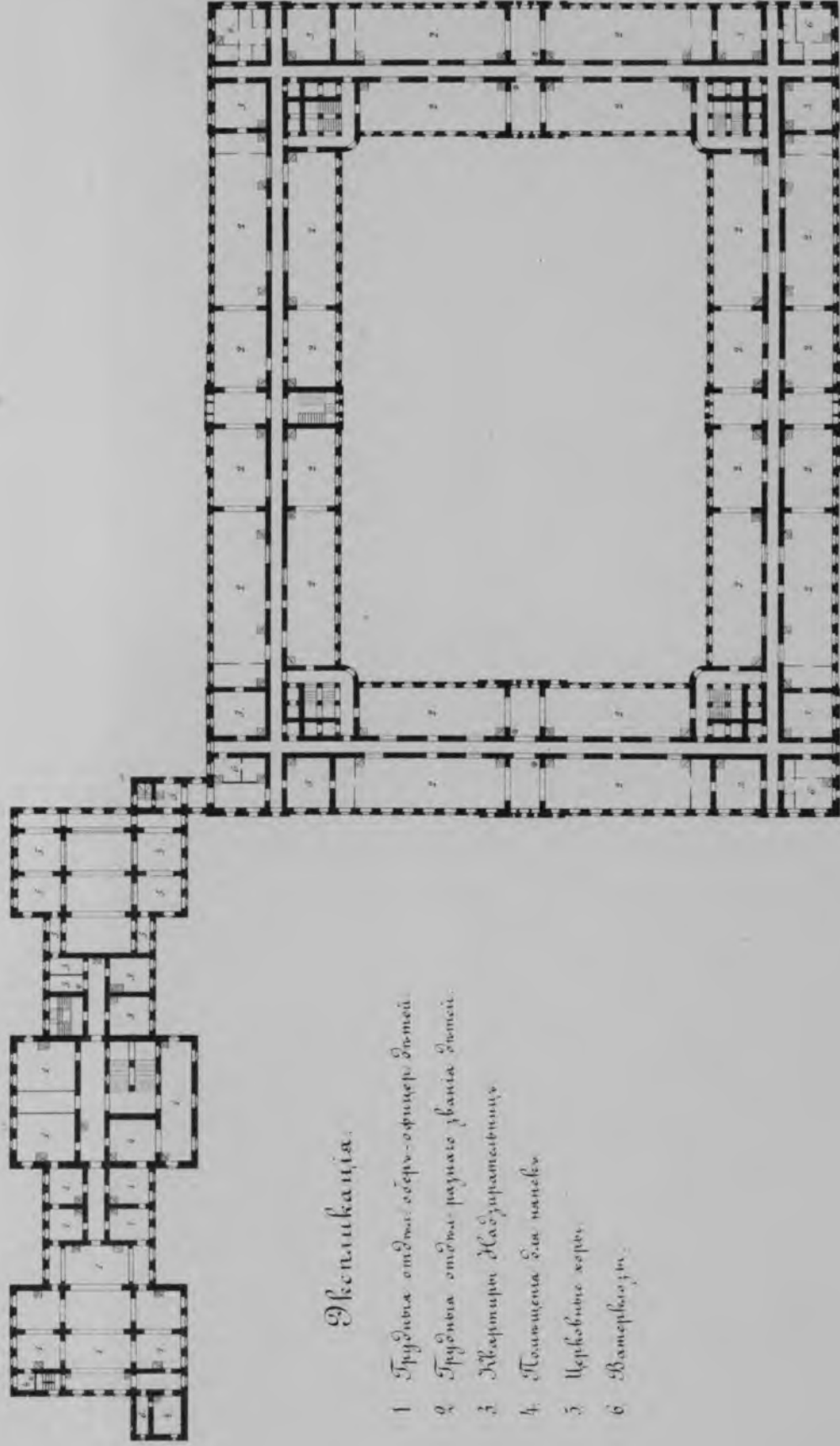

Экзотика.

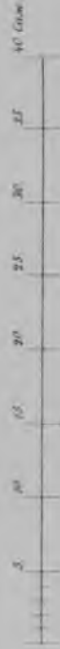
1. Усадьба Кавказа.
2. Музей Кавказа.
3. Восточный зал.
4. Библиотека.
5. Диорамма Кавказа.
6. Экспозиция природных богатств.
7. Церковь.
8. Вестибюль.
9. Кладовая для хранения вещей.
10. Периодика для народа.
11. Ванные комнаты.

Днепровская.

- 1 Звѣдильня отдѣлы офицеро-дѣтей.
- 2 Звѣдильня отдѣлы разнаго звѣдильни.
- 3 Квартиры казарменнаго.
- 4 Помещенія для павильо.
- 5 Церковное кость.
- 6 Ватерклозетъ.

ОКРУЖНОЕ СТРОЕНИЕ

14 Этажъ.

Жениткація.

1. Артилерія Свѣтлицькоба
2. Губельна.
3. Губельна.
4. Смережа.
5. Казармат. лѣвѣе дѣлянка.
6. Казармат. правѣе дѣлянка.
7. Директорская.
8. Дача полк. командира.
9. Кухня.
10. Казармат. нижнихъ сержантовъ.
11. Кухня.
12. Дача.
13. Кухня.
14. Слѣдственная.
15. Палата генеральск. родильницъ.
16. Швейцарская.

Жениткація.

17. Сани.
18. Сарай.
19. Печера.
20. Кухня.
21. Прахельня.
22. Вѣшная сумчатка.
23. Кухня.
24. Дача.
25. Кухня.
26. Дача.
27. Ватерклозъ.
28. Генеральск.
29. Дача.
30. Артилер. казарма.
31. Кухня.
32. Швейцарка.

О КРУЖНОЕ СТРОЕНИЕ.

3^я ЭТАЖЬ

Ученый кабинет 2го этажа.

1. Кабинет профессора и лектора.
2. Библиотека сурхимейских наук.
3. Библиотека сурхимейских наук.
4. Сиденье и лекторский кабинет.
5. Сиденье лектора.
6. Сиденье лектора.
7. Сиденье лектора.
8. Сиденье лектора.
9. Кабинет профессора.
10. Кабинет профессора.

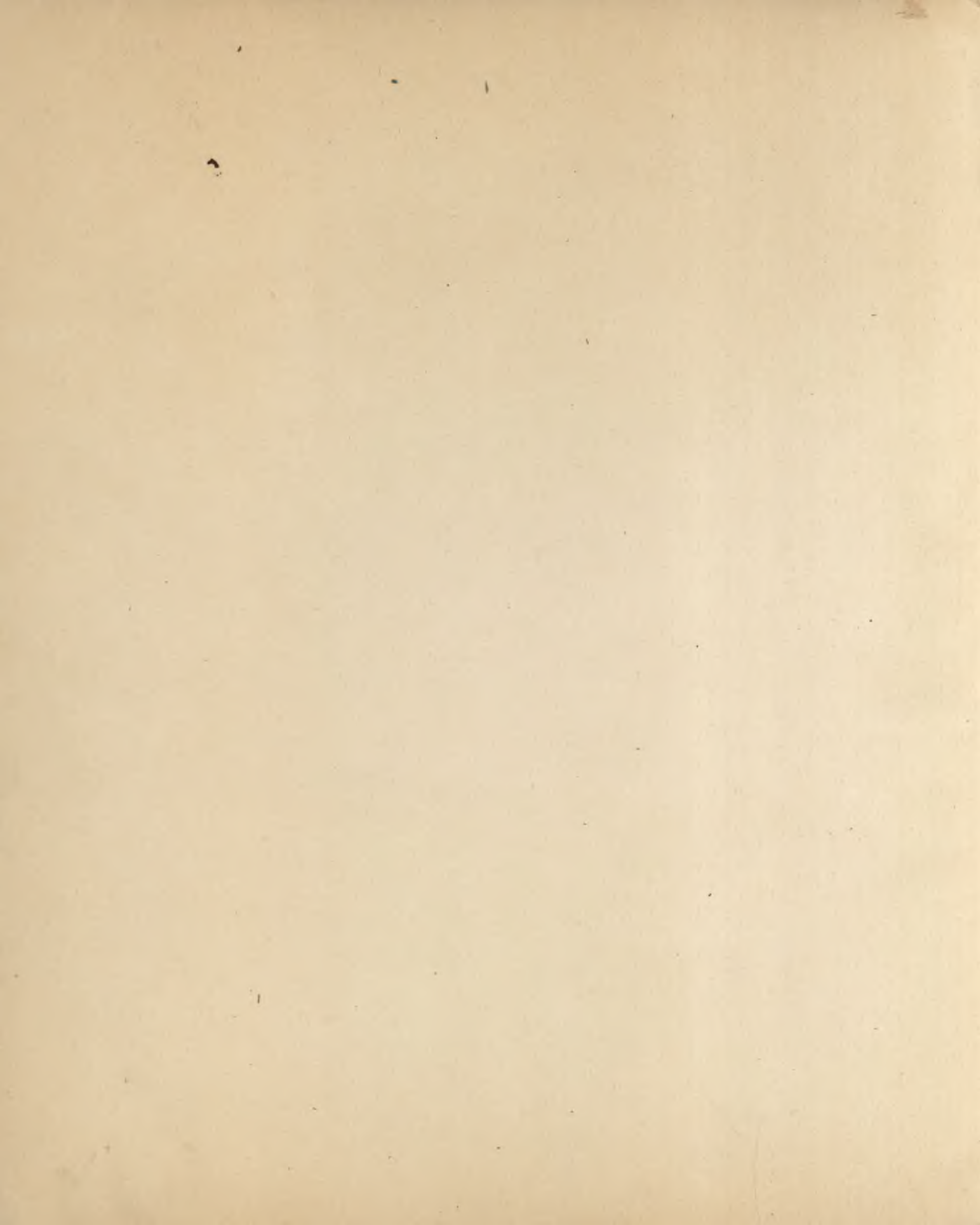
Ученый кабинет 3го этажа.

1. Библиотека сурхимейских наук.
2. Библиотека сурхимейских наук.
3. Кабинет профессора.
4. Кабинет профессора.
5. Сиденье лектора.
6. Сиденье лектора.
7. Кабинет профессора.
8. Кабинет профессора.
9. Кабинет профессора.
10. Кабинет профессора.
11. Кабинет профессора.

2^я ЭТАЖЬ

1/1000

30-1.1
12885/249.

06-22
W

ЦГБ
им. Н. А. Некрасова

2 000000 982199

ВСТУПЛЕНИЕ	стр. 1 — IV
I. СВДѢНІЯ МЕДИЦИНСКІЯ	стр. 1 — 96
II. РАСПОРЯЖЕНІЯ О ПИТОМЦАХЪ	стр. 1 — 58
III. РАЗНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ СВДѢНІЯ	стр. 1—113

скій благосклонно соизволилъ приказать переслать помянутыя дѣла ко мнѣ въ Москву. Рассмотрѣвъ эти бумаги, въ маѣ приступилъ я къ печатанію ряда статей, по мѣрѣ того, какъ онѣ представлялись сколько нибудь полными. Я не имѣлъ въ виду издать ко дню юбилея полную исторію Дома. Пригласивъ моихъ ближайшихъ помощниковъ и нѣсколькихъ служащихъ при Домѣ врачей заняться со мною обработкою нѣкоторыхъ матеріаловъ, я желалъ преимущественно, или извлечь изъ забвенія такіе, которые съ теченіемъ времени могли бы совершенно утратиться, или сгруппировать тѣ, которые и нынѣ имѣютъ ближайшую связь съ прямою цѣлью Заведенія и могутъ освѣтить для самого Управленія Дома такіе предметы, о которыхъ ему всегда должно заботиться и часто представлять Опекунскому Совѣту свои заключенія. Къ начертанію полной исторіи Дома есть и другое препятствіе: въ архивѣ Заведенія дѣлопроизводство сохранилось лишь съ 1812 года и только книги Крестоваго Отдѣленія и нѣкоторыя другія представляются безъ пробѣловъ съ самаго основанія Дома.

Съ дѣлами Московскаго Воспитательнаго Дома по всѣмъ разнообразнымъ его частямъ всѣхъ ближе знакомъ письмоводитель Управленія М. Н. Алексѣевъ: съ нимъ непрестанно я и совѣтовался. Его же стараніями, едва ли не во всей желаемой полнотѣ, составленъ списокъ благотворителей Дома, а по возможности собраны историческія свѣдѣнія о предоставленныхъ Дому въ первое время его существованія оброчныхъ статьяхъ, о привилегіяхъ Дома, и о происшествіяхъ въ 1812 году, Дома касающихся и пр. Весьма любознательные молодые врачи А. И. Клементовскій и Р. Я. Расторовъ написали, по просьбѣ моей, статьи,—первый объ искусственномъ кормленіи грудныхъ дѣтей и объ оспопрививаніи, а послѣдній—о Секретно-Родильномъ Госпиталѣ. В. А. Голицынскій, по указаніямъ главнаго доктора А. И. Блументаля, выбралъ

изъ отчетовъ Г. Блументаля за разные годы тѣ любопытныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ статьѣ „О болѣзняхъ и смертности грудныхъ дѣтей въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ.“ Г. М. Воздвиженскій, молодой преподаватель Повивальнаго Института, подготовилъ подробную записку объ этомъ учрежденіи; по печатанію оной я отложилъ до предполагаемаго мною втораго выпуска „Матеріаловъ.“ Административныя распоряженія по воспитанію питомцевъ въ деревняхъ, ихъ усыновленію и возвращенію къ родственникамъ изложены въ хронологическомъ порядкѣ инспекторомъ округовъ Н. М. Горлицынымъ.

При составленіи поименованныхъ статей, всѣ мы пользовались выписками изъ дѣлъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, сдѣланными П. В. Шереметевскимъ, уступившимъ ихъ въ мое распоряженіе. — Директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи П. И. Иваповъ, по дружескому расположенію, сообщилъ мнѣ изъ дѣлъ этого Архива извлеченія, на которыя въ своемъ мѣстѣ и сдѣланы въ текстѣ ссылки. — М. П. Полуденскій доставилъ нѣсколько свѣдѣній изъ дѣлъ бывшей Гофъ-Интендантской Конторы.

Я всячески избѣгалъ перепечатывать то, что уже было напечатано, кромѣ необходимыхъ краткихъ выписокъ. Иначе можно было бы издать нѣсколько томовъ. Перечисленіе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ печатныхъ источниковъ, касающихся до исторіи Воспитательнаго Дома можетъ составить особую статью во 2-мъ выпускѣ „Матеріаловъ.“

При изученіи какого бы то ни было предмета, касающагося до Воспитательнаго Дома, нужно восходить къ Бецкому; въ этой мысли, я полагаю, что общій очеркъ его дѣятельности по Воспитательнымъ Домамъ долженъ войти въ составъ статьи заключительной; въ настоящемъ выпускѣ „Матеріаловъ“ такой статьи нѣтъ.

В. Драшусовъ.